

С.А. АРУТЮНОВ
С.И. РЫЖАКОВА

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

vk.com/ethnograph

БЕСЬ
МИР

Издательство
2004

УДК 39:572

ББК 71.1

А 86

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Арутюнов С.А.

А 86 Культурная антропология / С.А. Арутюнов, С.И. Рыжакова. —
М.: Издательство «Весь Мир», 2004 — 216 с. — (Серия «Аудитория»).

ISBN 5-7777-0212-0

Книга представляет собой расширенное введение в культурную антропологию, науку, занимающую пограничное положение между естественными и гуманитарными дисциплинами. Культурная антропология изучает человека как существо одновременно биологическое и социальное, обладающее «второй природой» — культурой.

В основу настоящего издания были положены материалы нескольких курсов лекций по культурной и социальной антропологии, этнографии, религиоведению, прочитанных авторами в МГУ и РГГУ. Книга будет полезна не только студентам и аспирантам гуманитарных дисциплин, но также и всем тем, кто интересуется проблемами исследования культуры. Издание хорошо проиллюстрировано и снабжено списком дополнительной литературы.

УДК 39:572

ББК 71.1

vk.com/ethnograph

ISBN 5-7777-0212-0

© Издательство «Весь Мир», 2004 г.

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Культурная антропология: предметная область исследований	11
Глава 2. Рождение человечества: антропогенез и ранняя история	27
Глава 3. Этносы, этногенез и этническая история	45
Глава 4. Народы древние и молодые	59
Глава 5. Культура и ее функции. Общества и культуры	69
Глава 6. Производящее хозяйство, цивилизации и историко- культурные области мира	95
Глава 7. Когда мир обретает форму: историческая память и повседневность	119
Глава 8. Адаптивное значение культурного полиморфизма	129
Глава 9. Культура и язык	151
Глава 10. Секс, брак и семья	165
Глава 11. Культуры, народы и религии	187
Заключение	201
Список иллюстраций	205
Рекомендуемая литература	207
Об авторах	214

Если пределы широки и направо, и налево,
ничто тебе не мешает.
Если пределы далеки вперед и назад,
ничто тебя не ограничивает.
Когда же тесно,
тебя сдавливают и разрушают.
Когда душа твоя ограничена
узкими и строгими рамками,
ты вступаешь в борьбу с другими людьми
и бываешь разбит.
Когда же она свободна и гармонична,
ты не теряешь и волоска.
Человек — это душа Вселенной.
Вселенная не имеет пределов.
Отчего же должны быть отличны от нее
свойства человека?..

Кэнко-хоси. Записки от скуки

Вступление

Что такое антропология? Философская традиция, уходящая своими корнями в классическую античность. Научная дисциплина, традиция гуманитарного знания, существующая более полутора веков как наука о человеке и его окружении. Метод гуманитарного исследования, получивший особое развитие во второй половине XX в.

Эта наука охватывает чрезвычайно широкий спектр явлений, наделенных символическим значением, имеющих фундаментальный характер для экономической, социальной, политической, культурной, религиозной, бытовой жизни всякого общества — от первобытного племени до наиболее развитого социума.

Важнейшей особенностью культурной антропологии как науки является ее пограничное положение между естественными и гуманитарными дисциплинами: здесь человек изучается как существо одновре-

менно биологическое и социальное, подвластное тем же процессам, что растения и животные, но также обладающее особой «второй природой», культурой.

Как самостоятельная научная дисциплина культурная антропология (равно как социальная антропология, этнология, этнография) относительно молода. Однако «преднаучный» период накопления антропологических знаний, а также попытки изучения культурных и этнических различий и взаимодействий в разных обществах мира насчитывают уже около двух с половиной тысяч лет.

Антропологический взгляд вырастал из наблюдений над миром другого человека, иного народа. Такие сравнения и противопоставления как «мы»/«они», «свое»/«чужое», «культурное»/«варварское» лежали в его основании.

Соприкасаясь с миром «других», человек замечал: «они» отличаются от «нас» внешне, иначе одеваются, употребляют другую пищу и живут в других домах. «Они» носят другие прически, у них иначе устроена семья и они молятся другим богам. «Другими» были жители далёких стран, но нередко также и близкие соседи.

Отношение к «другому» бывало разное. С древнейших времен человечества и до наших дней распространен взгляд, согласно которому все свое воспринимается как наиболее оптимальное, правильное и красивое, чужое — как непонятное, нецелесообразное, странное. Однако человеку свойственно любопытство, и соприкосновение с миром иного бытия рождало чувство удивления, восхищения, а подчас и восторга.

Наряду с формированием относительно замкнутых человеческих сообществ (этносов, социальных страт, религиозных конфессий, субкультур) происходило и расширение горизонтов: протаривались дорожки, соединявшие различные языки, народы и культуры. Толмачи, купцы, послы, посещающие далекие страны, были первыми людьми, осуществлявшими во всех отношениях «перевод» одной культуры на другую. Они привозили на родину рассказы о другой жизни, а также — заморские курьезы, размышления над которыми сыграли немалое значение в становлении науки антропологии. Так, из кабинета подсобных «курьезов» родился один из крупнейших и старейших этнографических музеев мира — Кунсткамера Санкт-Петербурга, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

«История» Геродота (середина V в. до н.э.), «Истории» Фукидида (411 г. до н.э.), труды Аристотеля («Политика», IV в. до н.э.), «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря (I в. н.э.), очерк «Германия»

Тацита (II в. н.э.), многочисленные записки путешественников, например, «Записки о странах Запада» — описание различных областей Индии китайским буддийским паломником Сюань-Цзаном (648 г.) — эти труды могут считаться самыми ранними, в которых прослеживаются первые попытки культур-антропологического исследования. В них описываются быт и нравы различных народов, области их расселения, хозяйство и ремесла, социальное устройство. Кроме словесных описаний в ранних источниках иногда также встречаются топографические карты, на которые нанесены зоны обитания племен, и рисунки, представляющие физический облик различных народов, их одежду, утварь, священные предметы и жилища.

Кругозор людей постепенно расширялся. Особенно быстро этот процесс начал развиваться с XV—XVI вв., в связи с Возрождением античности и Великими географическими открытиями.

Как использовались ранние описания народов? Они могли служить разным целям. Среди них есть заказные сочинения, которые создавались для обоснования завоевания территорий, установления владычества над другими народами, уличения соседей в «неправильном» повседневном поведении, несоблюдении определенных («наших») нравственных устоев и покушении на «наши» леса, поля, воды и другие жизненные ресурсы.

Другой целью ранних культур-антропологических описаний был стратегический шпионаж — традиция, дожившая, кстати говоря, до XX в. Особенно тщательно эта прикладная сфера знания была отработана в средневековой Венеции, где все путешественники, побывавшие в странах Востока, были обязаны представлять подробный отчет о посещенных землях, о населяющих их народах, обычаях, учреждениях, хозяйствовании, государственном устройстве и взаимоотношениях с соседями. Для того чтобы путешественника ничто не отвлекало от важного для властей написания отчета, его на время заточали в тюрьму и выдавали специальные формуляры, содержащие полный круг вопросов о проделанном путешествии и о виденном в заморских странах, о затраченном времени и финансах. Именно таким образом был создан знаменитый труд путешественника XIII в. Марко Поло «Книга о разнообразии мира».

В XVIII в. начали появляться первые общества, деятельность которых была направлена на изучение человека, это были предшественники антропологических организаций. Например, в 1799 г. в Париже появилось «Общество наблюдения за человеком». Публиковались труды

философов, путешественников, посвященные исследованию природы человека вообще и людей, принадлежащих различным культурам. Особенно известными стали труды Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций», Жозефа Франсуа Лафито «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен», Жозефа Марии Жерандо «Размышления о различных методах для наблюдения за дикарями».

В XIX—XX вв. в разных странах Старого и Нового Света сложилось несколько направлений с собственной методологией и подходами, но с внутренним единством объектов и предмета исследования. Эти направления оформились в различные школы культурной антропологии (в США), социальной антропологии (в Великобритании и Франции), народоведения (в Германии), этнологии и этнографии (во Франции и Восточной Европе). Среди них выделяется немецкая этнологическая школа, которой присуще деление науки на *фолькскунде*, т. е. сбор и анализ сведений о традиционной культуре своего, немецкого народа, и *фелькеркунде* — изучение других, притом преимущественно первобытных и экзотических народов.

В различных сочетаниях антропологические и этнологические дисциплины всех стран охватывали также целиком или частично

Рис. 1. Южная Индия: деревенская святыня.

другие гуманитарные области: лингвистику, археологию, историю, экономику, юриспруденцию, социологию, искусствоведение.

Культурная антропология и этнография соседствуют, переплетаются, а подчас и частично пересекаются со многими другими дисциплинами — археологией, физической антропологией, фольклористикой, языковедением, социологией, гражданской историей и другими. На стыке с медициной, при изучении традиционных народных методов врачевания, возникает этномедицина. На стыке с ботаникой, при изучении народных знаний о местной флоре, — этноботаника; на стыке с психологией, при изучении свойственных этническим общностям групповых психологических особенностей, — этнопсихология и т. д. Однако все эти сферы не существуют изолированно, но выявляют, дополняют, проясняют друг друга, и только в совокупности способны создать полноценную картину исследуемой культуры.

В течение XX в. антропологи и этнографы собрали огромный эмпирический материал, связанный с историей и функционированием отдельных народов, культур, субкультур, а также создали основательную базу для формирования антропологической теории. К настоящему времени отработаны методы кросскультурного исследования, типология и семиотика культур, изучения их моделей (анализ категорий культуры). Предложены и обсуждены различные подходы к изучению предмета исследования, они стали основой различных школ и субдисциплин культурной антропологии.

В настоящее время в учебных заведениях России культурная антропология отчасти сменяет существовавшую до сих пор исключительно как вспомогательная историческая дисциплина этнографию. Это обусловлено сменой научной парадигмы, а именно осмыслением антропологического знания как имеющего не только прикладной характер, но как фундаментальной исследовательской дисциплины.

Предлагаемая книга является расширенным введением в культурную антропологию. Необходимость подобной работы обусловлена недостатком учебных пособий для студентов-гуманитариев, в которых сжато, но достаточно полноценно была бы представлена культурная антропология как система научного анализа, как единое исследовательское поле, наконец, как особое мировоззрение.

Настоящая работа предназначена для студентов гуманитарных специальностей вузов, а также будет полезна и для учащихся старших классов школ и лицеев, аспирантов, преподавателей, всех интересу-

ющихся проблемами исследования культуры. В книге использованы материалы лекционных и семинарских занятий курса «Культурная антропология», прочитанного в МГУ чл.-кор. АН РАН, д.и.н., проф. Сергеем Александровичем Арутюновым и курса «Антропологические и этнологические аспекты религий», прочитанного в РГГУ к.и.н. Светланой Игоревной Рыжаковой.

Культурная антропология: предметная область исследований

Небесная сеть неошутимо редка,
но ничто из нее не ускользает.

Дао Дэ Цзин

В мире существует, наверное, не так много наук, которые имели бы такое большое количество обозначений: этнография, этнология, антропология (социальная, культурная). В тех языках, где научная терминология складывалась не на греко-латинской, а на национальной лексике, термин «этнография» обычно передается калькирующими словами. Кстати, любопытно, что в силу полисемии корня «этнос» в собственно новогреческом языке вместо термина «этнография» чаще употребляется «лаография» (от греч. *лаос* — «простой народ», «миряне»). Так, по-немецки *фолькскунде* — «наука о народе», народоведение¹, *фелькеркунде* — «наука о народах», по-армянски это *азгагрутюн* (от армян. *азг* — «род, народ», и *грел* — «писать»). Китайское *минь-цзу-сюэ* («народ-племя-наука») — т. е. «наука о видах народов», и японское *мин-дзоку-гаку* («народ-обычай-наука»²) — «наука об обычаях народов», что по содержанию во многом соответствует немецкому *фолькскунде*. Каждая из этих дисциплин представляет особую исследовательскую модель, имеет свои ориентиры и акценты.

Однако все они, по сути дела, имеют единое исследовательское поле. Реальность, которую они описывают, объекты, а часто и предметы исследования едины: прежде всего это человек и его повседневная жизнь в созданной им же среде. Но почему в столь единой в принципе науке возникло такое множество обозначений?

¹ Русское слово «народоведение» синонимично немецкому *фелькеркунде* («наука о народах») и «этнографии», но употребляется реже.

² Пишущееся теми же иероглифами, или же звучащее точно также, но пишущееся с другим иероглифом *дзоку* — «обычай».

Названия большинства наук в значительной степени условны и не отражают непосредственно реального разграничения объектов их исследования. Нельзя логически вывести из названий сущность различий между астрологией и астрономией, биологией и зоологией, геологией и географией.

Антропология — наука об изменчивости человека во времени и пространстве. Если физическая антропология занимается вопросами изменчивости человеческого организма, то культурная антропология сосредоточивает внимание на вариативности культур.

В определенной мере можно считать, что термины «этнография», «этнология», «культурная/социальная антропология» синонимичны. Институт этнографии Академии Наук СССР с 1992 г. именуется Институтом этнологии и антропологии РАН. Вузовский учебник «Этнография»³ (1982) без принципиальных изменений был положен в основу учебника «Этнология» (1994)⁴, написанного практически тем же коллективом авторов.

Принято считать, что в западноевропейских языках за термином «этнография» закреплён смысл преимущественно описательных полевых фактологических исследований, фиксации повседневного поведения представителей разных народов. Этнология же — наука аналитическая, изучающая на основе этнографических, исторических и прочих данных поведение этносов как целостных групп и их взаимоотношения.

Это несколько искусственное разделение не отражает реальной картины исследований и ведётся этнографами-практиками во всех частях света. Почти всегда конкретные исследования сочетают накопление новых фактических данных с попытками их обобщения, интерпретации, теоретического осмысления. Во всяком случае, в традициях российской (как и советской) этнографической школы подобное противопоставление не было существенным.

Работа этнографа, этнолога, антрополога может быть полевой и кабинетной. Практически не бывает «чистых полеви́ков»: обработка полевых дневников всегда так или иначе должна вестись в рабочем кабинете и без сопоставления вновь полученных данных интервью и наблюдений с более ранними записями и публикациями других ученых обычно не обойтись. Но также относительно редко можно встретить и исключительно кабинетного этнолога, который никогда не вел поле-

³ *Этнография* / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М., 1982.

⁴ *Этнология* / Под ред. Г. Е. Маркова и В. В. Пименова. М., 1994.

ной работы и базируется исключительно на данных других исследователей. Хотя, конечно, эти данные — все, что доступно ученому, если он занят описанием, анализом, интерпретацией и реконструкцией ситуации семидесятилетней давности.

С другой стороны, любой этнограф-полевик, составляя этнографическое описание, допустим, якутского села, не только переводит записанные тексты с якутского на русский или на английский, но в известной мере «переводит» и культурные феномены якутского села на «язык» категорий современной западной городской культуры. Это необходимо сделать, чтобы они стали понятными международной читательской аудитории. И даже в том случае, когда этнограф — сам якут и пишет по-якутски для, скажем, якутского студенчества, все сказанное остается в силе, ибо и эта аудитория в основном мыслит в категориях современной городской культуры.

Таким образом, описание и интерпретация (в том числе — реконструкция) как две исследовательские модели и как два полюса суть два аспекта всякой работы антрополога, в том числе и тогда, когда основной задачей является описание. Перевод слов и смыслов исследуемой культуры — важный механизм работы антрополога.

Семантическому полю слова «этнография», бытующему в русском языке, наиболее полно в западной языковой традиции соответствует термин «антропология», в особенности с определениями «культурная» или «социальная», «Физическая», «биологическая» антропология изучает вариации физического типа человека, начиная с пропорций тела, лица, головы, и кончая факторами крови и другими биохимическими характеристиками. В русском словоупотреблении до недавнего времени термин «антропология», вслед немецкой традиции XIX в., употреблялся почти исключительно в этом последнем значении. Лишь недавно под влиянием англо-американской научной лексики термин «антропология» стал употребляться расширительно, вплоть до обозначения всего круга наук о человеке.

Хотя не следует искать прямой и однозначной связи между названием науки и ее реальным содержанием, предпочтение названий «культурная антропология» в США, «социальная антропология» в Великобритании, «этнография» в России неслучайны.

В поле зрения американского антрополога находятся люди, иногда даже один человек, обладающие своей специфической культурой в конкретном, локальном и временном варианте.

Очень часто объектом исследования служит субкультура, далеко не всегда этническая. Это могут быть субкультуры рыбаков, лесорубов,

поселенцев-сектантов, хиппи, обитателей тюрьмы, жителей изолированной горной долины, которые имеют определенную специфику в организации жизни, общения, праздников, религиозной культуры, семейных и соседских взаимоотношений, в питании, передвижении, одежде, типе поселения и т. д.

Социальные антропологи тоже исследуют человека в созданной им культурной среде. Но они в основном сосредотачиваются на изучении общественной жизни коллектива: как организуются семья, клан, соседская община, как сохраняется историческая память, как она передается среди современников, как транслируется между разными поколениями. Поэтому важным звеном социальной антропологии являются бытующие в исследуемом сообществе системы родства и свойства.

Основные проблемы культурной и социальной антропологии обсуждаются на страницах специальных журналов — международных, как «Current Anthropology», «Ethnologia Europea», национальных, как «American Anthropology» (США), «Journal of Royal Anthropological Institute» (Великобритания), «Anthropos» (Австрия), «Zeitschrift für Ethnologie» (Германия), «Миндзокутаку Дзасси» (Япония), «Этнографическое обозрение» (Россия) и другие.

В традициях российской этнографической школы в центре внимания всегда находился народ, этнос. Термин «этнос» был введен в широкий научный оборот именно русскими учеными. Одним из первых был Сергей Широкогоров, этнолог первой половины XX в.⁵ Этнография понимается, прежде всего, как наука о народах. Изучение малых социальных или религиозных групп находилось в российской этнографии на периферии исследования. Мелкие субэтнические и этноконфессиональные группы становились предметом изучения, хотя и главным образом в целях получения более детальной и полной картины о народе, частью которого они являются.

Два направления — история первобытного общества и проблемы этногенеза — стали ключевыми в российской отечественной науке, но они сравнительно слабо выражены в западных научных школах, хотя существенны также для японской или китайской антропологической науки.

⁵ Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающихся ею от таковых других».

Итак, исходной позицией культурной антропологии является изучение культурных черт, социальной антропологии — социума, этнологии — этноса и/или этничности.

На Западе термин «этнос» не имеет широкого хождения. Там предпочитают говорить об «этничности», «этнических группах», «этнических единицах» и т. д. Но часто сюда входят религиозные общности (например, мормоны), этнорасовые (афроамериканцы) — то, что мы бы не выделили как «этноты». Чрезвычайно важно понятие *identity*, идентичность — способ, с помощью которого человек сам определяет свою принадлежность к некой общности. Чаще всего культур-антропологи предпочитают говорить о «культурных чертах», присущих этим общностям, выразителями которых могут быть конкретные люди. Исследуются также отдельные компоненты культуры — пища, одежда, жилище, священные культы, верования, обычаи, обряды, системы родства, оружие и т. д.

При этом на Западе, в особенности в американской антропологии и языковой практике англоязычных стран, «этническое» (например, этнические танцы, кухня) относится, как правило, не к основному населению страны, а к национальным меньшинствам, к экзотическим группам. Индейское, негритянское, акадийское⁶, меннонитское⁷ культурное достояние могут рассматриваться как этнические. Однако к общенациональной, американской, или даже к местной техасской кухне термин «этническая» не прилагается. Возможно, так сложилось в связи с недавним формированием понятий «американской» и «техасской» идентичности, тогда как в Европе и крупные народы, и даже малые этнические группы имеют долгую историю существования. В российской традиции все народы мира, как малые, ведущие архаический образ жизни, так и крупнейшие, имеющие индустриальное хозяйство, экономически развитые, почти всегда рассматривались как этноты, имеющие свои особые этнические черты.

Слово «этнос» в греческом языке полисемантично. Оно означает всякую множественность — вид животных, рой пчел, род, народ, сообщество. Аристотель «этнотами» обозначал негреческие народы, т. е. «чужих», тех, кто противостоял «нам», т. е. эллинам — культурному народу полисов.

⁶ Акадийцы — потомки французских переселенцев XVII—XVIII вв. в Северной Америке.

⁷ Меннониты — потомки нижненемецких колонистов, последователей протестантского нидерландского проповедника XVI в. Симона Менно.

Этнос как термин означает групповое языково-культурное сообщество людей. Для групп родственных этносов допускается обозначение «суперэтнос», для одного — «субэтнос». Конечно, возможны и переходные, спорные случаи. Например, некоторые исследователи считают сванов и лазов особыми народами (этносоми), другие (причем большинство) — субэтносоми грузин. Идут споры о том, можно ли считать евреев единым этносом или это суперэтническое образование.

Зачастую в решении подобных вопросов кардинальное значение имеют политические и экономические обстоятельства, и степень выгоды для данной группы «быть» тем или другим, что мы часто наблюдаем на постсоветском пространстве.

Так, например, кряшены и нагайбаки, компактные группы населения, говорящие на диалектах татарского языка, но в массе своей исповедующие православие, настойчиво требуют признать их особыми малыми этносами. В основании этих требований лежит надежда на некоторые льготы, вытекающие из Закона о малочисленных народах России. Напротив, политики, публицисты и даже ученые татарского «мейнстрима» категорически возражают против подобного решения, так как опасаются уменьшения переписной численности татар и соответственно ослабления внимания к общетатарским национальным проблемам. Для них кряшены и нагайбаки суть субэтнические подгруппы единого татарского народа.

Как мы уже отмечали, в немецкой, а отчасти и дальневосточной практике различаются изучение одного, своего, народа и изучение различных «иных» народов. Наличие двух дисциплин связано с тем, что ученому необходимо применять несколько различных методов и подходов при обращении к «своему» и «чужому» культурному наследию. Похожее разделение имеется в дальневосточной (китайской и японской) антропологической науке. В других национальных школах оно не встречается. Возможно, это связано с тем, что исторически немцам присущи большая этническая дробность и существенные различия между разными диалектами немецкого языка и культурно-этнографическими локальными группами немецкого народа. У других крупных наций Европы (англичан, французов) уровень этой дробности значительно ниже. В Китае и Японии он еще выше, чем в Германии, а во Вьетнаме и Корее, напротив, невысок.

Основным предметом изучения культурной антропологии является культура, воплощенная в предметах, словах и действиях. Этнографы исследуют преимущественно ту ее часть, которая составляет специфику бытия того или иного народа. Для антрополога «центр притяжения»

может быть и иной: идентичность, сходная с этнической, формируется на самых различных основаниях. Так, вполне можно предположить культур-антропологическое исследование сообщества мотоциклистов, если они обладают особыми чертами и самосознанием, отличающими их от прочих людей.

В 2001 г. вышла книга молодого петербургского антрополога И.В. Утехина «Очерки коммунального быта», в которой анализируются быт, поведение, психология обитателей коммунальных квартир бывшего Ленинграда. Какой-либо привязки к русской этнической специфике это исследование не содержит, но его нельзя назвать и чисто социологическим, так как его герои не образуют социальную группу, противопоставленную обитателям иного жилья, и сами на социальные группы не распадаются⁸.

Важный объект исследования и этнографа, и антрополога — человеческие сообщества в так называемых традиционных культурах. Зачастую это культуры бесписьменные, безавторские (в нашем понимании этого слова, т. е. как бы анонимные), в той или иной мере практикуемые, создаваемые и воспроизводимые всеми представителями этноса.

Письменная, авторская, отчетливо профессиональная часть культуры — так называемая «высокая» традиция, попадает под ведомство изучения специальных дисциплин: искусствоведения, литературоведения, архитектуры, медицины, кулинарии, агрономии, юриспруденции, вспомогательных отраслей знания (геральдики, нумизматики, сфрагистики и т. д.). Однако «корни» всех этих дисциплин находятся в народной культуре, и «низкая» традиция — народное жилище, народная кухня, устное творчество, народная медицина, обычное право, народное искусство и знаковые системы (тамги, метки, татуировка и прочее), как и многое, многое подобное, изучается этнографией.

Неудивительно, что в этнографических исследованиях очень большое внимание уделяется племенным, доклассовым обществам коренных народов Америки, Африки, Австралии, Океании. В странах Азии изучаются обитающие в горах и лесах тропические племена, в России — малые горские народы Кавказа и малые народы Севера и Сибири, в Европе также маргинальные, дисперсные, экзотические и речниковые группы населения (цыгане, саамы, баски, ливы и т. д.).

У большинства этих этнических групп и образуемых ими обществ (не считая последних европейских групп) нет «высокой» традиции, вся их культура сводится к безавторской, общеэтнической, коллективно

⁸ Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2001.

творимой «низкой» культуре. Выражения «традиционная культура», «традиционное общество» обычно обозначают именно доминирование «низкой» традиции. Цивилизованные, социально стратифицированные общества, обладающие собственной, этнически самоориентированной письменностью, государственностью, тоже могут быть вполне традиционными (например, японское общество Позднего Средневековья, XVI—XVIII вв.), но их традиции могут меняться под воздействием известных личностей — философов, поэтов, государственных и религиозных деятелей.

В классовых обществах основным объектом этнографического исследования является крестьянство. Так называемое «социалистическое колхозное крестьянство» и его современные реликты имеют много черт, роднящих их с позднекрепостным и раннекапиталистическим общинно-крепостным или фактически полужакобическим крестьянством. Эти формы сохраняют некоторые архаические особенности низовой культуры, и под определенным углом зрения они интересны для этнографа. Развитое капиталистическое фермерство нивелировано по основным культурным параметрам с городским самостоятельным населением. Его, как и последнее, исследуют главным образом по этносоциологическим параметрам, т. е. с точки зрения влияния его этнического самосознания на взаимоотношения с другими этническими и социальными группами соседнего народа.

Антропология и этнография города — еще мало разработанные области исследования. В индустриальном городском обществе человек перестает созидать свою культуру жизнеобеспечения, крайне снижаются его возможности активного формирования культурного пространства. Происходит изменение жизненных ценностей и культурных ориентиров человека, и на первый план выходит не проблема **творения, создания**, но проблема **выбора**. Выбирая пищу, жилье, одежду, транспорт, профессию, способ добычи и расхода денег, человек может проявить свою этническую, а также религиозную или другого рода культурную идентичность.

Среди городского населения интересными объектами этнографических исследований являются те слои, которые в той или иной мере еще сохраняют традиционную культуру, не сменили ее полностью на индустриально нивелированные безэтнические формы общемировой вестернизированной урбанистической культуры. Это хорошо отражают трудовые слои городского населения стран Азии и Африки, отчасти Латинской Америки. Задачей этнографии является также отслеживание процессов вытеснения традиционных компонентов низовой

бытовой культуры общемировыми чертами, синтеза этих компонентов и приобретения урбанистическими элементами некоторых локальных, этнически обусловленных черт.

Антропологи исследуют различные специфические формы городской жизни. Предметом антропологии повседневности является семiotика пространства жилища, распределение социальных ролей, обязанностей и благ, гендерные аспекты общественной культуры.

В любой этнической культуре сочетаются традиционные компоненты, которые существовали на протяжении жизни многих поколений, о которых говорят, что они были «всегда», и инновационные компоненты, о которых известно, что еще лет сто назад и менее не было и в помине, они вошли в культуру этноса недавно. Впрочем, практически все, что, казалось бы, существовало «всегда», тоже когда-то было новшеством, но это было так давно, что обстоятельства его появления уже забылись.

Новшества (инновации) входят в культуру этноса разными путями. Часть их возникает внутри общества, путем самостоятельного изобретения.

Так, в первой половине XIX в. русские крестьяне изобрели метод получения подсолнечного масла (подсолнечник стал возделываться в России только в 1830-х годах, и до того во всем мире ели только его семечки). Сейчас это — основное пищевое растительное масло в России, а более старые льняное и конопляное масла почти совсем вышли из употребления. Однако сегодня подсолнечное масло получают и употребляют и во многих других странах мира. Там его не изобретали: этот компонент культуры питания другие страны получили путем заимствования из России.

Заимствование — один из важнейших путей обогащения любой культуры. Заимствование может происходить горизонтально, из одной страны или области в другую, но на том же социальном уровне, скажем, на уровне крестьянства. Часто одни социальные слои заимствуют культурные черты других, обычно нижестоящие у вышестоящих.

Немецкий этнограф Г. Науманн в начале XX в. показал, что многие культурные черты европейского крестьянства (одежда, утварь, даже песенная поэзия) представляют собой упрощенные формы культуры, первоначально присущей аристократии и городской элите⁹. Впрочем, с другой стороны, творившие для этой элиты профессионалы (дизайнеры, мастера, поэты), очень часто вдохновлялись образцами и мотивами

⁹ Naumann H. Primitive Gemeinschafts Kultur. Jena, 1921.

вами, корни которых лежат в народной культуре. Сам Науманн признавал, что, перенимая элитарную культуру, «народ, собственно говоря, берет назад то, что ему принадлежало».

Заимствования одного народа у другого чаще происходят в элитарной среде, но затем распространяются и в массы. Около тысячи лет назад японская аристократия переняла несколько видов новых блюд из китайской «высокой кухни», в частности соевых — соевые соусы, пасты, творог. Попутно заметим, что китайской «высокой кухней» эти кулинарные рецепты были взяты из народной культуры и затем усовершенствованы, облагорожены. В Японии новую кулинарную моду знати стали копировать все более широкие и низовые слои населения, и через два-три столетия эти блюда стали неотъемлемой частью общенародного питания. В наши дни японские кулинары создают на их основе новые блюда элитарной кухни.

Важным элементом домашнего быта литовского крестьянства XVIII — начала XX вв. являются расписные сундуки. Исследовательница Эльвира Усачевайте в книге «Литовский народный орнамент. Характерные черты декора и символика крестьянской мебели» показала, как искусство барокко, трансформируясь, частично соединяясь с древним балтийским наследием, создавало традиции украшения народной мебели в Литве.

В наше время путем заимствования, причем первоначально в основном на элитарном уровне, происходит глобальное распространение так называемой «западной», обезличенной, общемировой культуры. Она имеет тенденцию постепенно распространяться по социальной шкале «сверху вниз», становясь общенародной, и вытесняет этнически специфичные черты.

Однако став таковой, культура теряет свою первоначальную престижность, и происходит инверсия ценностей: модными и значимыми становятся вещи и действия, ранее презиравшиеся как «вульгарные», такие, как расписные деревянные ложки и плоски, старинные настенные блюда, вязаные накидки, лоскутные одеяла. И только специалист, знаток материальной культуры вспомнит, что расписная «хохломская» посуда в свое время появилась как дешевая народная имитация роскошной придворной серебряной и золоченой посуды, украшенной богатым чеканным и черненым растительным орнаментом. Так, в постоянном круговороте обмена культурным достоянием между различными сословиями общества, соседними народами и субкультурами, происходит развитие культуры этноса и социума.

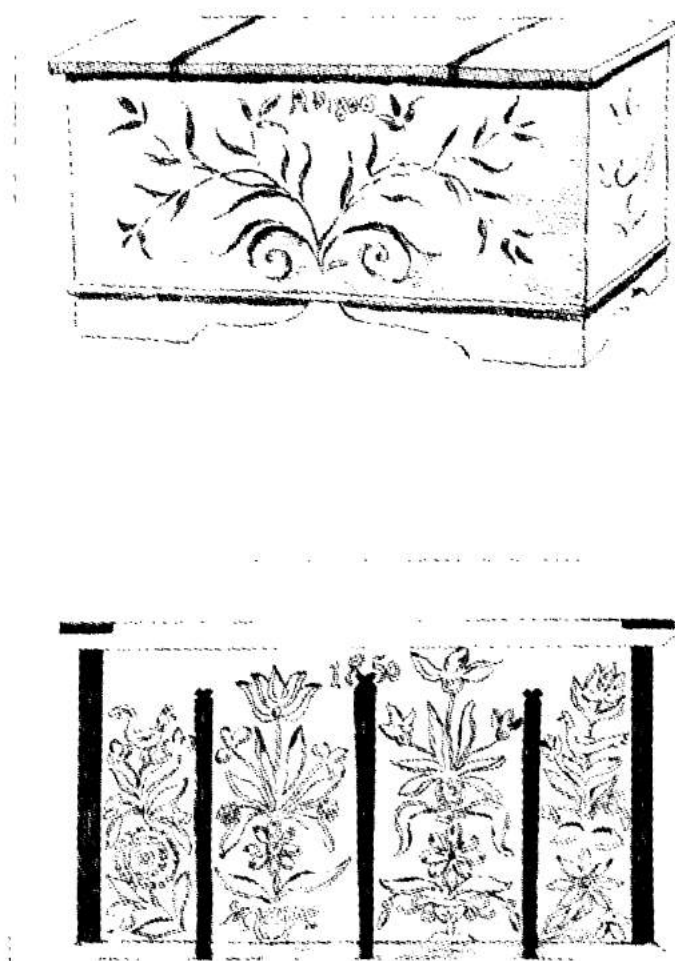

Рис. 2. Роспись литовских народных сундуков (XIX в.).

Вряд ли можно сомневаться, что в третьем тысячелетии н.э., в которое мы уже вступили, урбанизация и индустриальная нивелировка традиционного образа жизни будет продолжаться и усиливаться. Сохраняющиеся же еще во многих странах мира архаические, «первобытные», бесклассовые и крестьянские общества и культуры в конце концов перестанут существовать в настоящем виде. Они будут модернизированы, ассимилированы и поглотятся индустриальным миром.

Однако этнокультурные различия между индустриальными обществами отнюдь не проявляют тенденции к стиранию или их исчезновению. Классическая этнография в будущем может потерять свой привычный предмет исследования, но пограничные направления — этносоциология, этнопсихология, этнополитология, как и, разумеется, культурная антропология в целом — будут развиваться.

Основными методами культур-антропологического исследования всегда были и остаются наблюдение (как «отстраненное», так и «включенное», оба термина довольно условны) и интервью (опросы и беседы с информаторами). Центральное место в этносоциологических и сходных с ними исследованиях занимает массовое анкетирование с последующей статистической обработкой.

Фиксировать наблюдение можно на разных материальных носителях: дневниковых записях (здесь вся наблюдаемая и воспринимаемая информация «переводится» на естественный язык, описывается), фотосъемке, аудио- и видеозаписи (что позволяет повторить звуковую и визуальную картину наблюдаемого, но пока не дает возможности воспроизвести тактильные, температурные, влажностные ощущения и запахи, и поэтому тоже неполно).

Однако для хорошего культур-антропологического анализа необходимо не только правильно очертить круг исследовательских вопросов и выбрать источники: особенно ценен взгляд исследователя. Поток культуры един, и в нем много противоречий. Культура безбрежна, и — по выражению этнолога Андрея Головнева, «если просто покачиваться на ее волнах — можно основательно изучить только собственную лодку»¹⁰. Поэтому нужно приобрести некоторое направление движения, курс, или, пользуясь другой метафорой, фокус взгляда.

¹⁰ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Индийский антрополог М.Н. Шринивас называл своих коллег, исследующих в основном иные культуры, — по аналогии с «дваждырожденными», т. е. рожденными от родителей и от учителя индийскими брахманами, — «триждырожденными»¹¹.

Рождаясь и социализируясь в собственной культуре, ученый обретает свое «второе рождение» в исследуемой культуре. «Третье» же рождение происходит по «возвращении», когда антрополог делает переход из изученных текстов на язык своей культуры, которая в этот период подвергается переосмыслению.

Антропологическое исследование — это не только наблюдение и фиксация. Это также постоянный диалог между представителями разных народов, социумов и культур, пользующихся различными языками, способами хозяйствования и устройства общества. Наконец, это еще форма самопознания, обретение собственной формы и границы, установление способов и видов контактов с внешним миром, с чем-то «иным».

В некотором смысле определенную культуру можно сопоставить с индивидуумом. Внутри культуры, подобно душе и разуму человека, нет границ; извне, как и у всякого тела, организма граница есть. Граница культуры — это словно бы ее рельеф, форма, внешний вид, целостность. Ощущение целостности культуры, равно как и путей «вхождения» в нее, чрезвычайно важно в искусстве антропологического исследования, и именно этим определяется ритм шагов ученого в пространстве культуры.

Антропология — это наука о мелочах, о подробностях. Но предельно частное наблюдение над культурой должно соседствовать в антропологии с предельно общим. Если технику антропологического исследования можно назвать микросоциологической, то теории — макросоциологическими. В антропологии используется частное наблюдение, чтобы осветить общее, микрокосм, чтобы выявить макрокосм.

Иногда различают наблюдение «внутреннее» — когда исследователь является также носителем данной культуры, и «внешнее», когда ученого и объект его изучения отделяет значительная культурная дистанция. Однако это весьма условное разделение. На поверку оказывается, что «внешнее» — не такое уж и внешнее наблюдение, так как вести работу без позволения информаторов и даже некоторой адаптации антрополога к исследуемой культуре невозможно. И напротив: чтобы что-то уви-

¹¹ *Srinivas M.N.* Village Studies, Participant Observation and Social Science Research in India // *Economic and Political Weekly*. 1975. Vol. 10. № 33—35.

деть, необходима определенная дистанция, отстранение от слишком «своего», привычного, знакомого, и потому вроде бы незамечаемого.

Кроме того, определенная субъективность, хотя и различной степени, имеется в любом антропологическом (или этнографическом) описании или интерпретации. Относительно недавно, в основном, в конце XX в. лингвисты начали выявлять и учитывать такое явление, как **свободная непрямая речь**. В антропологических работах она часто применяется, охватывая более широкий класс явлений, чем конкретно наблюдаемые, и вводится такими оборотами как «она полагает, что...», «я понял, что...», «им кажется, что...», «он сказал, что...», «это значит, что...» и т. п.

Свободная непрямая речь вводит концептуальные представления: идеи, представления (личные и связанные с сознанием) и послания, сообщения (публичные и связанные с поведением).

Использование подобных оборотов, само по себе явление не новое, в наши дни отражает тенденцию отхода антропологов и этнологов от претензий на объективное знание, перехода от декларирования реальных явлений к констатации их существования прежде всего в сознании носителей, когда явления могут быть не столько реальными, сколько мнимыми, «воображаемыми». Однако, когда явления, пусть и воображаемые (например, миф о происхождении народа из «лежащей по ту сторону гор» территории) реализуются в конкретных политических и военных претензиях на эту территорию, то оказывается уже неважно, действительно ли данный народ пришел некогда с этой территории, или же это необоснованная уверенность.

Культурная антропология изучает, прежде всего, ныне живущее, современное исследователю общество. Но и это общество может рассматриваться как в синхронном аспекте (как условно неизменяющаяся, взаимосвязанно функционирующая система факторов и компонентов), так и в диахронном аспекте (как исторически развивающаяся, изменяющаяся система).

В пределах пяти-шести десятилетий основные события и перемены обычно еще можно установить по живой памяти старейших информаторов. Но чтобы погрузиться глубже, нам необходимы и другие источники. Их предоставляет отчасти археология, которую мы вполне можем считать палеоэтнографией, ведь по большому счету предмет исследования археологии и этнографии один: это специфика человеческой культуры, в частности культуры жизнеобеспечения. То, что этнограф наблюдает «живьем», археолог реконструирует по мертвым добытым из-под земли останкам — погребениям, развалинам жилищ, мусорным кучам.

Историческая этнография привлекает письменные источники — свидетельства путешественников, летописцев, религиозных миссионеров, колониальных администраторов, случайных наблюдателей, и их записи можно рассматривать как непрофессиональные, это не менее ценные формы фиксации этнографических наблюдений. С середины XIX в. появляются работы профессиональных этнографов.

Зачем нужна культурная антропология в современном обществе? Антропологические и этнологические исследования имеют немалое прикладное, практическое значение. Это и национально-культурное строительство, и выработка концепций национальной политики, и повышение уровня народного образования, и внешняя политика, и стратегия в международном сотрудничестве, и развитие дипломатии, и многое другое.

Знание культуры, устройства быта и общества разных народов для успешного манипулирования, управления (в общем-то, компонент всякой коммуникации) — всегда было одной из существенных задач антропологического исследования.

Однако в XX в. начала вырисовываться и другая исследовательская модель: антропология как умение «видеть глазами другого». Фрагментарно она встречалась в истории человечества и раньше¹², но только теперь и в рамках именно этой науки такой подход начинает обретать отчетливые очертания, становится исследовательским принципом.

Особенно ярко это выразилось в работе знаменитого британского антрополога, поляка по происхождению, Бронислава Малиновского. Во время первой мировой войны он оказался в Австралии, и, как австрийский подданный, не имел возможности вернуться в Европу. Он начал самостоятельное исследование жизни и культуры обитателей Тробрианских островов: в течение двух лет он жил среди них, изучал язык, участвовал в повседневной жизни и вел полевой дневник, ставя перед собой единственную задачу — понять культуру этих людей, научиться видеть «их мир их глазами». В 1922 г. он опубликовал труд «Аргonautы Тихого океана», который стал образцом для его коллег-современников, равно как и следующих поколений антропологов¹³.

¹² Примером тому может служить труд могольского принца Северной Индии первой половины XVII в. Дара Шукоха «Слияние океанов», в котором сопоставляются ислам и индуизм и автор пытается увидеть индуизм глазами мусульманина. *Majma'-Ul-Bahrain, or Mingling of the Two Oceans by Prince Muhammad Dara Shikuh*. Ed. by M. Mahfuz-Ul-Haq. Calcutta, Asiatic Society.

¹³ *Malinowski Bronislaw. Argonauts of the Western Pacific*. New York: E. P. Dutton, 1922.

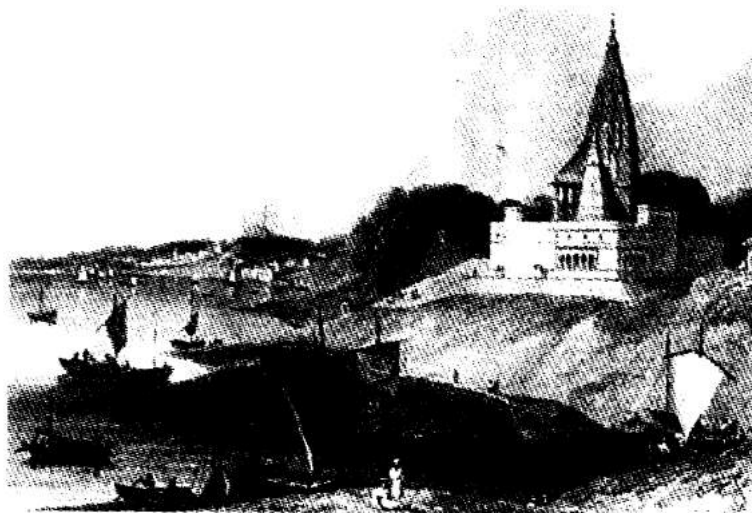

Рис. 3. Варанаси — священный город индусов.

Заслуга Б. Малиновского состоит не только в том, что он собрал и представил общественности уникальный материал. Это делали и до него, в XIX — начале XX вв. Л. Морган, Ф. Боас, У. Риверс, а еще ранее — христианские миссионеры и путешественники из различных стран. Примечателен его исследовательский подход: он поехал один и жил среди местных жителей. Этот метод оказался идеальным для исследования небольшой и в значительной мере изолированной этнической или культурной группы.

Наиболее принципиальное, философское осмысление результатов антропологических исследований состоит в том, что они позволяют осознать масштаб диапазона адаптивной варибельности форм человеческого поведения, его культурных норм, пока они не охвачены условиями стратифицированного и ранжированного общества, мировыми религиями и нивелирующим прессом урбанизации.

ГЛАВА 2

Рождение человечества: антропогенез и ранняя история

Непостижимое из непостижимых
и есть ворота всего таинственного.

Дао Дэ Цзин

Человек и его происхождение, сущность, особенности и жизненные задачи — эти вопросы стояли перед мыслителями во все эпохи. Они стали важнейшими темами философии уже с древнейших времен. Разум и дух представлялись основными свойствами, которые отличают человека от прочих живых существ.

Еще в древности возникла идея, согласно которой все творения природы делятся на четыре царства: минералов, растений, животных и людей (подобная классификация имеется и в древнеиндийской философии школы санкхья). В Новое время с подобной классификацией выступил современник и оппонент Чарльза Дарвина, французский антрополог и зоолог Жан Луи Арман де Катрфаж¹⁴. Нередко, считая его концепцию реакционной, ее противопоставляют теории Ч. Дарвина, безоговорочно относящего человека к животным (что впервые, впрочем, сделал Карл Линней). Однако такое противопоставление несправедливо: Катрфаж отлично понимал, что биологически человек является животным, и выделял людей в особое царство не как вид, а как человечество с его грандиозной планетообразующей деятельностью. Именно этот подход получил развитие в трудах В.И. Вернадского, где человечество предстало как новая геологическая и даже космическая сила¹⁵.

Согласно библейскому преданию, человек был создан на шестой день творения мира, уже после всех остальных, и это позволяло носи-

¹⁴ *Quatrefages de Breau J.L.A. L'espèce humaine. 8^{ed}. Paris, 1886 (Метаморфозы человека и животных. М., 1864).*

¹⁵ *Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М., 2000.*

телям авраамистических религий считать человека венцом творения, целью и результатом всей жизни вселенной. Христианский взгляд на человека и его происхождение оказал существенное влияние на европейское мировоззрение. Только в середине XIX в. начали появляться научные труды, преодолевавшие установленные догмы, предлагавшие иные теории и версии.

В середине XVIII в. Карл Линней включил человека в систему животного царства, объединив его с известными к тому времени обезьянами в отряд приматов в составе млекопитающих. Позднее, в результате исследований английского зоолога Томаса Гексли и швейцарского анатома Карла Фогта по анатомии человека и обезьян, было выявлено родство человека с человекообразными обезьянами.

В настоящее время одной из наиболее близких к человеку считается группа так называемых дриопитеков — ископаемых человекообразных обезьян, обитавших в период формирования человека в различных областях Западной Европы, Восточной Африки и Южной Азии. Семейство австралопитековых обезьян (их ископаемые скелетные останки обнаружены в Южной и Восточной Африке) так же имеет не меньше сходства с человеком: видимо, они охотились на мелких животных и павианов, использовали простейшие каменные орудия, имели относительно крупный мозг и передвигались на задних конечностях. Согласно предположению ряда ученых, они даже были знакомы с огнем. В общем, это уже «почти люди», но их лицевой скелет и черепная коробка были скорее обезьяньими.

Важным событием XIX в. стал труд Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859 г.), где была представлена удивительно четкая схема эволюции преобразований живой природы. В основу его системы был положен единый принцип — естественный отбор. Нужно заметить, что сначала в этой системе не было места человеку, и происхождению человека Дарвин позднее посвятил отдельную книгу — «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.). Здесь было определенно доказано животное происхождение человека и его место в эволюционной системе.

Антропогенез начался в биосфере Земли около 4 млн лет назад. Параллельно шел процесс формирования ойкумены — заселенного и обжитого пространства, и ноосферы — сферы разума, влияние которой на Землю позднее стало сопоставимым с ролью геологических процессов.

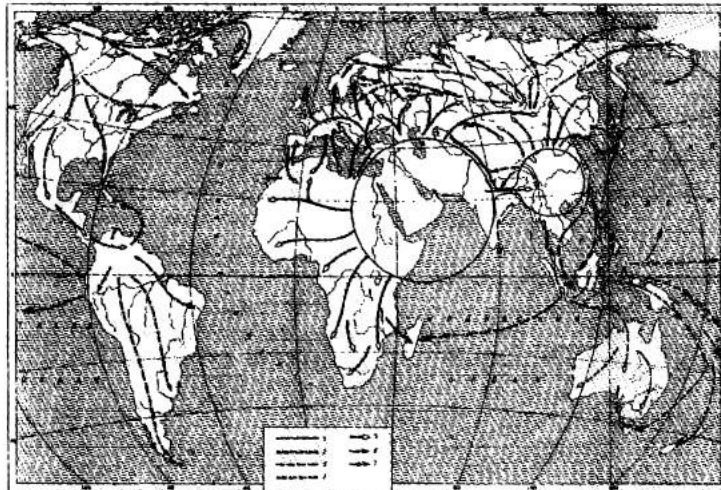

Рис. 4. Пути древнейшего расселения человечества (карта составлена С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым).

Расы: 1 — негроиды, 2 — европеоиды, 3 — австралоиды, 4 — монголоиды.
Эпохи: 5 — палеолит, 6 — неолит, 7 — ранний металл.

В ходе антропогенеза сложились три основных отличия человека от обезьяны: лишенная хватательных функций, предназначенная исключительно для ходьбы нога; лишенная шагательной функции, предназначенная только для хватательных движений рука; наконец, голова с преобладанием мозговой части над челюстно-лицевой. Эти особенности развивались именно в указанной последовательности: развитие прямохождения опередило и определило формирование истинно человеческой руки, что дало толчок разрастанию и прогрессивной перестройке мозга.

Современный человек образует вид *Sapiens* рода *Homo*, относящегося к семейству гоминид отряда приматов. Биологический вид человека разумного окончательно сложился в позднем палеолите. От «проторазумного» неандертальца его отличает гибкое противостояние большого пальца кисти рук всем остальным, что позволяет совершать тонкие манипуляции (например, вдевание нитки в игольное ушко), высокая дифференциация всех отделов мозга, более совершенное строение гортани, позволяющее четко артикулировать любые звуки

членораздельной речи (впрочем, прямых данных о меньшем совершенстве гортани неандертальца нет). Классические неандертальцы и люди современного типа представляли собой различные виды, хотя между ними и существовали переходные, а возможно, и метисные формы, отсеявшиеся в ходе естественно-социального отбора.

Существует точка зрения, согласно которой и современное человечество представляет собой не один, а несколько видов. Однако между современными людьми всех антропологических типов и обществ отсутствует межвидовой барьер и возможно беспрепятственное смешение. Тем не менее антропологические типы, а в еще большей степени — этнические общности, выполняют функцию подобного рода «видов», образуют подобие барьеров (основанных на культурных стереотипах «свой» — «чужой»), и в большей или меньшей степени препятствуют неограниченному смешению человечества.

Русский геолог А.П. Павлов предложил для четвертичного периода название «антропоген»: с этого времени главным фактором мировых природных изменений становится деятельность людей. В.И. Вернадский создал концепцию ноосферы — сферы разума, охватывающей все уровни мышления и связанной с ней деятельности людей, а также их последствий. Понятия «антропогена» и в особенности «ноосферы» отражают изменения в самом характере антропогенеза. Эволюция человека как биологического существа, начальная стадия которой интенсивно шла еще в плиоцене (2—3 млн лет назад), в плейстоцене (около 1 млн лет назад и позднее) и в конце плейстоцена (около 50—40 тыс. лет назад), отошла на задний план, сменяясь эволюцией культуры и преобразенной с ее помощью сферы человеческой жизнедеятельности.

Говоря об определении сущности человека, можно выделить два подхода: с одной стороны, философский, мировоззренческий, общетеоретический, с другой — антропологический, научный и конкретный.

В рамках первого подхода исследуются функции человечества в целом в ходе развития жизни на земле. В рамках второго — люди занимают одну из ступеней развития, одну из природных экологических ячеек, являются единицей зоологической систематики.

Исторической реконструкцией ранних периодов жизни человечества, первобытного общества, увлеченно занимались на протяжении всего XIX в. многочисленные полевые и кабинетные ученые, европейские и американские антропологи и этнографы. В большинстве своем они были связаны с эволюционистским направлением. При первоначальной крайней скудости археологических данных

важным источником для более или менее умозрительных реконструкций древности служили мифы, а также сведения об обычаях так называемых «диких» и «варварских» народов, бесклассовых или классовых обществ, обитателей экзотических для европейцев земель. Накопившийся материал экстраполировали в прошлое, создавая картину «древности». Использовали также те компоненты крестьянской культуры народов Европы и Азии, которые можно было трактовать как потерявшие свою первоначальную функцию. Их называли «пережитками», и на их основе восстанавливали предположительно бытовавшую картину их более непосредственной практической деятельности.

Наибольшую известность в этой области получили труды Э. Тайлора, Дж. Фрезера, Л.Г. Моргана: они и до сих пор не потеряли своей познавательной ценности¹⁶. Работы Моргана были восторженно встречены Ф. Энгельсом, который, существенно вульгарируя его выводы, положил их в основу своей широко известной работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Когда марксизм в его упрощенном ленинско-сталинском понимании стал официальной идеологией СССР, эта книга стала главным источником для развития истории первобытности. На ее основании были провозглашены не подлежащие критике аксиомы: непосредственное заимствование религиозных представлений из социальной практики их последователей, примат принципов первобытного коммунизма и неслучайное позднее появление идеи частной собственности, предшествование промискуитету и группового брака всем его формам, всеобщность и первичность матриархальной родовой организации, а также ряд других недоказуемых догм. Неприятие этих догм считалось опаснейшей ересью и могло стоить ученому не только карьеры, но свободы и даже жизни.

Между энгельсовской теорией первобытности и марксистско-ленинской концепцией будущего развития общества установилось примерно такое же соотношение, какое существует для христианских фундаменталистов между откровениями ветхозаветных пророков и положениями Евангелий.

Надо заметить, что догматизм в изучении истории первобытности был исключительной марксистской прерогативой. В трудах

¹⁶ Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989; Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980; Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1990; Морган Л.Г. Древнее общество, или пророки. М., 1983.

венской этнографической школы, ее главы патера Вильгельма Шмита и других католических миссионеров и этнографов с неменьшим рвением отстаивали прямо противоположные догмы: изначальность монотеистической религии, моногамного брака, патриархальной семьи, индивидуальной частной собственности. Однако исследователи — священники конца XIX — начала XX вв. не прибегали к помощи органов госбезопасности для борьбы со своими оппонентами.

Историей первобытности (или, пользуясь термином Ю.И. Семенова, примознотологией) в западных научных кругах занимались и другие, не столь субъективистские направления этнографии. По мере накопления археологического материала и совершенствования методов его анализа, сместился «центр тяжести» в выборе источников для реконструкции. Археологический материал, дополненный исследованиями палеоантропологии, становится ведущим источником для истории первобытности. Данные мифологии, культурных «пережитков» и методы экстраполяции в прошлое современных наблюдений над архаичными обществами, если и продолжали использоваться, то со все большей осторожностью, осмотрительностью, при определенных условиях. Эти тенденции в конце концов отразились и в трудах советских этнографов, которые сумели создать немало ценных фундаментальных работ в этой области (В.П. Алексеев, А.И. Першиц, В. Р. Кабо¹⁷). К сожалению, с начала 1990-х гг. работа в этом направлении почти прекратилась; наиболее интересные, новаторские и обобщающие наработки представлены в трудах О. Ю. Артёмовой¹⁸.

Изучение человеческих обществ древности лежит в области палеоэтнографии, антропологии древности. Для изучения же и полноценного описания современных этносов, культур и цивилизации одного антрополога недостаточно, нужны и социолог, и историк, и экономист, и психолог, и искусствовед: специализация культуры общества приводит к специализации науки.

Человек принадлежит двум мирам: миру природы и миру культуры. Человек — живое существо, и во многом он разделяет свою жизнь и судьбу с растениями и животными. Сообщество людей — в основном, это животное сообщество, и ряд работающих здесь механизмов идентичен. Но эволюцию, которую проделал человек, не повторил ни один другой вид живых существ.

¹⁷ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. Издание 5-е. М., 1999; Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.

¹⁸ Артёмова О. Ю. Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004.

Межвидовой барьер и многие особенности вида *Homo Sapiens* не позволяют нам полностью принять дарвиновскую теорию происхождения человека от высших приматов, хотя некоторые черты родовой близости между ними, конечно, есть.

Иная вещь — культура, это, очевидно, один из важнейших признаков сообщества людей, в отличие от животных.

В знаменитой притче античного софиста Протагора говорится о том, как боги повелели Прометею и Эпиметею разделить все желаемые качества между живыми существами на земле. Эпиметей приступил к делу: одних животных он наделил силой, других — ловкостью, одним дал рога и копыта, другим — крылья. Каждое существо получило мечущую одежду или чешую, и каждому была указана его пища и место жительства. Но Эпиметей (само имя которого означает в переводе с греческого «недостаток интуиции») забыл о людях, которые остались нагими и беззащитными. Прометей, желая им помочь, украл у богов огонь и ремесла, и наделил этими дарами человека. Со временем люди научились строить дома, шить одежду и месить глину. Однако, как гласит притча, они не обладали нравственными достоинствами, и не могли создать устойчивого общественного строя. Тогда Зевс послал Гермеса передать людям эти необходимые качества, а также — священное знание.

В истории Протагора выражена идея, которая стала важнейшей в западной антропологической мысли: люди по своей природе лишены многих необходимых для самостоятельного выживания качеств. Их заменяют различные искусственные инструменты и установления, которые в совокупности можно назвать «второй природой», «человеческой средой» или — культурой.

В отношении антропогенеза культуру можно рассматривать как одно из средств адаптации к среде обитания. Таковыми служат некоторые части тела у животных, например, копыта у лошадей, возникшие постепенно путем разрастания одного из когтей пяти пальцев лапы при атрофии остальных в ходе изменения зоны обитания, когда лошади вышли из лесов в степи. Человеку тоже нужно быстро и удобно перемещаться (появились лыжи, нарты, лодка, а позднее экипажи, автомобили и самолеты), защищаться от холода или жары (появилась одежда, разные виды жилища — в зависимости от климата и ландшафта). Таким образом, складывались целые группы предметов, которые мы можем обозначить как «культуру»; существует понятие «археологической культуры», обозначающие обнаруженные предметные комплексы, обычно приписываемые определенной этнической общности и относимые к определенному ареалу и времени.

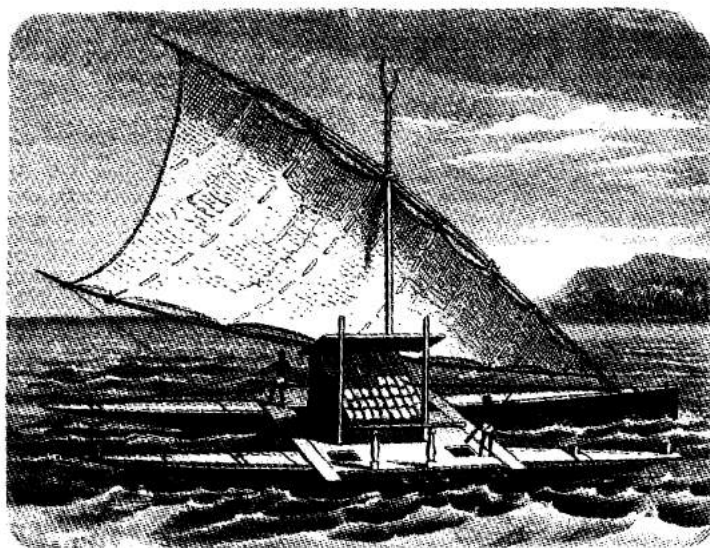

Рис. 5. Двойная лодка Фиджи.

Однако культура в понимании культурантрополога, этнографа, это не только и не столько набор предметов или результаты труда, сколько **способы** человеческой деятельности. Предмет важен с той точки зрения, **что и каким образом** с ним можно делать. Только в определенном действии предмет становится артефактом культуры.

Хотя всякий человек рождается с предрасположенностями и способностями к чему-то, не меньшую роль в его становлении играет воспитание и обучение. Человеческий детеныш появляется на свет не приспособленным к жизни в обществе. Проходит несколько лет, прежде чем он становится более или менее самостоятельным физически, и еще больше времени требуется на то, чтобы он научился добывать пищу. Это резко выделяет человека на фоне других живых существ. Культура как сфера обитания человека передается не биологически, а внегенетически. Культуре обучают и обучаются, и другого пути овладения ею не существует.

Зачатки того, что мы назвали бы культурой, встречаются и у животных. В Японии обитают стада диких обезьян. В заповедниках их подкармливают овощами, сладкой картошкой, морковью. Однажды

на берегу моря у одной обезьянки морковь упала в воду. Мартышка ее выловила и принялась есть, и обнаружила, что это приятно: отмылась гриппом, и морковь пропиталась соленой водой. В дальнейшем она стала специально приходить на берег и бросать овощи в воду, а затем вылавливать и потреблять их. В стаде возник обычай мыть (а заодно и «подсаливать») овощи. Любопытно, что стадо разделилось на «моющих» и «немоющих», так как некоторые обезьяны категорически протестовали против этого «дурацкого новомодного обычая».

Однако этот случай напоминает скорее курьез, чем практику. В поведении животных всегда доминирует инстинкт, который иногда может дополняться обучением. В обществе людей эти две части сосуществуют на равных, а в ряде случаев и в определенных обстоятельствах обучение берет верх над инстинктами.

Случаи с детьми, потерявшими в детстве и выросшими среди диких животных (так называемые «маугли») показывают, как мало «человеческого» заложено в людях генетически. В отличие от фантастического киноинициатора героя настоящие «маугли», даже став подростками, продолжали паразитировать на материнском инстинкте своих приемных родителей — волков, передвигались на четвереньках, а попав в общество людей с большим трудом переходили к прямохождению, так и не овладев членораздельной речью, кроме двух-трех отдельных слов. До взрослого состояния никому из них дожить не удавалось.

Таким образом, можно сказать, что человеком ребенок становится постепенно, в течение нескольких лет воспитания и обучения. Если эти годы в раннем детстве упущены, он остается полуживотным.

Как произошло формирование человека? Благодаря развитию орудийной деятельности (на этом основывается трудовая теория антропогенеза, «труд создал самого человека», — писал Энгельс в своей работе, характеризуя роль труда в процессе превращения обезьяны в человека). Но ее зачатки есть и у птиц (они орудуя веточками), и у морских бобров (они раскалывают ракушки о камни), и, конечно, у приматов. Однако строение руки человека позволило ему овладеть большим диапазоном манипуляций с предметами, что в конце концов и предопределило его физическое превосходство над животными. Возможно, именно в процессе совместного труда возникла речь, сформировался естественный язык общения.

Существуют две теории происхождения человека: моноцентрическая и полицентрическая. Согласно первой, комплекс мутаций, приведший к превращению обезьяноподобного предка в раннего человека, имел место в одном ограниченном ареале, среди одной популяции.

Согласно второй — в широкой области расселения предкового вида таких центров могло быть несколько, и из них новые гены путем смешения постепенно распространялись на всю популяцию.

На самом деле истина, вероятно, лежит в объединении этих двух теорий. По нашему мнению, у человека как комплекса новых видовых признаков, могло быть несколько «происхождений» — в разных местах для разных признаков. Но с точки зрения биологии человеческий вид как комплекс мог возникнуть только в одном, хотя и достаточно широком ареале. И то, что это происходило в районе Великих озер Центральной Африки примерно 1,5–2 млн лет назад, не вызывает сомнений. Каким образом? Трудно сказать, на этот счет существует несколько теорий. Согласно наиболее экстравагантной из них, протолюди проводили много времени, плавая в озерах, и со временем потеряли шерстяной покров. Кстати, некоторые биологические факты работают на эту теорию, и по биохимическим факторам (например, наличие в крови человека молочной кислоты) человек стоит ближе к морским животным, чем к сухопутным. Однако спрашивается, как бы люди смогли выжить в достаточном количестве, учитывая то обстоятельство, что Великие озера кишмя кишат крокодилами?..

Человек отличается от животных по нескольким параметрам. После работ Дарвина появилось множество теорий, объясняющих принципиальное своеобразие человека, выявляющих причины эволюции человека. Сам Дарвин считал таковым половой отбор: когда женщины отбирали в качестве отцов для своих детей индивидуумов с определенными преимуществами и соответственно признаками. Однако, несмотря на то, что половой отбор в дарвиновском понимании действительно играл некоторую роль в истории человеческого общества, он не объясняет множества других особенностей человека: объем мозга, подвижность кисти руки, пропорции тела, членораздельная речь. Позднейшие теории ограничили действие естественного отбора периодом раннего палеолита, а в более поздние эпохи происходит возрастание социального фактора. Чем более развито существо, организм, тем большую роль в его жизни играет научение, обучение, подражание. А в свою очередь особи, наиболее способные к научению, имели больше шансов оставить потомство.

К важнейшим признакам человека разные ученые относили: прямохождение и строение ноги и руки, развитие мозга, роль мясной пищи, изменивший биохимию человека. Сегодня принято говорить об уже упомянутой «гоминидной триаде»: прямоходящая нога, манипулирующая рука и увеличенная голова.

Процесс «вторичного» рождения людей, т. е. появления у них все большего числа прогрессивных черт, происходил позднее, по-видимому, в разных частях света. Об этом свидетельствуют находки древних гоминид и древних людей. Ряд находок выявил, что основные морфологические особенности гоминоидного ствола имеют возраст по крайней мере около 1,5 млн лет («человек умелый» — зинджантроп Олдувайского ущелья в Танзании). Однако они еще не были людьми в полном смысле этого слова.

Архантроп. Около 1 млн лет назад — а возможно, и ранее — представители подсемейства гоминид, или собственно люди, расселились по всем тропическим и субтропическим ареалам ойкумены. Это были питекантропы Индонезии (впервые обнаруженные в 1890 г., а позднее в 1930-х гг. на острове Ява), атлантропы Северной Африки, синантропы Китая, европейский гейдельбергский человек эпохи шельль (преимущественно изготовления ручных рубил) и ашель (нижний палеолит, сочетание ручных рубил с отщепами и другими орудиями). В период ашеля уже можно обнаружить некоторые местные своеобразия отдельных территорий.

Американский антрополог Халлам Мовиус в 1950-х гг. выдвинул идею подразделения ашельской ойкумены на западную (где преобладали каменные рубила — двусторонние обработанные орудия) и восточную (где преимущественно распространены чопперы — грубо обработанные с одной стороны гальки рубящего типа). Граница между ними проходила по Деканскому плоскогорью Южной Азии. Однако следует иметь в виду, что это деление не абсолютное, но статистическое, т. е. к западу от «линии Мовиуса» имелось больше рубил и меньше чопперов, а к востоку — наоборот, вдоль же этой линии на Деканском плоскогорье и к северу от него примерно поровну.

В основном такое деление человечества — и по культурным, и по физическим, генетическим особенностям, на западный и восточный стволы сохраняется и поныне, стало быть, существует уже около миллиона лет.

Питекантроп и подобные ему существа, собирательно именуемые архантропами, были прямоходящими, но отличались от современного человека строением черепной коробки. Однако по сравнению с австралопитеком объем мозга был у них больше в полтора раза, а строение черепа более сложным.

Древнейшие ископаемые люди (называемые часто, хотя и не вполне правильно, обезьяноподобными) жили в теплых климатических условиях Африки, юга Европы и части Азии. Они не расселялись

далеко за пределы территории своего первоначального обитания. Как они соотносятся между собой? Возможно, это были несколько близких видов, отличавшиеся друг от друга и морфологически, и по многим другим параметрам.

Одним из самых знаменательных событий в древней истории человека стало овладение огнем. Его использование во много раз расширило возможности людей древности. Как это произошло? На этот счет существуют разные теории. Полагают, что ранние люди научились подбирать на лесных пожарищах горящие и тлеющие головни, затем приносить в пещеру и поддерживать огонь (отсюда мифологема «вечного огня»). Автор другой теории — Б.Ф. Поршнев. Согласно его мнению, подстилки из травы и тростника в гнездах древних людей, со временем измочаленные, пропитавшиеся мочой и отходами, превращались в некое подобие трута, легко воспламеняющегося растительного войлока. Заметим, что добывание огня высеканием и трением с поджиганием трута до сих пор известно этнографам и сохраняется в наиболее архаичных отсталых человеческих обществах. Обработка каменных орудий происходила тут же, в жилище. Искры от ударов кремня о камни с включениями пирита попадали на трут, который начинал тлеть. Таким образом, первоначально люди жили рядом с тлеющей частью подстилки, дым давал некоторое тепло и заодно отгонял moskitov. Затем путем контролирования случайных возгораний люди научились раздуванием переводить тление в горение.

Другим важным признаком человека является универсализм питания. Развивались наши предки, как это ни грустно звучит, во многом в борьбе за экологическую нишу стервятников, гиен и шакалов. Подъедали остатки пищи львов, леопардов, других крупных хищников, иногда воровали добытые кем-то туши, разрубали их чопперами. Теми же чопперами можно было рубить стволы молодых деревьев, заострять их и превращать в простейшие копья. С такими копьями группа в 15—20 человек вполне могла отогнать от туши зебры или антилопы если не львов, то уж во всяком случае нескольких гиен.

Со временем появились приматы-хищники, от обороны они стали переходить к нападению, возникла загонная охота на антилоп. Человек учился охотиться у львов, точнее у львиц (так как охотятся в основном самки, а самцы ведут паразитический образ жизни). Для подобной охоты среди приматов необходим коллектив, в одиночку это делать невозможно. Так развивались разные способы манипуляции с предметами и устройствами, тактика и способы коллективного сожительства, кооперации, и как следствие — мозговые функции контроля и торможения.

Объектами охоты могли быть различные животные. В тропической зоне — антилопы, тапиры, гиппопотамы, быки; в умеренной — лошади, кабаны, олени, горные козлы и даже пещерные медведи.

Параллельно с охотой развивалось собирательство. Поиск и сбор съедобных растений, корней, клубней, грибов, плодов и ягод тоже был сопряжен с определенными опасностями. Очевидно, многие опыты кончались плачевно, пока не были определены ядовитые растения и грибы, а другие яды люди научились нейтрализовывать, путем вымачивания, выжимания, высушивания, позднее также проваривания, прижаривания и т. д. В ходе накопления такого опыта рождалась не только кулинария, но и также народная медицина.

Приобщина людей представляла собой, видимо, небольшие группы по 20–30 взрослых членов. Об их относительной оседлости говорят многие археологические данные, пещерные и шалашные стойбища Цирини, следы которых были обнаружены во второй половине XX в. в значительной мере благодаря прогрессу археологических методов.

Итак, еще без одежды, но с огнем и с орудиями охоты, нагими, скудно оснащенными, но уже мыслящими существами древнейшие люди начали следующий этап своего развития.

Палеоантроп. В стоянках около 300–500 тыс. лет тому назад обнаружены скребки. Это означает, что в это время уже существовала выделка кож, т. е. начала появляться одежда. Настоящий период истории человека связывают с *Homo primigenius*, или европейским неандертальцем. Скелетные останки разных типов людей, похожих на неандертальцев, обнаружены также на территории Африки, Средней Азии, Западной Азии, в Китае, Юго-Восточной Азии.

Изучение физического типа неандертальцев доказывает, что это были люди среднего роста с очень сильно развитой мускулатурой и мощным телосложением. Объем их мозга столь же велик, как и у нас, но структура мозга развита слабо, в особенности плохо были развиты лобные доли (где сосредоточены ассоциативные центры и центры торможения). Рука у неандертальцев была массивной и грубой, кисть не обладала способностью к плавным движениям, хотя сила захвата была в несколько раз больше нашей.

Известные типы неандертальцев очень неоднородны. Среди них есть и примитивные, и довольно развитые, встречаются примеры со смешанными признаками. Основные ветви неандертальцев оказались тушканиковыми. Однако одна из них — так называемые прогрессивные неандертальцы, обнаруженные в пещерах Мугарэт-эс-Схул и Кафзех в Палестине — чрезвычайно близки к человеку современного типа.

Неандертальцы пережили смену климата в Европе от теплого и сухого на холодный. В последний период своего существования они жили среди мамонтов и шерстистых носорогов, что, несомненно, требовало меховой обуви и одежды, видимо, первоначально еще не сшитой жилыми нитками, как у нынешних арктических охотников, а просто стянутой ремешками.

Первые неандертальские погребения, захоронения людей с соблюдением каких-то обрядов (как, например, в пещере Тешик-Таш в Средней Азии) относятся к последнему периоду существования праобщины, к эпохе мустье. Так, умершего клали в неглубокую яму, вырытую в почве или выдолбленную в каменном полу пещеры, в положении спящего на боку, окружали рогами горного козла и каменными орудиями и покрывали цветами (это удалось восстановить по сохранившейся пыльце). Обнаруженные в ряде пещер лепные фигуры, захоронения черепов и конечностей медведей в искусственных сооружениях из камней, возможно, свидетельствуют о магических обрядах. В гроте Ла Ферасси во Франции найдена каменная плитка с искусственными чашеобразными углублениями, а также пятнами и полосами охры. Это бессистемное чередование сходных элементов, возможно, является древнейшим в мире орнаментом.

Современный нам человек произошел, возможно, 200—150 тыс. лет тому назад, в результате генетических мутаций, скорее всего, на территории Северной Африки, а возможно, современного Египта.

Не исключено, что линия человеческого рода восходит даже к одной женщине, которая получила прозвище «палеолитической Евы». Гипотеза о единственной «Еве», нашей общей праматери, разделяется далеко не всеми антропологами. Однако в любом случае первоначальное возникновение прогрессивных черт на общем неспециализированном фоне неандертальцев могло происходить только в очень ограниченном ареале, откуда носители этих черт распространялись все шире и шире, не обязательно прямо истребляя, но так или иначе вытесняя и замещая тех особей и те коллективы, которые такими чертами не обладали.

Дальнейшая сапиентация, т. е. закрепление, развитие и дополнение черт, присущих современным людям, вплоть до практически полного тождества с ними, согласно В.А. Алексееву, могла происходить в двух очагах — в Центральном и Южном Китае (откуда позднее развились все монголоидные и австралоидные формы) и в Передней и Малой Азии (откуда вышли европеоидные и негроидные типы).

Время существования архантропов и палеоантропов укладывается в целом в рамки нижнего и среднего палеолита. В.П. Алексеев и А.И. Першиц связывают с этим периодом бытование праобщины.

Неоантроп. Время неоантропа относится уже к верхнему палеолиту, мезолиту и неолиту, это эпоха первобытной общины. И в верхнем палеолите, и в мезолите на новой основе продолжают сохраняться различия между западной и восточной половинами ойкумены.

Верхнепалеолитическая каменная индустрия Запада, в особенности Европы, отличается многообразием, совершенством и изяществом отделки ювелирно выполненных ретушированных каменных изделий — ножей, наконечников копий и дротиков, проколов и шильев и т.д. Ничего подобного нет в Восточной и Юго-Восточной Азии, где даже в неолите продолжают использоваться грубые галечные чопперы. Видимо, дело в том, что в зоне распространения бамбука в малых каменных орудиях не было нужды. Расколотыми щепками и лучинами бамбука можно резать и протыкать не хуже чем каменными орудиями, а копья, дротики и стрелы из этого материала, если их заострить, не нуждаются в наконечниках.

В конце верхнего палеолита происходили значительные климатические изменения на поверхности Земли. Это было таяние ледника, исчезновение ряда видов фауны.

В областях сапиентации значительно позднее, около 12 тыс. лет назад, начался переход к производящему хозяйству. В этих районах наблюдался демографический взрыв.

Женщина из племени, занимающегося охотой и собирательством, способна вырастить двоих-троих детей с разницей в возрасте 6—7 лет. Если при постоянных перекочевках женщина должна нести на себе и имущество семьи, пусть даже самое ничтожное, и младенца. Двух детей она нести никак не сможет, значит, предыдущему ребенку должно быть не менее шести-семи лет, чтобы он мог идти самостоятельно. Старшему ребенку может быть лет 13—14, если это мальчик, он уже участвует в охоте вместе с взрослыми мужчинами. Наличие еще и 20-летнего отпрыска мало вероятно, в этом случае женщина уже становится бабушкой и, как правило, рожать перестает. Таким образом, мало у кого бывает больше трех детей, и демографический прирост в таких обществах очень невелик.

Женщина, живущая в поселке, способна рожать гораздо больше. Теоретически лет с 16—17 до 40 и более у нее может оказаться до 20 детей (и такие случаи нередки), и даже если две трети из них умрут в юном возрасте, шести-семи выживших будет достаточно для удво-

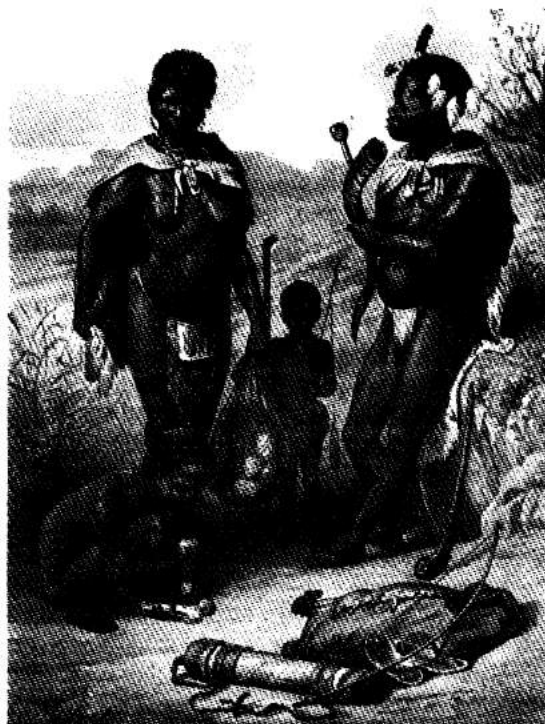

Рис. 6. Семейство бушменов.

ения численности оседлого населения уже через 15 лет, и потребуются освоение новых хозяйственных угодий, отпочкование нового хозяйственного коллектива, а впоследствии и отделение нового племени, оторвавшегося от первоначальных предков. Этот процесс на редко населенной племенами охотников-собирателей территории нарастал лавинообразно.

Поэтому со временем происходило значительное раздвижение арсала обитания земледельческо-скотоводческих народов, они асси-

мигрировали другие племена, зона обитания охотников и собирателей постоянно сужалась.

Первые бесспорные свидетельства существования человека современного нам типа относятся к 30—40 тыс. лет тому назад. Это кромаignonцы Франции, обитатели о. Калимантан (Индонезия), Австралии. Найденные ископаемые скелеты свидетельствовали о том, что эти люди уже были разными по облику. Кроманьонцы, видимо, были близки современным европеоидам, а люди из пещеры Ниа (о. Калимантан) — австралоидам.

Существует метод создания «общего портрета» — съемка стоп-кадром, или печать с пачки негативов, на которых зафиксированы портреты людей данной местности.

Весьма интересен «общий портрет» племенного населения Центральной Индии: это облик «среднего человека Земли». У него довольно крупные губы, темный — но не черный цвет кожи, волнистые темные волосы, имеется зачаток эпикантуса. Это невыделенные расовые признаки, зачатки всех будущих рас.

Видимо, так выглядели древние обитатели не только Индостана, но и других тропических областей. Подобную картину мы можем наблюдать у народов Латинской Америки, где это результат смешения черт представителей разных ярко выраженных предковых рас, своего рода «остатки» рас.

Расовая классификация возникла в конце XVIII — начале XIX вв. Швейцарский антрополог Блюменбах выделил пять рас: кавказоидов (европеоидов), негроидов, «азиатские типы», австралоидов и американоидов.

Большинство расовых признаков приспособительно. Светлый цвет кожи связан с повышенной потребностью в синтезе витамина D в северном климате. Комплекция тела — с высокой или низкой теплоотдачей: население ближе к экватору худощавее, выше, ближе к северу — плотнее, коренастее.

Монголоидные признаки сформировались в Центральной Азии. Это продуваемые ветром, безоблачные, пыльно-песчаные, холодные зимы, лишенные тени территории. Лицо с большим жировым слоем, уплощенное, эпикантус, узкие глаза, тугие прямые волосы — результаты приспособления к климату Монголии и Тибета.

Негроиды сформировались в тропиках, у них широкий нос и толстые губы (так как необходима большая теплоотдача), удлиненные тело и голова, темная кожа, шапка густых волос: все это защита от солнечного излучения, жары и высокой влажности.

Признаки, сложившиеся случайно, более надежны для выявления генетического происхождения. Например, это передаваемые генетически узоры на зубах и ладонях. Они не имеют приспособительных функций, меньше меняются с переменой условий, и больше говорят о происхождении.

Рис. 7. Рыбачья деревня на Меконге.

В расовой классификации человечества выделяют два ствола — восточный (монголоиды и австралоиды) и западный (негроиды и европеоиды). Такое разделение можно провести прежде всего по форме зубов. У народов восточного ствола резцы совкообразные (лопатообразные), у народов западного ствола — прямые (долотообразные). При этом наибольшая «совкообразность» обнаруживается у американских индейцев. Границей восточного и западного стволов является уже упомянутая выше линия Мовиуса, это граница между преимущественным распространением ручных рубил и чопперов еще в эпоху нижнего палеолита, но она сохраняла свое значение и в последующие эпохи.

Этносы, этногенез и этническая история

...Так из скрещенья всех пород в тот век
Возникла смесь — *английский человек*:
В набегах дерзких, где из года в год
Сплетались с лютой страстью *бритт* и *скотт*,
Чьи дети, овладев повадкой слуг,
Впрягли своих коров в *романский* плуг..
Даниэль Дефо. Прирождённый англичанин

Поскольку этнос является основным объектом изучения этнографии, вопросы о его определении как понятия, типологии, различных формах существования оживленно дискутируются в отечественной науке. В западной культурной антропологии эти вопросы становятся предметом обсуждения значительно реже. Достаточно сказать, что положения вошедшей в этнографическую классику книги Ф. Барта не подвергались серьезному пересмотру уже более тридцати лет¹⁹.

В советской науке значительный вклад в разработку вопросов об этносе был внесен трудами Ю.В. Бромлея²⁰. Благодаря им наша наука располагает разветвленным и детализированным понятийным аппаратом для описания как различных вариантов функционирования этносов, суперэтносов и субэтносов, так и происходящих с ними процессов изменения и взаимодействия.

Этногенез — область исследования происхождения, сложения этноса; этническая история — это весь комплекс процессов, происходящих с данным этносом в ходе его существования. Как соотносятся понятия этногенеза и этнической истории? Иногда эти термины употребляются как взаимозаменяемые. Однако чаще под этногенезом понимаются ключевые моменты этнической истории, относительно короткие во времени, когда из ряда ранее существовавших групп или их осколков формируется новый этнос, обретающий новое самосознание и самоназвание.

¹⁹ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Introduction. Boston, 1969.

²⁰ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Примером этноса, сложившегося относительно недавно, в XVIII в., могут быть долганы, народ Таймыра, составляющий в настоящее время около 3,5 тыс. человек, говорящий на диалекте якутского языка, но имеющий особое, отличное от якутов самосознание. Они сформировались из нескольких отколовшихся самодийских и эвенкийских родовых групп, преимущественно оленеводов и охотников, при участии потомков русских переселенцев на Таймыре, сильно обьякутившихся — так называемых «затундренных крестьян».

Другой пример — этногенез болгар. Древнейшим известным на территории нынешней Болгарии населением были фракийские племена, которые с начала новой эры, т. е. две тысячи лет назад, стали подвергаться интенсивной романизации. Многие из наследия сложившейся тогда провинциальной греко-римско-фракийской культуры сохраняются в быту и обычаях болгар и по сей день. Например, это вариант их хозяйственно-культурного типа с синтезом земледелия и скотоводства, при значительной доле овцеводства и виноградарства, виноделия. Такому хозяйству соответствуют разнообразные и красочные сельскохозяйственные обряды, в особенности представления ряженных, отражающие глубоко архаические культурные идеологии. Грамматический строй болгарского языка значительно выделяется на фоне общеславянской модели, он приобрел много черт, общих с позднелатинским (румынским) и греческим языками.

В V—VI вв. на Балканы с севера двинулись славянские племена, которые почти полностью ассимилировали смешанное греко-римско-фракийское население, но включили в свое славянское языковое достояние много унаследованных от него субстратных черт. В VII в. сюда же вторглись кочевые орды тюркоязычных болгар, до того времени кочевавших в степях Северного Кавказа и Южной Украины. Местное население приняло их в целом хорошо, так как видело в них союзников в борьбе против тяжелого гнета Византийской империи. Тюрки-болгары заняли в новом Болгарском царстве положение аристократической верхушки. Однако они уступали славянам и в уровне культурного развития, и по численности, и вскоре ослабились, слились со своими подданными в единый болгарский народ, говорящий на языке славянской группы.

Этногенез болгар в основном завершился в VIII—IX вв. Но их этническая история продолжалась, она продолжается и сегодня. Значительную роль сыграли в ней с конца XIV в. другие тюрки — турки-османы. Под гнетом Османской империи от основного ядра болгарского народа откололись некоторые исламизированные группы (например,

нимки). Свой след в генофонде болгар оставили и поляки, и венгры, ужившиеся (правда, без особенного успеха) с турками на территории Болгарии в XV в. Ассимиляция части турецкого и иного пришлого населения, реинтеграция исламизированных групп в состав болгарской нации продолжается и по сей день.

Межэтнические браки, смена языка и самосознания у этнических меньшинств и иммигрантских групп, иммиграция и эмиграция, стирание субэтнических и диалектных различий (или, наоборот, их возникновение и актуализация), внутренние миграции, репатриации и тому подобные процессы — все это этнографические фиксируемые компоненты этнической истории каждого народа.

Исследования этногенеза, т. е. сложения новых этносов из разнородных предшествующих компонентов, практически отсутствуют на Западе. Исследования по этнической истории в рамках культурной и социальной антропологии связаны преимущественно с общей гражданской историей; только в Японии проблемам этногенеза японцев, аютайцев и айнов, и корейцев, уделяется много внимания.

Зато в советской этнографии исследования по этногенезу были едва ли не центральным, ключевым направлением среди прочих областей. Это понятно: с момента своего образования СССР вел интенсивное национальное строительство. Десятки народов, ранее бесписьменных и не имевших городской жизни и культуры, должны были получить свою письменность, школу, литературу, нередко и свой национальный театр, балет, оперу, национальную школу живописи и другие атрибуты цивилизованной нации. Создавались и истории этих народов.

Хотя этногенез изучается прежде всего именно этнографами, собственно этнографические источники играют в его изучении не самую главную роль. Этногенез — комплексная проблема, которая привлекает данные археологии, антропологии, языкознания, письменные источники.

В настоящее время этногенетические исследования ведутся менее активно: профессиональные этнографы заняты в основном отслеживанием более злободневных современных этнических процессов, включая этноконфликтные. Но эта установка на политизированную трактовку истории различных народов, проблемы их древности и автохтонности на современных и соседних этнических территориях, поиски «славного прошлого» и «славных предков», породила поток антинаучной, фантастической литературы псевдоэтногенетического содержания.

Этносы состоят из людей, носителей этничности, этнофоров (по терминологии В.В. Пименова). Иногда, правда, определить этническую при-

надлежность отдельных людей бывает довольно трудно. К какому этносу, например, принадлежит сын эстонки и татарина, родившийся и выросший в Москве? Может ли он быть русским?

Индивидуально человек может находиться между этносами, и даже вне их, но социально — нет. Ведь другие люди воспримут, определят его как представителя того или иного этноса, отнесут его к тому или иному народу, судя по внешности, языку общения, поведению, конфессиональной принадлежности, ценностной ориентации и т. д.

Существует несколько точек зрения о способах сложения и функционирования этносов.

В последнее время в мировом сообществе ученых-гуманитариев распространились идеи постмодернизма, отрицающего объективное существование фактов культуры и признающего их наличие только в субъективном сознании как носителей культуры, так и тем более ее исследователей. Объективистская концепция теории этноса, получившая название примордиализма, подверглась интенсивной критике, и ей на смену были предложены конструктивистская и инструменталистская концепции. В отечественной науке конструктивистский подход наиболее ярко представлен в работах В.А. Тишкова²¹.

Суть примордиалистской концепции состоит в том, что этносы мыслятся как относительно дискретные, весьма долговечные формирования, существующие независимо от воли и желания их конкретных индивидуальных представителей. Они формируются вследствие объективных факторов, лежащих вне сознания людей, в силу их расовой (биологической) принадлежности, наличия кровно-родственных связей, родного языка, в силу необходимости адаптации к совершенно определенной природно-климатической, хозяйственной, социально-политической нише.

Вся поверхность ойкумены — обитаемой части земли — состоит как бы из сети таких ниш, образуемых ландшафтно-климатическими зонами, узлами коммуникаций (рек, дорог, горных троп, перевалов), природными барьерами (морями, горными хребтами), социально-политически обусловленными границами между сферами влияния крупных держав и т. д. Попав в такую нишу, как в плавильный тигель, в процессе адаптации к ней даже очень разнородное по происхождению население

²¹ Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3—21; Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

неизбежно консолидируется в этнос. Крайним выражением такой концепции стала североамериканская идея «плавильного тигля», согласно которой все иммигранты в США должны слиться в единую североамериканскую нацию (хотя в представлении многих без африканцев и индейцев из-за иных корней их расового происхождения). Как известно, этого так и не произошло: часть иммигрантов совершенно ассимилировалась, но другая — продолжает существовать в виде многочисленных меньшинств, достаточно сплоченных национальных групп.

Однако в ряде хорошо документированных случаев мы встречаем факты, по-видимому, подтверждающие «концепцию ниш». Так, границы между Юго-Западной, Центральной и Северо-Восточной областями Японии стабильно совпадают с границами археологических культур, древних этносов, а в новое время — диалектных групп и локальных этнокультурных подразделений японского народа, начиная с эпохи раннего неолита и вплоть до наших дней, невзирая на все изменения в этническом составе населения. Однако практически любые человеческие сообщества в той или иной степени открыты; подобно регионам в географической классификации или периодам — в истории, они, хотя и могут быть выделены, но в реальности не существуют изолированно друг от друга.

Противоположная примордиалистской концепции — конструктивистская теория этноса. Этносы — это «воображаемые общности», идеологемы, которые не существуют в объективной реальности, но существуют в сознании людей. Представления о них зачастую внедряются и иные усилиями эксплуатирующих «этническую идею» политических лидеров, эмоционально, а зачастую и коммерчески привязанной к «родному языку» националистически настроенной интеллигенции и других, сравнительно немногочисленных, но идеологически активных групп. Они заставляют людей идентифицировать себя с тем или иным этносом.

Здесь возникает ряд вопросов: существовали ли этносы в первобытности? Если да, то кто их тогда конструировал? Если нет, то к какому иному, нежели этническому, типу общностей относятся ненцы, эскимосы, чукчи, готтентоты и многие другие народы, самоназвание которых буквально означает «настоящие люди» — *неняй-ненець, инуитт, лыораветпет, кхой-кхойн?*

С другой стороны, названия таких этносов, как уйгуры, хакасы, как и сами исторические представления о них действительно имеют книжное, почерпнутое из древних текстов происхождение, и конечно, в какой-то мере они целенаправленно конструировались в национально-интеллигентских кругах, хотя и отражали спонтанное стремление к национальной консолидации.

Некоторые этносы создаются практически на наших глазах. Например, еще в XIX в. не существовало уйгуров: Н.М. Пржевальский, работавший в местах их теперешнего обитания, в Синцзяньском округе, пишет о таких народах, как таранчи, кашгарцы, таглыки, лоблыки. Они объединились в начале XX в., взяв себе этноним «уйгур» — древнего тюркоязычного народа, разгромленного Чингисханом.

Промежуточное положение занимает инструменталистский подход, признающий объективное существование этнического самосознания, но считающий, что оно активизируется только в ситуациях, стимулирующих его эксплуатацию для достижения политических, экономических и иных прагматических целей. т. е. некоторое чувство этничности дремлет во всех людях и обычно не проявляется. Однако в определенной ситуации это может произойти: например, если в государстве русским дают привилегии, поляк запишется русским. Одним словом, этносы тут выступают как реализованные возможности фрагментации и дифференциации социума.

Когда в Латвии в конце 1930-х гг. этнические латыши получили преимущество перед другими народами в получении земельного надела, в стране резко возросла численность латышей. Люди, не вполне четко относившие себя к тому или иному народу, чья принадлежность колебалась, например, между латышами и поляками, или латышами и русскими, латышами и немцами, теперь быстро «сориентировались». Еврею в общине выгодно подчеркнуть свое еврейство. В иных условиях — в отрыве от общины, среди всецело нееврейского окружения — возможно, выгоднее свою этничность скрыть, «сойти» за местного, даже ассимилироваться. Известно немало подобных случаев актуализации и забвения этничности.

По-видимому, необходимо признать, что и в формировании, и в поддержании активности этноса, в зависимости от конкретных исторических условий, большую или меньшую роль могут играть и примордиальные, и инструментальные, и даже чисто конструкционные факторы. Что же касается исследования этих процессов, то опять-таки в нем возможно и желательно сочетание всех трех подходов, и предпочтение того или иного из них должно в первую очередь определяться постановкой познавательных задач предпринятого исследования.

Четвертая концепция этноса, информационная, или коммуникативная, предложена в трудах Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова²². Эта

²² См.: Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 17—40.

теория говорит о том, что мы все живем в потоках коммуникации, особенно в словесном общении, происходящем с помощью речи и письма (которые, как известно, лучше других носителей отражают мысль).

Несмотря на то, что, конечно, существуют межэтнические контакты, в целом круги общения большинства народов избирательны. Между представителями одного народа существуют гораздо более тесные связи, чем между представителями разных народов. Примером этого могут служить московские вьетнамцы, создавшие за последние десятилетия и свою торговую сеть, и свои жилые массивы, имеющие свою переписку, свои культурные традиции, и даже свой рэкет, не распространяющиеся на живущих рядом иноэтнических соседей.

Человек, получающий все большее и большее количество связей-паутинок с представителями иных народов, постепенно этнически «растворяется», или по крайней мере его этничность весьма сильно преобразуется.

Связи могут быть синхронные (происходящие в одно время, например, телефонный разговор) и диахронные (объединяющие разные времена и эпохи, например, чтение произведений писателей и поэтов прошлых веков).

При всей важности диахронных, примоетнологических, этногенетических, этноисторических направлений исследования, все же и в культурной антропологии, и в этнографии центральное место занимают синхронные направления. Они исследуют ныне функционирующие формы культуры и социальной организации, или по крайней мере бытовавшие недавно и сохранившиеся в памяти ныне живущих информаторов. Только такая методика позволяет не только зафиксировать сами культурные явления (это делает и археология), но и определить их оценку, причинно-следственную связь, классификацию в сознании самих носителей этнически окрашенной культуры (этнофоров).

Каждый этнос, кроме самых малочисленных, подразделяется на несколько локальных или субэтнических групп.

Подобно тому, как язык, не считая появляющегося лишь на уровне нации общенационального литературного норматива, всегда или почти всегда состоит из ряда диалектов и говоров, в свою очередь слагающихся из индивидуальных идиолектов, т. е. свойственных каждому индивиду личных речевых навыков и особенностей, так и любая общенациональная культура состоит из иерархии ряда локальных или групповых (например, молодежных, религиозных, любительских) субкультур, в свою очередь слагающихся из индивидуальных, личных илиокультур (манер поведения) их конкретных носителей.

В одной только четко выраженной и отграниченной культуре не столь уж крупного (ок. 4 млн) грузинского народа выделяются, помимо основного подразделения на западных и восточных грузин, не менее 25—26 локальных этнографических групп (это гурийцы, аджарцы, картлийцы, кахетинцы, пшавы, хевсуры и т. д.). Некоторые из них говорят на местных диалектах грузинского языка, другие, например, мегрелы, сваны, лазы, цова-тушины — на особых языках, значительно отличающихся от собственно грузинского (картульского) языка. Их обычаи иногда ближе к обычаям соседних негрузинских этносов, чем к обычаям других грузинских групп.

Большинство грузин — православные христиане, но среди аджарцев и ингилойцев преобладают мусульмане, у ряда горских народов очень сильны традиции языческих верований, есть и небольшая группа католиков.

До сих пор продолжается деление по происхождению фамилий на крестьянские, дворянские, княжеские, и сохраняется предпочтительность браков между людьми равного социального слоя. В современном обществе крестьяне, рабочие, рядовые служащие, творческая интеллигенция, духовенство, буржуазия (люди бизнеса), даже криминалитет или полукриминалитет имеют свой социальный статус. Политическая или партийная аффилиация часто диссонирует с социальной (человек княжеского рода может быть мелким предпринимателем, верующим православным и притом убежденным сталинистом).

В армянской диаспоре США группы разного происхождения (турецкие, российские, азербайджанские армяне) нередко мало связаны между собой и сильно различаются по культуре повседневности, и даже внутри единой по происхождению группы могут быть объединения разной политической ориентации (например, про- и антидашнакские), разной конфессиональной принадлежности (армяно-апостолы, армяно-католики, протестанты).

Этнос делится по разным направлениям на множество разнородных ячеек. Но это ничуть не мешает не только осознанию этнической идентичности, но и ее глубоко эмоциональной реализации в случае межэтнического конфликта. Упомянутые выше группы имеют совершенно четкое грузинское или армянское самосознание, и в критические моменты истории способны проявить поразительное единство. Почему это так происходит, каковы механизмы этнической когезии и факторы, ее определяющие, — суть важнейшие проблемы, исследуемые современной этнографией.

Для этнографии важна типологизация как самих этносов и культур, так и отдельных составляющих культуры.

Наиболее распространена в этнических картах, справочниках, обобщающих описаниях этноязыковая классификация. Она почти повторяет сравнительно-историческую классификацию языков по семьям и группам с той лишь разницей, что учитываются народы, говорящие на одном языке (например, сербы и хорваты), а народы, говорящие на нескольких языках, условно закрепляются за одним из них (например, ирландцы за кельтским ирландским языком, на котором в реальности сейчас говорят менее 15% ирландцев).

Такая классификация плохо отражает этническое своеобразие народов: в число романских народов, наряду с португальцами, французами и молдаванами, попадают и гаитяне с их преимущественно африканским культурным наследием, и евреи-сефарды, говорящие на языке эспаньоль (ладино), а в число германских — пиджиноязычные меланезийцы, англо-либерийцы и евреи-ашкенази, говорящие на идише.

Основные таксоны лингвистической классификации — это семья, ветви и группы. Так, русские — народ восточнославянской группы славянской ветви индоевропейской семьи.

Народы одной языковой семьи обычно не ощущают родства своих языков и тем более не осознают какой-либо взаимной этнической близости. Англичане, русские, персы и сингалы говорят на индоевропейских языках (сингалы и персы даже на языках одной ветви — индоиранской), но очевидно, что, владея только родным языком, они не поймут друг друга, также различаются их обычаи и традиции. Родство этих народов может быть установлено только при помощи углубленного сравнительного историко-лингвистического анализа.

В рамках одной ветви, например славянской, даже отдаленные, взаимопонимаемые языки (например, русский и чешский) и на слух специально не подготовленных людей воспринимаются как родственные, возникает чувство общности или близости элементов общеславянского наследия, а в рамках восточно-славянской группы, у русских, белорусов, украинцев, возможно частичное взаимопонимание, осознается родство.

Впрочем, народы, говорящие на одном языке (сербы и хорваты, боливийцы и парагвайцы), могут подолгу находиться в конфликтных и даже резко враждебных отношениях, иметь по отношению друг к другу негативные стереотипы, выискивать и подчеркивать самые незначительные словарные и фонетические различия в языке, черты несходства. Изучением подобных ситуаций занимается мониторинг межэтнических отношений.

Существует географическая классификация народов по регионам, выделяемым в физической и политической географии. В некоторых

случаях она имеет определенный смысл, например, «народы Сибири». В других — получается механическое объединение, например, «народы Африки» (при огромных различиях между народами Северной Африки и Субсахарской Африки), или «народы Южной Европы», куда попадают имеющие мало общего албанцы, итальянцы, португальцы и греки.

Типология этносов все еще вызывает широкие дискуссии. Подход к типологии этносов с точки зрения интенсивности объединяющих их синхронных и диахронных коммуникативных связей отражен в работах С.А. Арутюнова²³. Три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей. Плотность коммуникативных связей возрастает в ходе исторического развития, причем не всегда плавно, а ступенчато: в настоящее время можно выявить три подъема в темпах прироста этой плотности. Первый подъем связан с созданием письменности, что не жестко, но довольно достоверно коррелирует с классовым расслоением и формированием государственной власти, второй — с развитием массового начального образования и средств массовой коммуникации, прежде всего периодической печати, что вызвано развитием капиталистического способа производства. Эти подъемы происходили не сразу, но все же в достаточно сжатые сроки. Наконец, третий — происходит практически у нас на глазах, и ему способствовало, прежде всего, развитие новых технологий, в частности, увеличение скоростей транспортного передвижения, информационных потоков, создание и развитие Интернета, представляющего возможность многократно увеличить синхронные связи среди людей всего мира.

Конечно, определить не только абсолютную, но даже относительную плотность инфрасвязей довольно сложно, так как это возможно лишь на основании косвенных показателей. Тем не менее показатели эти имеются, и в особенности в отношении современных обществ, где статистической фиксации подвергаются и частота поездок, и личная переписка, и популярность книг, газет, теле- и радиопередач, и многие другие виды коммуникации.

На основе двух переменных — плотности синхронной и диахронной информации — можно построить классификационное двухмерное пространство, где найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего.

²³ Арутюнов С.А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. М., 1989. С. 32—40.

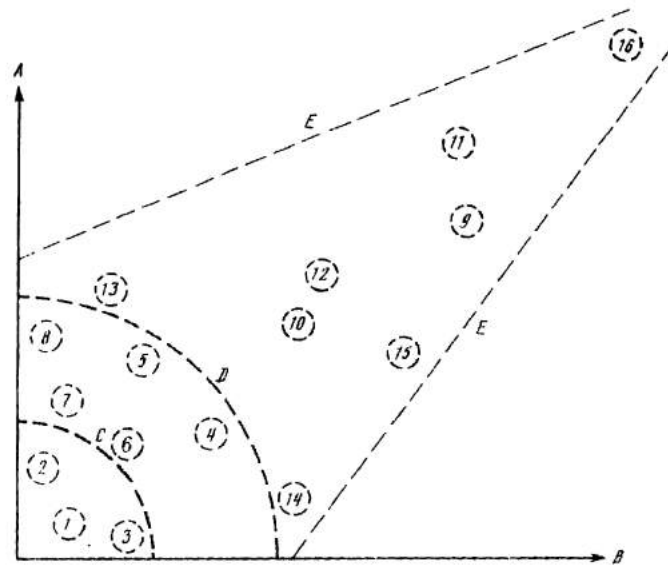

Рис. 8. Классификационное пространство этнических общностей разных типов (схема составлена С.А. Арутюновым).

1 — племя, 2 — соплеменность (группа родственных племен), 3 — союз племен, 4 — раннеклассовая или античная народность, 5 — феодальная народность, 6 — ассоциированное с народностью племя, 7 — кастовая группа, 8 — суперэтническая общность, 9 — буржуазная нация, 10 — буржуазная народность, 11 — социалистическая нация, 12 — социалистическая народность, 13 — этнодисперсная группа, 14 — этнографические (субэтнические) группы в составе современных наций и народностей, 15 — молодые гетерогенные нации (типа США), 16 — этносы будущего. А — ось нарастания диахронных инфросвязей; В — ось нарастания синхронных инфросвязей; С — рубеж появления письменности; D — рубеж перехода к уровню наций; E — границы области этнически значимых локусов.

На прилагаемой схеме ориентировочно намечено распределение различных этносоциальных организмов в зависимости от характерного для них баланса синхронных и диахронных связей. Они обозначены пунктирными кружками, чтобы подчеркнуть, что это не точки, а размытые локусы, в районе которых группируются реальные сообщества.

В дополнительном сегменте племени (на схеме это локус №1) характеризуется низкой плотностью инфрасвязей как синхронных (в ос-

новном, это территориальные и брачно-родственные), так и диахронных (генеалогии, фольклор, мифология). Соплеменность (№ 2) в целом еще слабее связана синхронными связями, чем племя, но обладает большим совокупным объемом диахронных связей. Для союза племен (№ 3), напротив, характерно усиление синхронных связей за счет связей военного и управленческого характера. На письменном докапиталистическом этапе такие древние этносы как раннеклассовые и античные народности (№ 4) имеют интенсивные синхронные (торговые и политические) связи, но, как правило, недавние общезнаменитые исторические традиции. Народы (№ 5) эпохи феодализма, формирующиеся в условиях нарастающей тенденции к усилению раздробленности и экономической изолированности, характеризуются пониженной интенсивностью синхронных связей, в то время как глубина диахронных связей возрастает. Наряду с этим продолжают существовать ассоциированные племена (№ 6) — например, айны Хоккайдо, экономически и социально связанные с японцами. Иногда они превращаются в народности, но чаще — в особые субэтносы или касты (№ 7). Одновременно формируются суперэтнические общности (славяне, романцы, дравиды, индоарийцы и т.п., № 8). Они обладают общими традициями, частью общего культурного наследия — преимущественно в области диахронных связей.

На следующем этапе сформировались нации (№ 9, 11) с резко возросшими синхронными и диахронными связями. У ассоциированных народностей (№ 10 и 12) эти параметры ниже. Кроме того, мы можем выделить этнодисперсные группы (№ 13), которые обладают довольно низкой интенсивностью синхронных связей, локальные субэтнические группы (№ 14), синхронные связи которых, наоборот, высоки.

В настоящее время весьма быстро возрастает плотность и внутриэтнических, и межэтнических связей. Однако исчезновение многих барьеров не означает полного стирания различий в будущем, а единство человечества не означает его абсолютную унификацию и однообразие. Качественно новый этап в проявлении локального разнообразия культур наступает в современную эпоху. Хотя в принципе существуют различные каналы достижения необходимого в адаптивно-эволюционном отношении эффекта избыточности культуры (например, усложнения вариативности типов личности), локальная поливариативность культур человеческих общностей в той или иной форме должна иметь место и в будущем.

Проявляется это по-разному, например, в опыте культурного возрождения почти исчезнувших народов. До какой поры сохраняется тот

Рис. 9. Айны перед житницей.

или иной этнос? Народ живет до тех пор, пока это кому-то нужно, причем носителями его культурных традиций и даже языка могут быть не только его непосредственные генетические потомки. Примером тому

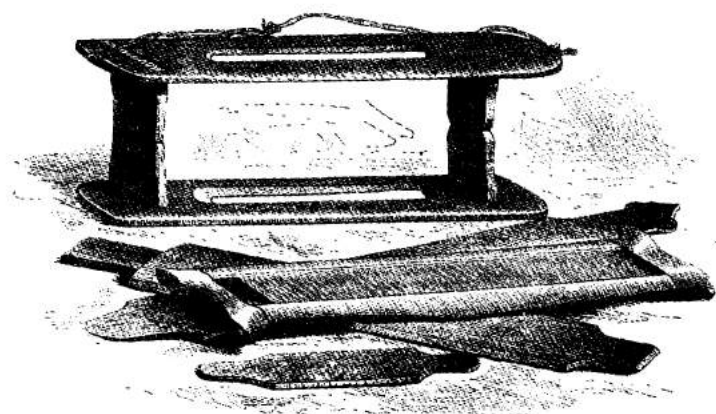

Рис. 10. Ткацкий стан айнов.

является опыт возрождения ливов в Латвии²⁴. К настоящему времени стало очевидным, что завершилась не только эпоха непосредственной передачи ливского языка и образа жизни, но и период ливского этнокультурного возрождения 1990-х гг. Конечно, слишком много уже не вернешь. Но, наблюдая за теми процессами, которые связаны с изучением, восприятием, осмыслением ливского наследия в современном латвийском обществе, приходишь к выводу: ливская культура не уйдет в небытие бесследно. Хотя и на других уже основаниях, она будет жить в XXI в., и это является проявлением локальной этнической вариативности балтийской региональной культуры.

²⁴ Рыжакова С.И. Ливы: опыт возрождения почти исчезнувшего народа // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 143. М., 2001.

Народы древние и молодые

Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина и цель,
Пышность восторга и сумрак потери,
Смерть на мгновенье и вновь колыбель...

Константин Бальмонт

Как и отдельные люди, народы рождаются, живут и умирают. Рождение народа это обычно либо отделение части уже существующего народа и оформление этой части в новый, отдельный народ, либо слияние нескольких ранее существовавших этнических групп (народов, племен и их частей) в новую общность и осознание этой общностью себя как нового народа. Очень часто оба эти процесса переплетаются или проходят параллельно.

В XVII в. некоторое число голландцев переселилось в Южную Африку. Сначала это были просто голландские поселенцы. Потом к ним присоединились мигранты из Германии, немалое число французов-гугенотов, бежавших из Франции после отмены Нантского эдикта, что означало начало преследования всех протестантов. К XIX в. все они оформились в новый народ, буров, или африканеров. Они уже не считают себя голландцами, у них сложился другой образ жизни, оформились другие привычки. Их язык, африкаанс, хотя и похож на голландский, но все-таки для голландцев малопонятен. В настоящее время африканеры — один из основных народов Южно-Африканской Республики. «День рождения» этого народа точно обозначить невозможно, его «родители» — голландцы, немцы, французы — живут и по сей день как отдельные народы. Африканеры — это один из относительно молодых народов мира.

Другой народ, почти ровесник африканеров, это — франкоканадцы, или квебекцы. Практически все они — потомки относительно небольшого (около 10 тыс.) числа переселенцев, отправившихся из Франции в Канаду, когда она еще была французской колонией. В отличие от гугенотов, все они были и остаются ревностными католиками,

Рис. 11. Узоры африканских татуировок.

гораздо более истовыми, чем нынешние французы. Их язык — тот же французский, но сохранивший некоторые старинные обороты. Франкоканадцы испытывают чувство родства с Францией, но осознают себя особым, отдельным от французов, народом. С другими переселенцами Канады они почти не смешиваются.

Потомки переселенцев в Канаду из Англии и Шотландии образовали самый крупный, основной народ Канады — англоканадцев. В их состав вошли также потомки многих других эмигрантов из Европы. Они ощущают себя особым народом, отличным и от англичан, и от американцев. Однако английские переселенцы в Южной Африке особым народом пока еще не стали, и в основном считают себя англичанами. В Канаде живет много выходцев с Украины, они сохраняют украинский язык, свои обычаи, и продолжают считать себя частью украинского народа.

«Родители» более древних народов, как правило, уже не сохранились. На рубеже нашей эры в Японии жили три группы племен: на юге племена кумасо, хаято, и возможно другие, говорившие на языках индонезийской группы; на севере племена эбису, цутигумо, родственные нынешнему народу айнов на острове Хоккайдо, но не идентичные с ним; в центре — племена ва, незадолго до этого переселившиеся из Корси, их язык был отдаленно родственен корейскому. К IV—V вв. н.э. эти племена полностью перемешались между собой и превратились в древнеяпонский народ. Племена кумасо, эбису, ва просто перестали существовать, сохранились лишь их имена в мифах и преданиях.

Можно ли утверждать, что все эти древние народы умерли? Они перестали существовать, но их гены, да и преобразованное языковое и культурное наследие продолжают жить в японском народе и сегодня.

В истории колониальных войн бывали случаи, когда целые группы племен (например, тасманийские аборигены) намеренно уничтожались практически полностью, но все же такие случаи — исключение. Обычно, даже если народ перестает существовать как народ, например, как этруски в древнеримском государстве, все равно его физическое и культурное достояние частично продолжается его наследниками (в данном случае — современными итальянцами).

Японцы — народ среднего возраста, им немногим более полутора тысяч лет. Большинство народов Европы, как Западной, так и Восточной, сложилось в промежутке от V в. н.э. — время падения Римской империи и начала переформирования населявших ее народов, — до XV в. — время распада Золотой Орды и завершения сложения государств. Важную роль в формировании новых народов сыграло быст-

рое, лавинообразное распространение ислама в Северной Африке и Западной Азии в VII—VIII вв. Немалую роль сыграли и крестовые походы XI—XIII вв. Все это были времена великих потрясений, когда распадались ранее существовавшие народы, а из их осколков формировались новые. Однако ряд народов сумел пройти через эти потрясения, сохранив историческую преемственность своего самоназвания, самосознания, языка и особенностей культуры. Древние римляне и нынешние итальянцы — это не один и тот же народ, можно сказать, что в VI—IX вв. в Италии уже не было римлян, но еще не были и итальянцев, а существовали множество этнических групп — осколков прежнего населения, пришлых поселенцев, из которых постепенно сформировались итальянцы. Но греки, несмотря на все превратности своей судьбы, существуют, как греки уже с XII—XIII вв. до н.э. Столь же древним народом являются китайцы, к этому же времени восходят древнейшие памятники их иероглифической письменности. У эскимосов Чукотки, Аляски, Канады до недавних пор письменности вообще не было, но археологические раскопки показывают, что уникально приспособленная к арктическим условиям эскимосская культура существует в несколько менявшейся, но в целом стабильной форме в течение примерно того же времени, что и китайская.

По крайней мере с VI в. до н.э. существуют армяне, примерно столько же и грузины. История древних евреев начинается не позднее чем с X в. до н.э. — именно это время охвачено древнейшими главами Ветхого Завета.

Наверное, один из самых молодых народов мира — новозеландцы: они стали осознавать себя новозеландцами, народом со своими особыми культурными чертами, а не просто англичанами или шотландцами, только в начале XX в. Зато аборигены Новой Зеландии, народ маори, примерно на тысячу с лишним лет старше: именно тогда несколько больших лодок с первыми поселенцами прибыли сюда с островов Центральной Полинезии. И по сей день, спустя тысячу с лишним лет, каждый маориец знает, как называлась та лодка, на которой приплыли сюда его предки.

Какие народы мира следует считать самыми древними? На этот вопрос ответить трудно: несомненно, что многие племена в отдаленных районах мира, например, бушмены Южной Африки или аборигены Австралии образовывались тысячи лет тому назад, но у нас нет никаких источников, определяющих их более точный возраст. Возможно, что очень архаичным народом являлись тасманийцы, которые в XIX в. были все, до единого человека, уничтожены. Тасманийцы

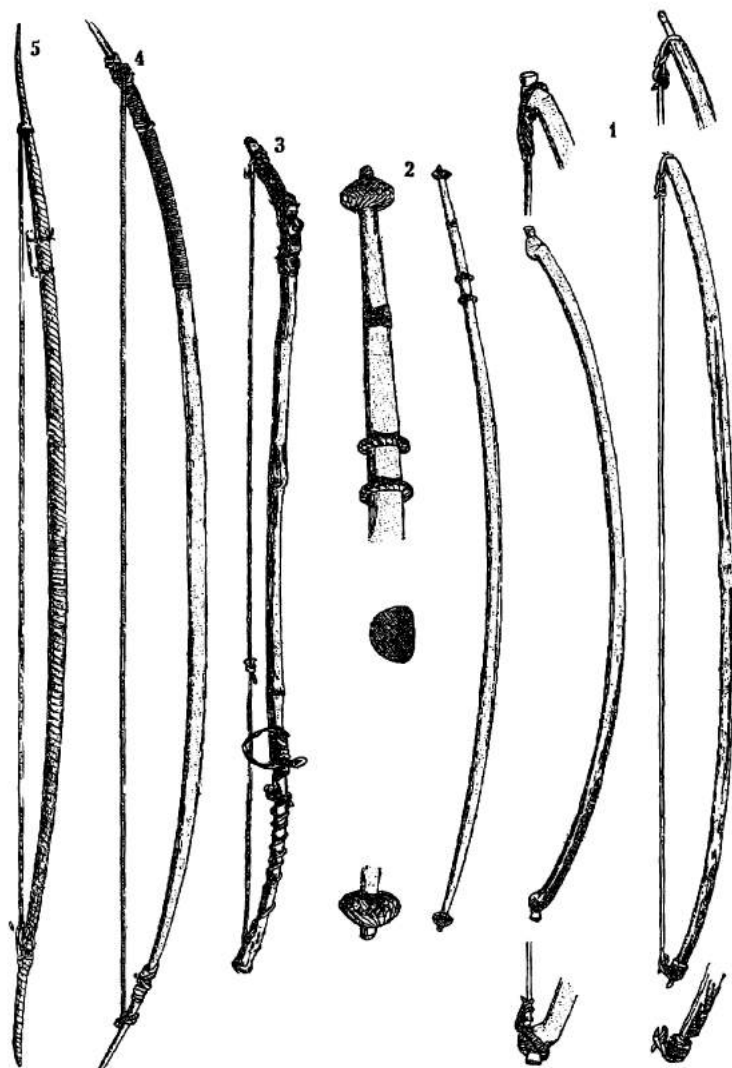

Рис. 12. Основные типы африканских луков.

существенно отличались от австралийцев, сохраняли в неизменном виде более архаичную, чем у австралийцев, материальную культуру и, возможно, являлись представителями самого раннего населения Австралии. Кроме них, на статус одного из самых древних народов Земли могут претендовать баски: они генетически сильно отличаются от всех остальных европейцев, их язык не похож ни на какой другой, и многие ученые считают, что это последние представители древнейшего палеолитического населения Европы. Все остальные народы Европы, несомненно, восходят к гораздо более поздним миграционным волнам.

Как составить картотеку народов мира

Первый шаг в научном изучении любого множества однотипных явлений, будь то звезды, минералы, птицы, чайники или народы, это составление какой-либо их классификации, разложение по полочкам. Делать это можно, руководствуясь разными принципами. Можно составлять картотеку по алфавиту — собственно говоря, так выглядит большинство энциклопедий народов мира. Однако для научной классификации необходимо выделение некоторых общих и существенных признаков.

Одним из самых очевидных и важных признаков народа является его язык, и поэтому наиболее распространена классификация народов **по языкам**. Однако, как мы знаем, отношение 1 народ = 1 язык — вещь распространенная, но не повсеместная и не абсолютная. Помимо испанцев, такие многочисленные народы, как мексиканцы, кубинцы, чилийцы и многие другие входят в группу близкородственных испаноязычных народов. К франкоязычным народам относятся, помимо французов, франко-швейцарцы, валлоны Южной Бельгии, гаитяне, которые и в генетическом, и в культурном отношении имеют довольно мало общего с французами. Ирландцев мы условно относим к народам кельтской группы, хотя на кельтском языке говорит лишь их небольшая часть, а основная масса давно уже англоязычна. И тем не менее, ничего более удобного, адекватно отражающего взаимное родство, ход этнической истории, сходство и близость народов друг с другом, кроме классификации их по языковым семьям и группам, мы пока не имеем.

Гораздо больше историко-культурного содержания заложено в группировке народов **по областям**. Разные исследователи выделяют в своих работах эти области несколько по-разному, называют их исто-

рико-культурными областями, историко-этнографическими ареалами, культурными провинциями и так далее.

Культурные области могут быть разного порядка, большие и малые. Можно, например, выделить Восточно-Европейскую большую историко-культурную область, которая во многом совпадает с европейской частью бывшего СССР (без Кавказа). Внутри нее можно выделить культурные подобласти — Беломорско-Печорскую (от Карелии до Северного Урала), Прибалтийскую (три государства Балтии — Латвия, Литва и Эстония), Средневолжскую (республики Поволжья) и другие. В равную по значению большую культурную провинцию можно выделить и Кавказ, хотя по площади он несравненно меньше. Кавказ можно подразделить на подобласти — Северный Кавказ и Южный (Закавказье), а некоторые ученые выделяют в третью особую подобласть и Дагестан. Характерно, что и в Прибалтике, и в Поволжье, и на Кавказе составляющие эти области народы относятся к разным языковым семьям: в Прибалтике к балтийской (латыши, литовцы) и прибалтийско-финской (эстонцы, ливы), в Поволжье к финской и тюркской, на Кавказе к нескольким разным семьям. Но несмотря на различие языков, а зачастую и физических типов — внешнего облика, народы, населяющие одну область, всегда имеют много схожего в национальной одежде, типах жилых домов, народной кухне, обычаях и в других чертах культуры.

Большую историко-культурную провинцию, отличную от Восточной Европы, представляет собой вся Западная Европа. В ней можно выделить ряд малых областей — Центрально-Европейскую, Скандинавскую, Средиземноморскую, Балканскую. Столь же большой провинцией является Южноазиатская, или Индостанская (куда входят Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш, Шри-Ланка), Юговосточноазиатская (полуостров Индокитай, Индонезия, Филиппины), Восточноазиатская (Китай, Корея, Япония).

Иногда можно выделить какую-либо одну характерную черту, отличающую данную область от всех других. Для Южной Азии такой чертой является деление общества на касты — относительно замкнутые сословно-профессиональные эндогамные сообщества. В Восточной Азии таковой общей чертой является, например, употребление иероглифической письменности.

Большую историко-культурную область представляет собой вся Латинская Америка. В ней можно выделить подобласти, например, Андские страны (Эквадор, Перу, Боливия). На несколько культурных областей распадается Африка к югу от Сахары, тогда как Северная

Рис. 13. Женщины с островов Тонга.

Африка может быть включена вместе с Турцией и арабскими странами Азии в Ближневосточную историко-культурную область.

Наряду с историко-культурными областями в истории культуры имеется такое понятие, как отдельные цивилизации. Это еще более широкое понятие. Один из важных принципов выделения цивилизаций это доминирующая религия — христианская (или иудео-христианская), исламская, буддийская и другие. Цивилизационный принцип в современном мире более существенен для объединения стран по общности интересов, нежели областной, в особенности это касается мусульманских стран. К исламской цивилизации принадлежат народы разных областей — турки, арабы, боснийцы-мусульмане, паки-

стипцы, сомалийцы. Восточноазиатская область по существу совпадает с дальневосточной — конфуцианской цивилизацией, хотя среди ее народов распространены и буддизм, и даосизм, и синто.

Существует еще один принцип классификации народов в этнографии. Это классификация **по хозяйственно-культурным типам**. ХКТ — это способ, которым данный народ добывает себе основное пропитание.

Можно выделить ХКТ пахотных суходольных земледельцев (выращивающих пшеницу, рожь, ячмень), куда войдут, в частности, почти все народы Европы. ХКТ орошаемого рисоводства охватывает крупнейшие народы Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Известны ХКТ оленеводов (ненцы, эвенки, чукчи, коряки и другие), морских шеробоев (эскимосы), речных рыболовов (народы Приамурья и индейцы Северо-Западного побережья Америки), охотников и собирателей пустынь (бушмены Южной Африки, аборигены Австралии) и другие.

Для каждого ХКТ характерна не только основная пища, но и определенный набор форм жилища, утвари и других предметов материальной культуры.

Ни одна система классификации народов мира не является полностью совершенной, каждая из них имеет свои достоинства и недостат-

Рис. 14. Руины старинной крепости в Индии.

ки. В зависимости от задач исследования может употребляться любая из них или быть создана новая.

Важно понять, что всякая культура создается для того, чтобы помогать народу выживать в соответствующей природной и общественной среде. Духовность бушменов ничуть не «ниже» духовности русских или англичан, она выражается в их знаниях об окружающей природе и о принципах взаимоотношения человека и природы, в сокровищнице их мифов, легенд, сказок, в их художественной деятельности, в их моральных принципах и других человеческих качествах. Подобное можно сказать и о культуре любого другого народа, вне зависимости от его численности и технологической, энергетической и военной оснащенности.

ГЛАВА 5

Культура и ее функции. Общества и культуры

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка.
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.
Уильям Блейк. Прорицания Невинности

Общества и культуры — главный объект исследования культурной антропологии. Во многом эти понятия близкие: всякое общество обладает своей специфической культурой, а культура способна проявиться только в определенном обществе.

Общество — это совокупность людей, объединенных общей культурой и языком, имеющих единые цели: выживание, самовоспроизводство, экспансия, иногда агрессия, и почти всегда — самозащита.

Общества бывают много- и малочисленные. Крупное общество — американская нация. Одно из самых маленьких обществ в мире (правда, несколько сомнительна достоверность сведений о нем) — тасодаи, народ Филиппин, приблизительно 30 человек, живущих в изолированной горной местности.

Можно также выделить общества интегрированные и изолированные. Примером изолированного общества могут быть полярные эскимосы, около 300 человек которых были обнаружены в начале XIX в. на крайнем севере Гренландии. Их происхождение, видимо, связано с группой североканадских эскимосов, заблудившихся на охоте. Изолированными были и многие островные народы — андаманы Андаманских островов, рапануйцы острова Пасхи, мориори островов Чатэм.

Иерархия обществ может быть очень разная. Это концентрические круги, идущие от простейшего сообщества — семьи, и достигающие уровня государства. Сюда могут входить и такие звенья, как деревня, дем (круг сообщающихся деревень).

Моноэтническими обществами были племена. В других случаях и позднее моноэтничность наблюдается редко. Например, корейское и японское общества приближаются к 99% по численному преоблада-

Рис. 15. Стоянка эскимосов в Гренландии.

нию одного народа — корейцев и японцев соответственно. Однако в крупных городах Японии и Кореи нельзя не заметить присутствия живущих здесь постоянно лиц иностранного происхождения.

Тем более полиэтничны маленькие современные общества. Например, в крошечном европейском государстве Андорра, расположенном между Францией и Испанией, одну четверть населения составляют андоррцы. Они говорят на андоррском диалекте каталанского языка, остальные три четверти — испанцы и французы. Тем не менее в этой стране имеются свои особые законы, обычаи, традиции.

Расселение народов, принадлежащих к определенной культуре, т. е. территориальное распространение культуры, всегда происходит с некоторой потерей исходной ее полноты. Когда предки сегодняшних полинезийцев расселялись по Океании, прежде всего были утрачены культура возделывания риса, потом производство керамических изделий, а у некоторых — умение владеть луком и стрелами.

Конечно, в ходе территориального распространения обретается что-то новое, например, на острове Пасха были созданы письменность, скульптура.

С другой стороны, существует экспорт и реэкспорт культурных форм. Известен так называемый «эффект пиццы»: пицца, первоначально вид обычного хлеба, появилась в XIX в. в Америке вместе с ита-

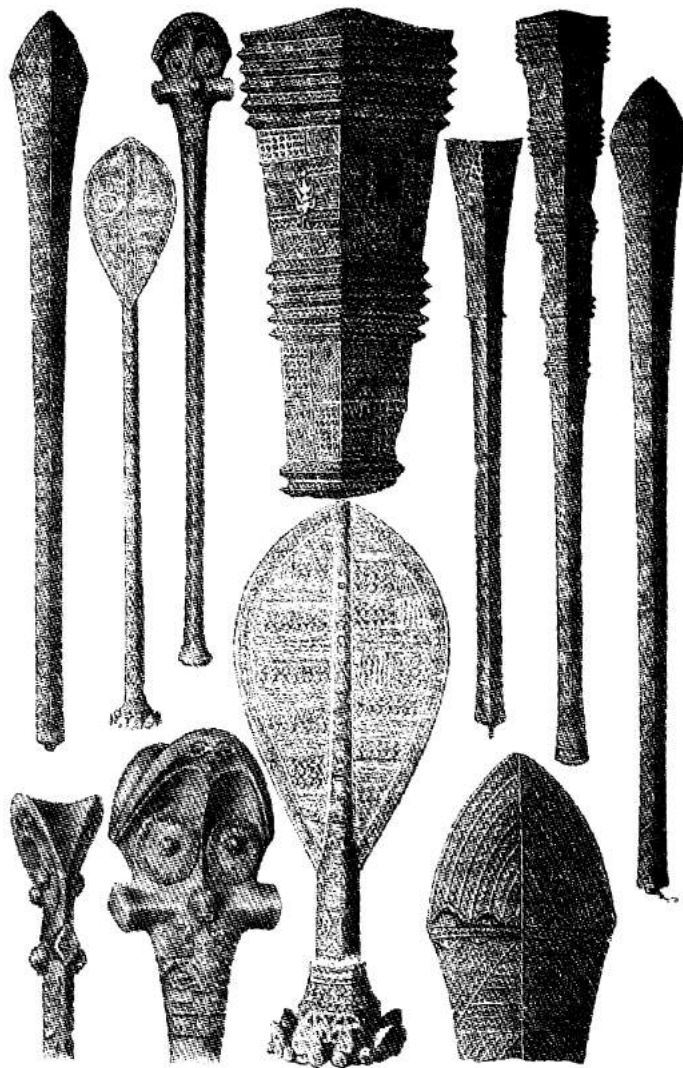

Рис. 16. Полинезийские палицы и весла — знаки достоинства.

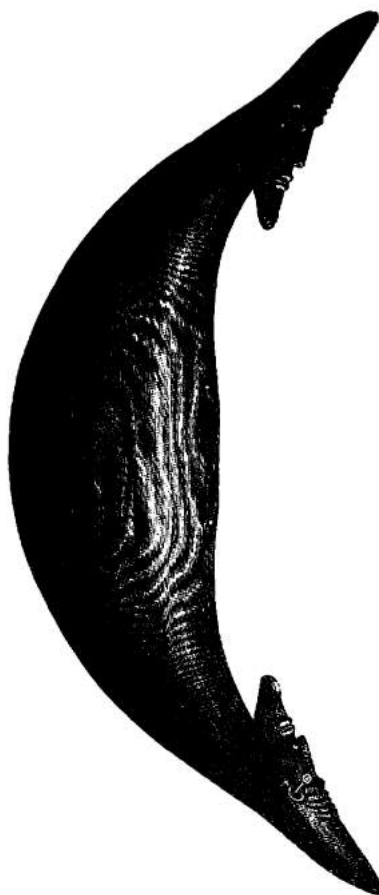

Рис. 17. Нагрудный щит (пектораль) с острова Пасхи, с надписью по краю.

льянскими эмигрантами, видоизменилась и приняла современную форму: плоский хлеб с помидорами, сыром и всем чем угодно в соответствии с фантазией едока. Разбогатевшие на ней итальянцы возвращались в Италию повидать родных и везли с собой эту новую пищу, которая не была известна в Италии до начала ее широкого вывоза в другие страны.

Аналогичным образом экспорт товаров, идей, символики, их культурное переосмысление и трансформация с последующим реэкспортом и воздействием на окружающих были названы индийским антропологом Агенандой Бхарати «эффектом пищи».

При исследовании культуры мы неизбежно приходим к двум различным способам отношения к ней: пониманию этой культуры и объяснению ее.

Американский исследователь Кеннет Пайк сформулировал два подхода к анализу культуры, получившие названия *этноного* и *эмного* (etic and emic), по аналогии с лингвистикой, где аналогичные подходы к анализу звуков языка носят названия фонЕТИческого и фонЕМНого²⁵. При этном (фонетическом) подходе исследователь фиксирует все реальные различия в произношении универсального в принципе звука, например, открытость/закрытость звука «э» в словах ЭТОТ и ЭТИ. При эмном (фонемном) подходе эти различия несущественны, так как для носителя языка в обоих случаях наличествует одна и та же фонема «э», поскольку признак открытости/закрытости гласной в русском языке фонеморазличительного значения не имеет изнутри культуры (в отличие, скажем, от французского). Фонемика изучает звуки, специфичные для данного языка.

В гуманитарных дисциплинах эмным стали называть культурно-специфический подход, стремящийся понять явления изнутри культуры («вжиться в них»), этным — универсалистский, объясняющий подход.

Различение этного и эмного подходов давно стало более или менее общепринятым в западной социальной антропологии, но сравнительно редко проводится в отечественной этнографии. Между тем, выделение минимального общественно значимого и осознаваемого культурного элемента, «эмы», существенно для операциональности исследования (бихейвиорема как минимальная единица поведения, мифологема как отдельный слагающий кирпичик в конструкции мифа и т. д.).

В работе «Иней на цветущей ежевике» М. Мид так описала сущность эмного подхода²⁶. Отправляясь в экспедицию, культур-антрополог «должен освободить свой ум от всех предвзятых идей», постараться не предпринимать попыток сравнения. При эмном подходе изучается

²⁵ Pike Kenneth Li. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. 2-nd ed. The Hague-P., 1967.

²⁶ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 6—72.

одна культура, используются специфические для нее единицы анализа и термины (т. е. словарь понятий этой культуры). Метод исследования раскрывается постепенно, ученый заранее не знает, какие единицы анализа он будет использовать.

При этном подходе, чтобы объяснить межкультурные различия и сходство, изучаются две или несколько культур. Используются и единицы сравнения, которые считаются свободными от культурного влияния. Исследователь занимает позицию внешнего наблюдателя, выстраивает дистанцию между своими методами анализа и изучаемой культурой. Построение исследования и категории для его описания при этном подходе формируются заранее.

Однако во многих случаях эмный и этный подходы не могут существовать изолированно, они должны дополнять друг друга. В психологических сравнительно-культурных исследованиях, выделив универсальные категории, необходимо проанализировать их с помощью специфичных для каждой культуры методов, и только затем сравнивать.

В культурной антропологии при этном или эмном подходе анализируется осознанность или неосознанность культурных черт в коллективном общественном (в том числе, например, этническом) сознании. Подобные языковым фонемным или фонетическим различиям, культурные различия имеются в любых элементах внеязыковой культуры общества. Например, это различия между оттенками масти жертвенного животного, числом камней в погребальной насыпи, уровнем повязывания пояса (на талии, выше или ниже), избираемой музыкальной тональностью или ритмом при исполнении обрядовых песен.

При огромном количестве не исключающих друг друга попыток дать определение понятию культура, имеющихся в мировой культурологической литературе, и в отечественной этнографии, и во многих направлениях культурной и социальной антропологии наиболее популярны варианты определения культуры как «специфически человеческого, внебиологически вырабатываемого и внегенетически передаваемого способа деятельности» (Э.С. Маркарян²⁷).

Однако в неменьшей степени культура является результатом деятельности. В сущности, способ и результат — две стороны одной медали. Любой способ деятельности (производственной, обрядовой, художественной, речевой и т. п.) есть результат деятельности людей, выработавших этот способ, но и любой результат, получил он материальное

²⁷ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

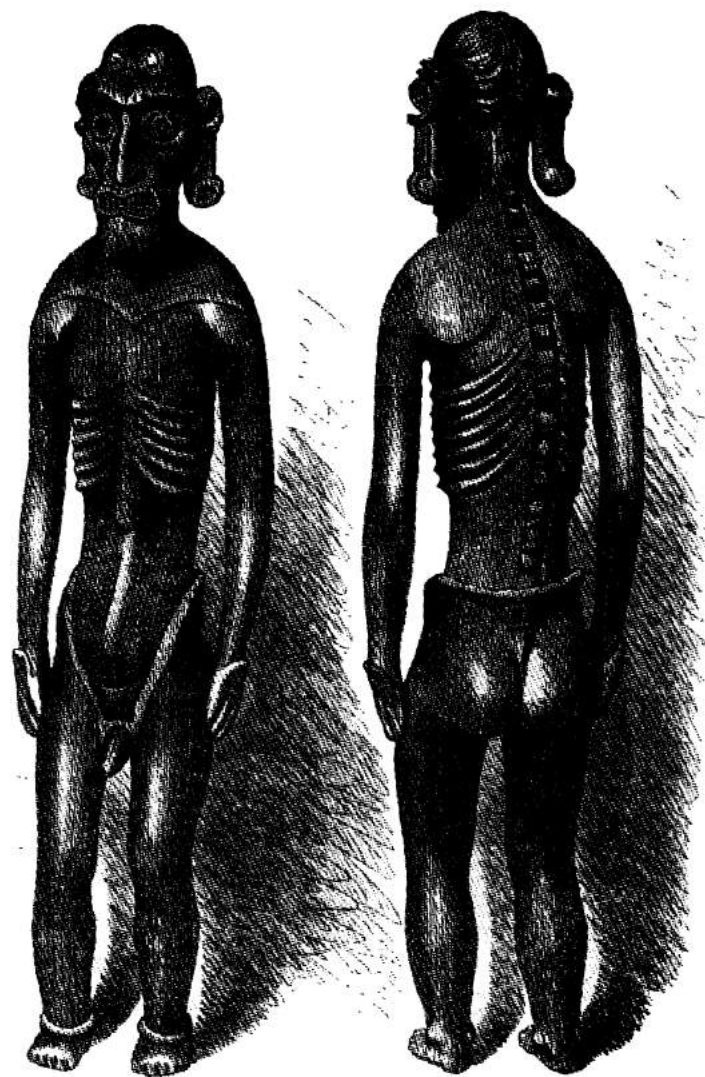

Рис. 18. Статуэтки с острова Пасхи.

воплощение или нет, есть в то же время ее способ или инструмент, например, все артефакты культуры являются и результатами деятельности и ее способами, стул — результат определенной технологии, но также и способа сидения. Буханка хлеба является результатом развития технологии хлебопечения, но также и способом питания. Ведь испеченный хлеб есть результат синхронной деятельности множества людей одной культуры (хлебороба, мельника, пекаря) и диахронной деятельности не менее чем полутысячи поколений людей, принимавших участие в этом процессе.

Путь к изготовлению современного хлеба лежал через одомашнивание хлебных злаков, открытие и совершенствование дрожжевой ферментации теста, конструирование хлебопекарных печей, создание каравая и т. д. Таким образом, в хлебопечении объединились доместикационная, изобретательская, конструкторская, дизайнерская виды деятельности. Полученный с их помощью каравай есть и основной способ питания многих народов, т. е. инструмент жизнеобеспечения в данной культуре.

Кроме того, хлеб используется в ритуальных и обрядовых целях (причастие, хлебопреломление, похороны, наделение дарами уходящего гостя), хлеб является важным культурным (нередко — этнокультурным) символом.

То, что все артефакты культуры являются и результатами деятельности, и ее способами, наиболее очевидно демонстрирует исполнительская культура. Например, в большинстве народных и в ряде классических и церемониальных танцевальных культур, танцор одновременно — «композитор» и «настройщик инструмента» (своего тела), исполнитель и «рояль» (так как «играет» на своем теле). Танец, исполняемый на сцене, в храме и на поле по окончании сбора урожая, или на поле битвы — это и способ деятельности исполнителя, и результат его творчества.

Культур-антропологическое исследование комплексно и синхронно функционирующей традиционной культуры любого народа, общества, этносоциального организма, требует ее подразделения на ее основные сферы, а самих сфер — на более дробные подразделения.

В этнографическом описании отдельных этносов советские этнографы выделяли обычно такие разделы, как хозяйство (земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, промыслы), материальная культура (поселения, жилища, одежда, пища, утварь), общественный строй, семейный быт, духовная культура (сюда относилось как устное творчество, музыка, танцы, декоративно-прикладное искусство, так и религиозные воззрения, культы, обряды).

Рис. 19. Женщина из Лоанго (Африка), работающая в поле.

Однако более логично, в научном плане выдержано и разделяется значительной частью этнографов и антропологов четырехчастное деление традиционной культуры на подсистемы: **производственная культура (ПК)**, **культура жизнеобеспечения (КЖ)**, **соционормативная культура (СНК)** и **гуманитарная культура (ГК)**. Подобное деление описано в работах Ю.И. Мкртумяна²⁸.

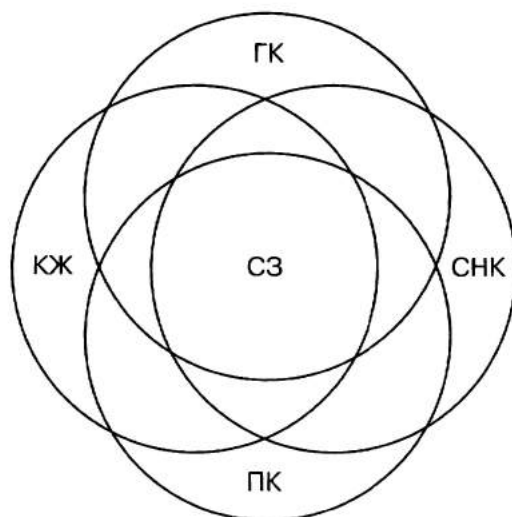

Рис. 20. «Цветок культуры».

ПК — производственная культура; КЖ — культура жизнеобеспечения;
ГК — гуманитарная культура; СНК — соционормативная культура;
СЗ — сверхзадача культуры в целом (расширенное самовоспроизводство общества)

Процесс создания продукта и необходимые для этого хозяйственные мощности — составляющие культуры производства. Культура жиз-

²⁸ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры. Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 42.

необеспечения — это потребление продукта, и главные из ее сфер — пища, жилище, одежда, а также транспорт, другие сопутствующие области потребления. Соционормативная культура включает в себя право (установления того, что делать можно и нельзя), этику (представления о том, что делать следует и не следует), эстетику (представления о красивом/некрасивом). Соционормативная культура определяет наше поведение, т. е. его границы. Наконец, гуманитарная культура — суть все, что мотивирует, стимулирует деятельность человека. Это рациональные и эмоциональные способы познания мира — наука, искусство, философия, религия. При этом важно отметить, что все они существуют не обособленно, а пересекаются и взаимодействуют друг с другом.

Так, уже упомянутый простейший элемент культуры — хлеб в процессе производства (производства зерна и муки) относится к производственной культуре, а, учитывая его виды и формы потребления — к культуре жизнеобеспечения. Обычаи, связанные с хлебом, — священное и этикетное отношение к нему, нормы его распределения в обществе и семье, защита хлебных запасов нормами обычного права, значение клятв на хлебе и т. д. — относятся к соционормативной культуре. Наконец, совокупность практических знаний о свойствах хлеба и способах его производства, связанная с ним мифология, устное творчество (поговорки и пословицы, загадки, песенный фольклор — например, мукомольные песни, заговоры, произносимые во время его выпечки и еды и пр.) — составляющие гуманитарной культуры.

Но и сложные явления, такие, как религия, структурно распадаются, различными аспектами входят в различные подсистемы культуры. Так, одни компоненты религии — например, теология, религиозная философия, храмовое искусство — в большей степени тяготеют к гуманитарной сфере, другие — религиозное право, этические установки — к общественным нормам.

Можно отметить, что в целом гуманитарная и соционормативная сферы культуры более связаны с духовной стороной жизни, а производственная и жизнеобеспечивающая — с материальной, но и та и другая постоянно отражаются друг в друге и тесно взаимосвязаны.

Например, два таких простых элемента культуры жизнеобеспечения, как чаша с вином и кусок хлеба в христианской религиозной традиции стали символами крови и плоти Христовой, их вкушение не может быть отнесено к области повседневного утоления голода, а является глубоко значимым и даже мистическим действием, восстанавливающим религиозную связь с Богом.

Народную медицину относят к гуманитарной культуре, но в небольшой степени она присутствует и в культуре жизнеобеспечения, например — заготовка лекарственного сырья является частью производства, а обрядовую сторону лечебного процесса, скорее всего, следует отнести к соционормативной сфере.

Подобные нити пересечения обнаруживаются во всех без исключения областях культуры. Это происходит потому, что любая культурная черта и деталь интересует антрополога, этнографа не сама по себе, не так, как, скажем, жилое здание интересует архитектора, лекарство — медика, а праздничное блюдо — кулинара.

С помощью подсистем культуры реализуются отношения людей между собой, их общность или отличие играют в одних случаях интегрирующую, а в других — дифференцирующую роль.

Большинству элементов культуры, кроме только чисто ритуальных, как правило, присущи как витально-прагматическая, так и знаково-символическая функция. В своей совокупности и в совокупности своих функций они образуют единую культуру (этническую, конфессиональную, локальную, специализированную) и играют адаптивную роль.

Помимо уже выделенных сфер, всякая культура имеет определенную, хотя подчас скрытую «сердцевину», сверхзадачу своего существования. В целом, ее можно определить достаточно просто: это качественное и количественное расширенное самовоспроизводство данного общества и данной культуры; это сопоставимо с тем, что в биологии является охранением и трансляцией. И если в последнее время некоторые народы, в частности, китайский, стремятся снизить свой количественный рост, то качественный рост, т. е. рост уровня жизни, знаний о мире и о себе, по-видимому, не может иметь предела.

Адаптивная роль культуры для человека оказывается, таким образом, аналогичной роли биологической адаптации у животных и растений, направленной на самовоспроизводство вида. Развитие культуры у человека отражает и компенсирует угасание процесса биологической адаптации и видообразования. Образование этносов и этническая дивергенция у человека выступает как аналог видообразования в остальной природе.

В таких странах, как Швеция и Германия при высоком качестве жизни наблюдается углубление демографического кризиса. В иных культурах — напротив, происходит сильный количественный рост воспроизводства при снижении качества жизни. Еще в первой трети XX в. индийцев было в три раза меньше, чем сейчас. Рост одного по-

критерия при снижении другого в целом свидетельствует о кризисе в данном обществе.

В истории всякой культуры задействованы два механизма — **стабилизирующий и развивающий**.

В развитых странах Европы и США, там, где значительный акцент делается на развитие, идут быстрые процессы замены культур современными технологиями. Быстрее всего это произошло с культурой производства, но за ними подтягиваются и прочие. Примером замены культуры питания на технологию питания может быть повсеместное распространение системы питания «Макдональдс».

Одновременное повышение качественного и количественного воспроизводства жизни имеет место среди отдельных средних по численности народов, например, японцев, корейцев, и в тех обществах, где стабилизирующие процессы сбалансированы с развивающими.

На достигнутой стадии жизни этноса его традиционная культура, выраженная в определенном хозяйственно-культурном типе (охотничьем, кочевом скотоводческом, мотыжном земледельческом, пахотном и т. д.), прежде всего использует свои витальные функции для адаптации при существующем уровне развития технологии более всего к данной природной ландшафтно-климатической нише или группе ниш.

По мере развития промышленности, фермерства, плантационного хозяйства и т. п. хозяйственно-культурный тип (ХКТ) теряет свои отличительные черты, производство, да и потребление, становятся все более интернациональными, все менее этнически окрашенными. Проявления этничности наблюдаются в сфере знаковых функций культуры. Адаптивное значение культуры от этого не уменьшается, но идет процесс приспособления скорее не к природной, а к социальной и политической нише, обеспечивая внутреннюю когезию, интегрированность, сплоченность этноса в борьбе за свои коллективные интересы, ведущейся на высшем уровне в форме межгосударственной политики, внутригосударственного лоббирования, межэтнической конкурентности и конфликтности.

В этих условиях собственно этнографическое направление исследований в основном переходит в этносоциологическое.

Существует также деление культур на **постфигуративные, кофигуративные и префигуративные**. Подобная классификация описана в работах М. Мид.

В постфигуративных культурах «каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деда, держа на руках новорожден-

ных внуков, не могут представить себе для них другого будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения. Для того чтобы сохранить такую культуру, старики были нужны, и не только для того, чтобы иногда вести группы людей на новые места в периоды голода, но и для того, чтобы служить единственным образцом жизни, как она есть... Ответы на вопросы: «Кто я? Какова суть моей жизни как представителя моей культуры? Как я должен говорить, двигаться, есть, спать, любить, зарабатывать на жизнь, встречать смерть?» — считаются предрешенными»²⁹.

В кофигуративных культурах «преобладающей моделью поведения людей оказывается поведение их современников»³⁰, хотя разрыва поколений еще не происходит.

В префигуративных культурах не предки, и не современники, а сам ребенок находит ответы на сущностные вопросы бытия. Молодое поколение не использует опыт старшего. Происходит разрыв поколений. «Еще совсем недавно старшие могли говорить: «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут им ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь»»³¹. Кажется, что наступает период полного господства линейного движения истории, да к тому же еще и дополненного постмодернизмом, отрицающим любую претензию на объективное суждение. Видимо, это означает полный отрыв от всяких корней, становление некоего аутистического общества, где невозможно любое человеческое общение.

Сетованиями по этому поводу, т. е. по поводу конфликта поколений, потери корней, снижения общения и т. п. с избытком заполнены и художественная литература, и публицистика, и кинематография, и отчасти даже довольно серьезные социологические и культур-антропологические труды. Забавно, однако, то обстоятельство, что по существу идентичные сетования содержатся и в некоторых памятниках древневавилонской и древнеегипетской литературы, т. е. в документах, дошедших до нас, от обществ, постфигуративный характер которых не может вызывать никакого сомнения.

Однако и в префигуративных обществах разрыв между поколениями не абсолютен. Прежде всего он касается тех сфер, где опыт родителей действительно бесполезен: технологий, иногда — карьерной ориентации и стратегии. Зачастую у внуков лучший контакт бывает не

²⁹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322—325.

³⁰ Там же. С. 342.

³¹ Там же. С. 360.

с родителями, а с бабушками и дедушками, для которых карьерные установки уже пройденный этап; их контакты строятся чаще всего в эмоционально-гуманитарной области, где изменения происходят не столь быстро и не столь радикально, как в сфере технологий. Молодому поколению вообще в большей степени, чем старшему, присуща склонность к новаторскому поиску; разница в том, что в префигуративной ситуации этот поиск — единственный путь к выживанию и успеху, он жизненно необходим, а в постфигуративной — он часто оказывается излишним и безрезультатным. Так, однако, случается не всегда, иначе никакое развитие не было бы вообще возможно, а существовала бы полная стагнация. Свидетельства творческого поиска можно найти даже в археологических материалах.

В то же время даже в самом динамичном обществе всегда есть хотя бы частичная преемственность некоторых базисных поведенческих норм, без которой не было бы самовоспроизводства общества. Преемственность существует даже в сугубо криминальных кругах, где обычно действуют авторитет «воров в законе» и нормы «жизни по понятиям».

Встречаются нарушители и этих норм — «беспредельные отмороженки». Однако хотя стратегия «беспредела» кому-то и может принести краткосрочный «тактический» успех, она бесперспективна именно в стратегическом смысле, и рано или поздно (чаще, рано) «беспредельники» кончают трагично.

Случаи полного межпоколенного разрыва все-таки встречаются, и не так уж редко. Их можно наблюдать в условиях быстрой смены языка, например, у наиболее малочисленных народов Крайнего Севера Евразии и Америки, где поколение дедов говорит только на родном языке (скажем, эскимосском), а внуки — уже только на языке нового окружения (русском или английском). Здесь речевое общение дедов и внуков оказывается невозможным. Похожие явления происходят и в жизни малых племенных обществ некоторых тропических стран. Иногда эти процессы ведут к люмпенизации молодого поколения, к прекращению самовоспроизводства традиционного общества, его распаду, ассимиляции и исчезновению.

Однако, как правило, чем крупнее общество, тем оно стабильнее. Его базисные поведенческие нормы, символика, ценностные ориентиры, язык, модель жизнеобеспечения и другие фундаментальные составляющие культуры, хотя и меняются от поколения к поколению, но лишь частично, а не полностью, и это обеспечивает преемственность и самовоспроизводство как отдельных народов, так и более

крупных единиц, в которые эти народы входят. Такими единицами могут быть политические, конфессиональные, региональные, хозяйственные объединения.

Две собственно этнографические системы классификации народов отражают понятия, надолго ставшие ключевыми для советской этнографической школы с середины 1950-х гг. и сохраняющие свое значение по сей день: историко-этнографические области (ИЭО) и хозяйственно-культурные типы (ХКТ)³².

ИЭО относятся к категории локальных исторических типов, т. е. существуют в определенных пространственных и временных пределах, они неповторимы. Например, (западно-африканская) ИЭО Магриб, сложившаяся примерно в VIII в. после арабских завоеваний, включала Марокко, Алжир, Тунис и существует в этих границах и поныне. Центральнo-калифорнийская ИЭО сложилась, судя по данным археологии, в начале I тысячелетия до н.э. и была разрушена в ходе колонизации Калифорнии европейцами в середине XIX в.

ХКТ, в отличие от ИЭО, является примером общего исторического типа: идентичные ХКТ могут появляться в разное время и в разных местах, но при сходных обстоятельствах. Так, ХКТ ручного (мотыжного) орошаемого земледелия существовал на Юго-Западе США, в Аризоне, Нью-Мексико и на севере Мексики с II тысячелетия до н.э. (культуры кочизи, хохокам, анасази) и сохранился у индейцев пуэбло (хопи, зуни и др.) вплоть до европейской колонизации.

Аналогичный ХКТ возник на юге Средней Азии, в частности, в Туркмении, в эпоху неолита и энеолита (культура анау), в VI—V тысячелетии до н.э. в Ираке (самаррская культура), и сменился здесь позднее на ХКТ пахотного орошаемого земледелия. Хотя возделывали различные злаки (в Америке — маис, в Азии — пшеницу и ячмень), технология земледелия, более того, типы жилищ, характер и отчасти даже орнаментация керамики, навыки изготовления культовых глиняных статуэток и другие культурные черты были очень похожи. Они развились в разное время независимо друг от друга в сходных условиях и формах.

Можно составить таблицу ХКТ, подобную периодической системе Д.И. Менделеева: вместо номера периода по вертикали отложить ландшафтно-климатические зоны (пустыни, степи, лесостепи, тайгу, тундру и т. д.), а по горизонтали — уровни развития технологий (охотники и соби-

³² Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955, № 4; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.

Рис. 21. Глиняные сосуды майя с иероглифами (1) и орнаментом (2, 3).

ратели, рыболовы, ручные земледельцы, кочевые скотоводы, пахотные земледельцы и т. д.). Большинство клеток окажется заполненными реальными примерами, часто из весьма далеко отстоящих друг от друга во времени и пространстве локусов. например, кочевые скотоводы Северо-Востока Африки, Юго-Западной Азии и Центральной Азии. Между обществами, принадлежащими к одному ХКТ, проявятся многие черты сходства не только в сфере производственной культуры, но и во многих других, что отражает единство всемирных закономерностей развития человечества.

Историко-этнографические области, напротив, отражают многообразие культурных вариантов, с помощью которых это единство реализуется. Как ХКТ, так и ИЭО представляют собой иерархическую систему таксонометрических уровней, в них выявляются подтипы и подобласти. Так, например, южноазиатская (индостанская) ИЭО высшего порядка может быть подразделена на гималайскую, индогангскую, деканскую, южноиндийскую области второго порядка и ряд более мелких подобластей.

Некоторые ИЭО фактически совпадают с цивилизациями, но это явления разного плана. ИЭО выделяются на основе сходства основных

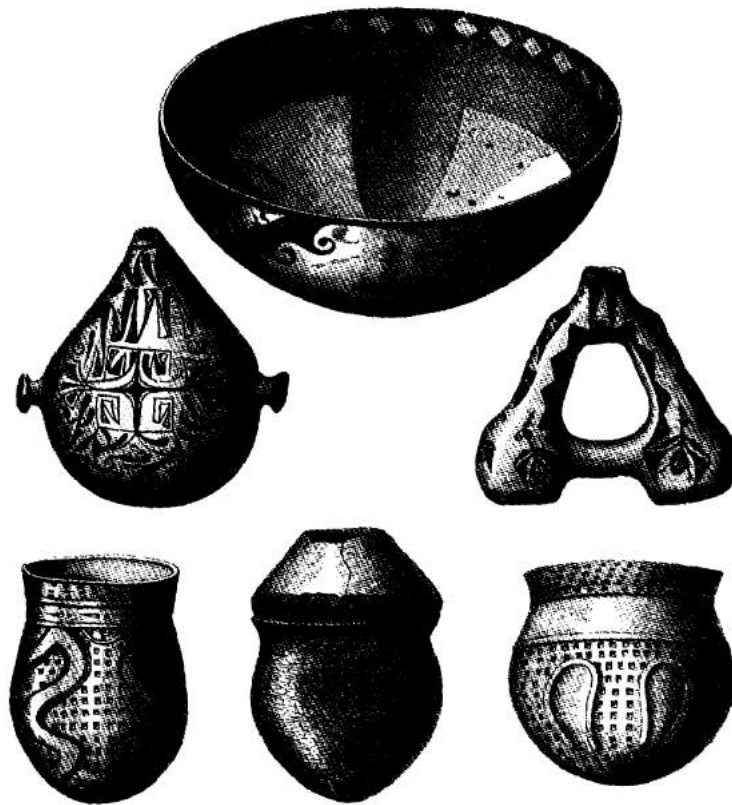

Рис. 22. Керамика индейцев зун-пуэбло (вверху), могильные урны индейцев (внизу).

черт малой традиции (народной культуры), а цивилизации — на основе единства стержневых составляющих большой традиции (элитарной культуры). Австралийские аборигены вообще не достигли уровня цивилизации, но ИЭО в Австралии могут быть выделены.

Цивилизации обычно возникают локально, в отдельном городе или группе городов, иногда даже можно указать конкретную личность или дату. Началом исламской цивилизации, например, можно считать, первый год хиджры (622 г. н.э.), когда, бежав из Мекки в Меди-

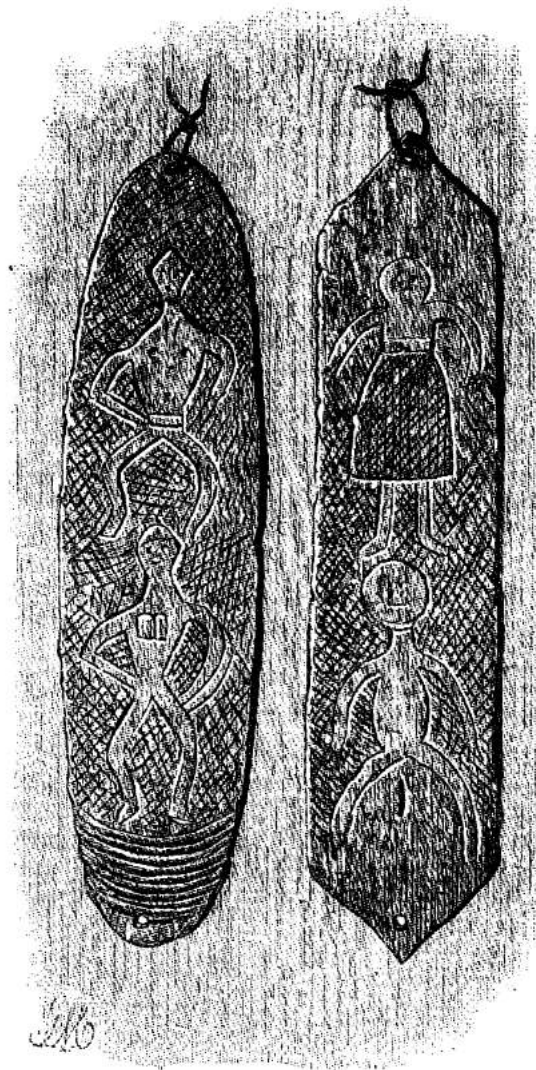

Рис. 23. Вращательные дощечки австралийцев.

ну (Ятриб), пророк Мухаммед основал там первую мусульманскую общину. Иудейская цивилизация связана с временем и именем пророка Моисея, дальневосточная — с Конфуцием (хотя основы ее начали складываться задолго до него).

Образно говоря, цивилизация на Земле — это как бы капля яркой краски, упавшая на карту и потом растекшаяся пятном или струйками вокруг первичной точки в разных направлениях, интенсивность ее окраски уменьшается к периферии. Историко-этнографическая (или историко-культурная) область, напротив, возникает сразу как целое пятно, нередко с довольно жесткими естественными границами (берег моря, пределы архипелага, горные хребты, границы природно-ландшафтной зоны), она указывается изопрагмами, т. е. линиями, очерчивающими ареал распространения отдельных культурных черт. Совпадение многих важных изопрагм образует некое кольцо, размытую границу ИЭО, через которую к центру ИЭО могут как бы «вмазываться» элементы внешних культурных влияний.

Часто цивилизации выделяются по признаку системообразующей религии. Цивилизация индуизма в целом совпадает с Индостанской ИЭО, дальневосточная конфуцианская цивилизация с Восточноазиатской ИЭО (Китай, Корея, Япония, северный Вьетнам). Однако исламская цивилизация распространяется на множество ИЭО, причем на некоторые из них лишь частично (Закавказье, Среднее Поволжье, Индонезия).

Похожим ХКТ могут обладать народы, относящиеся к разным расовым, этническим, языковым, конфессиональным группам. Но это же может быть справедливо и по отношению к народам одной ИЭО, причем даже не первого порядка.

В Деканской ИЭО в Индии обитают народы индоарийской, дравидийской, мунда-сантальской и других языковых семей — представители индуистской, исламской, христианской, иудейской, южно-буддийской, зороастрийской цивилизаций. В физико-антропологическом отношении здесь можно встретить и классических переднеазиатских европеоидов (парсы), и негроидов (потомков некогда ввезенных из Африки рабов), а среди лесных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ племен и ярко выраженных австралоидов (например, ченчу). Что касается ХКТ, то здесь есть охотники-собиратели, ручные земледельцы, пахотные земледельцы (большинство населения), полукочевые овцеводы, буйволоводы (как дхангары Западных Гхат) и др. Однако характер местных построек, начиная от примитивных хижин и кончая солидными зданиями, типы простейших орудий и навыки их применения,

формы металлической и керамической утвари, основные пищевые продукты и их сочетания, основные формы одежды (особенно несшитой), виды украшений, поверья, формы приветствий и жесты, а также многие другие культурные черты, общие для народов Декана, отличают их от населения соседних областей Индостана.

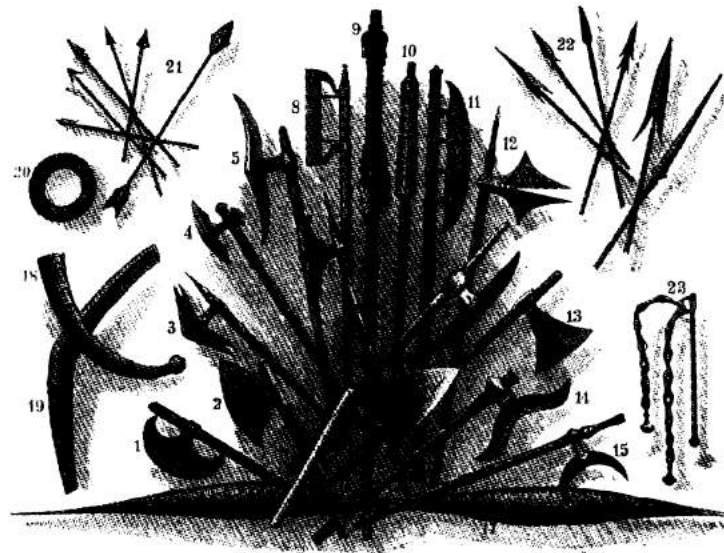

Рис. 24. Индийское оружие из разных областей Декана.

Поверхностный взгляд может вообще не заметить этнических и конфессиональных различий в окружающей толпе, а увидеть только различия социальные — бедных и богатых, крестьян и горожан. Различия в системах ценностей, семейном быте, обрядности и других аспектах духовной культуры между разными группами населения одной ИЭО могут быть очень велики. Однако похожие формы и нормы повседневного внесемейного поведения, этикета, наличие развитого пограничного двуязычия и другие каналы низовой коммуникации делают общение в рамках ИЭО незатруднительным, способствуют консолидации разнородных элементов.

В рамках одного ХКТ культурного сближения народов не происходит. И монголы, и сомалийцы — кочевники-скотоводы полупустынь,

их стада состоят из коз, овец, лошадей и частично верблюдов; похожи принципы организации их кочевого быта, утварь, оружие, жилища, однако их верования, обряды, фольклор, музыка, одежда, орнамент совершенно другие. Эти народы принадлежат к разным ИЭО, и по многим параметрам духовной культуры ближе к своим оседлым соседям.

Можно привести и другие примеры. Так, северо-восточный Иран, Афганистан и граничащие с ними на севере постсоветские республики Средней Азии — Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан — относятся к среднеазиатской ИЭО. Их объединяет суннитский ислам, единый пласт доисламских верований, сходные основные формы костюма, пища и многое другое. На этой территории скрещиваются влияния, исходящие из соседних ИЭО — Центральной Азии (Монголия, Тибет) и Юго-Западной Азии (Аравия, северо-западный Иран). Кочевое население этого ареала имеет либо центральноазиатское (тюрко-монгольские народы — монголы, киргизы, туркмены), либо переднеазиатское, иранское (курды, пуштуны, белуджи) происхождение. Несмотря на похожие методы хозяйствования, жилища у этих групп различны: у первых — круглая юрта из светлого войлока, у вторых — палатка из черной шерстяной ткани, что характерно соответственно для Центральной и Передней Азии.

Историко-этнографические области — как показывает само название, явления исторические, и именно в этом плане необходимо изучать их зарождение, развитие, взаимовлияния, формирование между ними переходных зон. Исходными материалами для этого могут быть как анализ собственно этнографических данных, включая фольклорные предания, генеалогии, мифы, мотивы народного художественного творчества, так и археологические находки, письменные исторические источники, свидетельства хронистов, путешественников и т. п. Они же необходимы и для решения других вопросов исторической этнологии.

Во всех гуманитарных исследованиях существуют два различных, но взаимодополняющих подхода — **синхронный** и **диахронный**. В антропологии синхронный подход выделяет различные культуры или их фрагменты, более или менее единые во времени, т. е. относящиеся к одному временному срезу, но занимающие разные ареалы, а диахронный — абсолютную и относительную хронологию разных культур и их элементов, эволюцию, дивергенцию или, наоборот, слияние, взаимное вытеснение или поглощение.

Можно сказать, что синхрония — это решение вопроса, что и почему относится именно к этой системе (ареалу, культуре, группе)

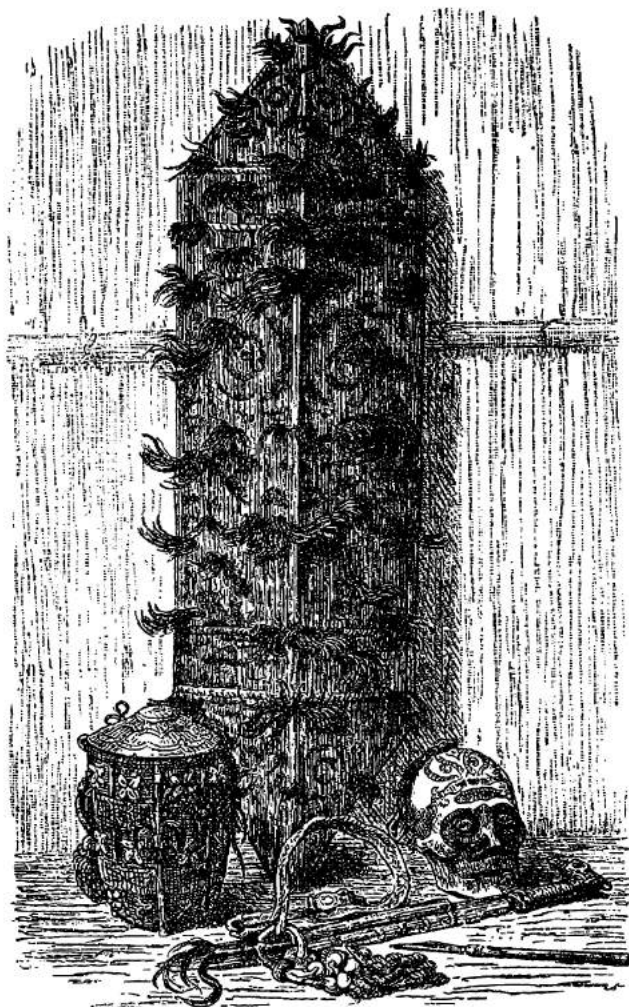

Рис. 25. Культурные предметы даяков — охотников за головами: щит с человеческими волосами, меч и нож, череп, украшенный вырезанным орнаментом и металлическими пластинами, корзина для хранения черепа.

и чем данная система отличается от подобной, но другой. Диахрония же — исследование тех способов, с помощью которых система, оставаясь сама собой, может передаваться во времени.

Во всех случаях имеет место установление типологии предметов и черт, характерных для исследуемых культур, а также анализ выделенных типов и изучение их эволюции, т. е. построение эволюционных рядов.

В связи со спецификой археологического материала типологизации подлежит в первую очередь каменный инвентарь (рубила, наконечники, резцы, скребки), начиная с эпохи неолита — керамика, а с эпохи металла — металлические изделия (орудия, оружие, украшения). Большое значение имеет орнаментация керамики и металла, кроме того, очень важен тип жилищ (возможность их реконструирования) и захоронений. Изучение петроглифов — наскальных и пещерных изображений — тоже один из важных связующих моментов между археологией и этнографией.

В этнографических исследованиях особое место занимает синхрония и диахрония типологии жилищ, одежды, пищи, изучение различий, обрядовая, престижная, символическая роль этих культурных элементов.

Срок жизни жилища — десятилетия и столетия; срок жизни одежды — годы; от приготовления пищи до ее принятия проходят минуты, часы, реже месяцы. Соответственно, эпохальные изменения в конструкции жилища заметны сразу, в одежде они затухают сезонными колебаниями моды, в пище их подчас вовсе не замечают.

Кроме того, чем интимнее элемент культуры, тем он консервативнее, а чем «публичнее», т. е. выставлен на всеобщее обозрение, тем быстрее меняется. Интерьер гостиной меняется быстрее, чем интерьер спальни. Пища оказывается наиболее консервативным элементом культуры, зачастую мы едим те же щи, пьем тот же квас, какие ели и пили наши прабабушки, тогда как их костюмов мы уже сто лет как не носим, да и дошедшей до нас мебелью пользуемся редко. Именно особенности пищи, приготовление традиционных блюд хотя бы по праздникам, сохранение в доме соответствующей этим блюдам утвари становится опознавательным знаком, символом этничности, даже когда в прошлое ушли не только костюмы и обычаи, но и родной язык (примером тому могут быть российские корейцы).

Проблемы материальной культуры, как производственной, так и бытовой, продолжают сохранять важное значение в культур-антропологических исследованиях. Однако прежде всего в результате ниве-

лирующего воздействия все более интенсивной и почти повсеместной урбанизации быта, интернационализации моделей потребления, удельный вес исследований в этой области снижается. Возрастает и диверсифицируется изучение разных форм духовной культуры, как гуманитарной, так и соционормативной.

В течение XIX и первой трети XX вв. важное место занимало изучение соционормативной культуры, обычного права, общественной организации. Эти исследования сыграли важную роль в понимании истории первобытного общества, а кое-где имели прикладное значение для законодательства в области гражданского права. С развитием правового общества обычное право занимает маргинальное положение в общественной жизни, деградирует, но при анемии общества и параличе государственной власти способно к быстрой регенерации, что и наблюдается сегодня, в частности, в ряде регионов Кавказа.

Непреходящее значение имеет исследование норм семейного быта, хотя этим же занимается сегодня и социология.

Сравнительно недавно этнографы стали углубленно изучать проблемы традиционного этикета, фатической (т. е. операционально бессодержательной) коммуникации и вообще культуры общения. С этим кругом вопросов отчасти смыкаются исследования календарных праздников (особенно новогодних), тесно связанные с мифологией, магией, этнографическим религиоведением. Повседневная жизнь семьи находит отражение в обрядах жизненного цикла — родины, крестины, сватовство, свадьба, похороны, поминки.

Изучение общественного строя включает исследование более широких чем семья, родственных структур — больших семей, патрионимий, линиджей, кланов, родов и т. п., а также терминологии и систем родства. Первоначально предполагалось, что в последних отражены ранние, исчезнувшие формы семейной организации. Ныне большее внимание обращается на закономерности эволюции и функционирования систем родства в их связи с современными формами общественной организации.

Составной частью культурной антропологии является фольклористика, которая включает устное творчество: мифы, эпосы, сказки, былички, предания, жизнеописания, песни и т. д. Специальных знаний, подходов и методик требует изучение музыкального и хореографического фольклора. Все еще довольно мало исследованы народные знания, в частности, народная медицина, косметология.

Этнографическое религиоведение изучает в основном те религиозные представления и культовые практики, которые не описаны в ка-

нонических текстах. Это анимистические и шаманские культы, верования эпохи, предшествовавшей распространению мировых религий (доисламской, добуддийской, дохристианской), а также те формы христианской, исламской, буддийской и иной религиозных культур, которые выходят за рамки канона.

Рис. 26. Продавщица фруктов (Индия).

Несмотря на быстрые и порой неожиданные, даже непредсказуемые изменения в самих объектах исследования культурной антропологии, эта наука представляет собой довольно устоявшуюся, хотя и динамично развивающуюся дисциплину, роль которой в новом тысячелетии, по-видимому, возрастет как в общетеоретическом, гуманитарном и познавательном плане, так и в плане прагматического прикладного применения.

Производящее хозяйство, цивилизации и историко-культурные области мира

...Раньше люди
Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сонных
Влачили жизнь; не знали древоделья,
Не строили домов из кирпича.
Ютились в глубине пещер подземных,
Бессолнечных, подобно муравьям...
Я научил их первой из наук —
Науке чисел и грамоте; я дал им
И творческую память, мать Муз.
И первый я поработил ярму
Животных диких: облегчая людям
Тяжелый труд телесный, я запряг
В повозки лошадей, узде послушных...
Эсхил. Прометей прикованный

Последний ледниковый период существовал 30—13 тыс. лет до н.э. Современный нам физический тип человека в то время уже вполне сформировался.

Можно считать, что антропогенез и макроэволюция современного человека в это время (т. е. в верхнем палеолите) закончились, продолжались только процессы микроэволюции адаптивного расообразования, которые, видимо, в той или иной форме продолжают и сейчас, и будут продолжаться в дальнейшем хотя бы в форме приспособления к локальным климатическим условиям, химическим особенностям среды, очагам эндемических заболеваний.

Окончание периода верхнего палеолита совпало с концом ледникового периода (около 13 тыс. лет до н.э.), с переходом от плейстоцена к голоцену, существенным обеднением фауны, переходом к мезолиту, а затем и к неолиту (вначале еще без керамики), а также с зарождением, вначале только в узком ареале на территории Юго-Западной, Юго-Восточной и Восточной Азии производящего хозяйства. На

основе его развития и распространения из горных и предгорных областей в аллювиальные равнины, создались предпосылки для зарождения цивилизаций древности. Первые из них в Египте и Месопотамии появились уже в IV тысячелетии до н.э. Высокие цивилизации возникали в долинах крупных рек, протекавших в довольно засушливых местностях.

Люди всегда жили и в тропиках, но там природа меньше способствовала цивилизационному прогрессу. В ледниковый период лучше всего было жить у края ледника. Под ледниковым щитом находились территории почти всей Англии, северной Франции и Германии, всей Скандинавии, почти всей Прибалтики, северной России. Свободными от ледника были земли Чукотки и Аляски, а на том месте, где сейчас Берингоморье, находились степи. Здесь, на стыке Азии и Америки, в силу малого количества осадков, ледники образовались только на горных хребтах. Но в результате оседания в виде снега влаги, поступавшей с Тихого океана, восточнее и южнее Аляски, практически вся территория Канады вместе с Гренландией, от Тихоокеанского до Атлантического побережья, была покрыта сплошным ледниковым щитом.

В ледниковый период уровень моря сильно понижается, суши становится больше, господствует антициклон: светит солнце, стоит

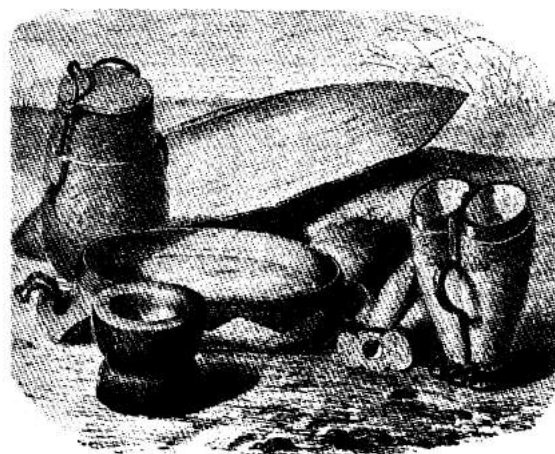

Рис. 27. Деревянная посуда овамбо (Центральная Африка).

хорошая погода, комары и мухи не кусают. У края ледника пасутся гучные стада лошадей, зубров, шерстистых носорогов, мамонтов. Из ледника текут чистые реки. Болезнетворных микробов нет, раны заживают быстро, нагноений не бывает.

К этому периоду относится множество находок, помогающих узнать о жизни древних обитателей ойкумены и свидетельствующих о развитой мифологии, культах, ритуалах. Это наскальная живопись Европы, Урала, а в более теплых районах — Сахары, Южной Африки, Австралии.

Захоронения близ Сунгира под Владимиром — пожилой человек, девочка и юноша — датируются временем около 15 тыс. лет назад. Их одежда не сохранилась, но существуют ее реконструкции. Это были кожаные облегающие красно-коричневые штаны, плащ, мокасины, куртка, шапочка, отороченная околышем из меха, расшитые тысячами мелких белых бусин из бивня мамонта.

Но ледник стал отступать, и пора изобилия кончилась. Степи заросли кустарником, березняком. Мясная пища стала исчезать. Изменился тип охоты: вместо загонно-засадной на крупных зверей теперь охотились на мелких — козлов, косуль, мелких антилоп, зайцев, белок, с луком и стрелами. В мезолите по сравнению с палеолитом население уменьшилось. В ряде мест — например на территории Сирии, Палестины — устраивая запруды у горных озер люди стали активнее выращивать и собирать дикие злаки ячменя, пшеницы. Позднее начали на равнинах, в бассейнах крупных рек — Нила, Тигра и Евфрата,

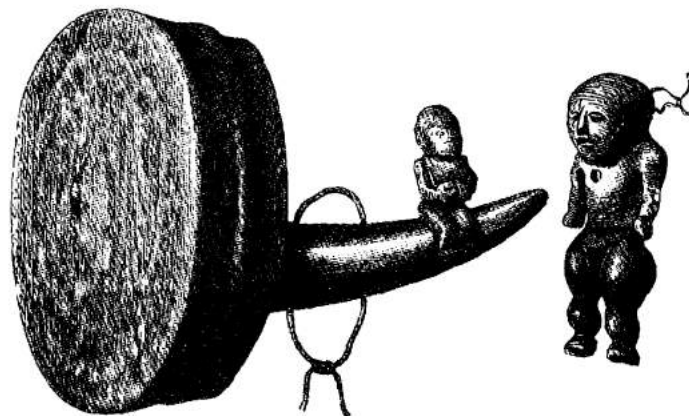

Рис. 28. Серга и военный амулет из клыка с Маркизских островов.

Инда. Это были места древнейшего земледелия. Одомашнивание злаков произошло в горных и предгорных районах, но активно культивировались они на равнинах.

В 1930-е гг. Н.И. Вавиловым были выделены основные центры доместикации растений и животных³³.

На территории Передней (Западной) Азии этот процесс начался более 10 тыс. лет назад. Здесь были одомашнены пшеница, ячмень, капуста, лук и чеснок, а также древнейшее животное — овца (причем настолько, что уже не может одичать). Позднее появились домашние козы, крупный рогатый скот. Эти животные, если их выпускают на необитаемые острова (Тихого океана, Карибского моря), где нет ни людей, ни хищников, могут вторично одичать, тогда как овцы просто вымрут. Более успешно доместикации подвергались самые глупые, дефективные животные, не способные убежать, не способные к свободной жизни, поддающиеся выпасу и размножающиеся в неволе. Они выработали привычку к сосуществованию с человеком. При одичании «гены глупости и покорности» отбрасываются естественным отбором, выживают же особи, в которых сосредотачиваются «гены самостоятельности».

Первые признаки доместикации растений и скота на территории Юго-Восточной Азии относят к VII—VI тысячелетию до н.э. Древнейшие области доместикации в этом регионе расположены на стыке современных территорий Индии и Бирмы, Южного Китая и Северного Вьетнама. Здесь были одомашнены клубнеплоды — ямс (сходный с картофелем), таро (похожий на репу, но на вкус нежнее картофеля). Эти растения распространились затем не только по всей Юго-Восточной Азии, но и в Океании (особенно таро). Из него (в виде пюре) делается национальное гавайское блюдо — *пои*.

На заливных землях, где выращивали ямс и таро, в изобилии рос сорняк. Его зерна тоже начали использовать в пищу — это был рис, ставший доминирующей равнинной культурой и распространившейся начиная с территорий южного Китая и Индокитая по всей Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии.

Интересно, что аналогичным образом была открыта рожь: в Европе она сначала произрастала как сорняк пшеницы, оказалась более морозоустойчивой и полезной для пищеварения. В пограничных областях между Украиной и Россией урожай зерновых называли суржик, это фактически была смесь из пшеницы и ржи.

³³ См.: Вавилов Н.И. Пять континентов. М., 1962.

Рис. 29. Важнейшие садовые культуры на Шри-Ланке: вблизи — кокосовые пальмы; вдали — арековые пальмы; справа — пизанг (овощной банан) и панайя; справа внизу — стрелолист (таро).

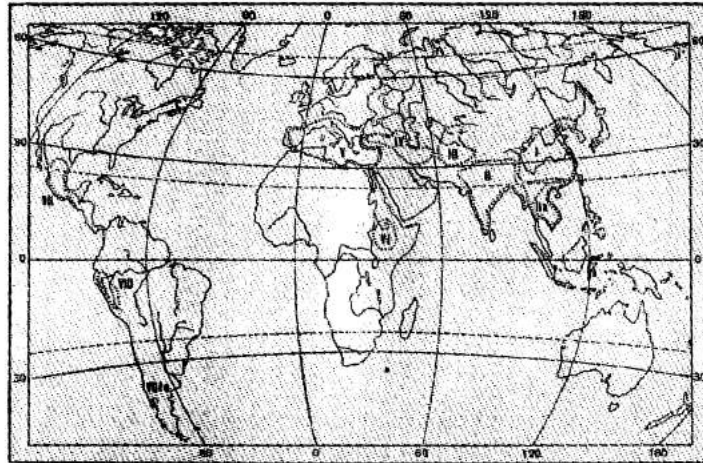

Рис. 30. Центры многообразия и одомашнивания культурных растений (по Н.И. Вавилову).

I — китайский, II — индийский, II-a — индомалайский, III — среднеазиатский, IV — переднеазиатский, V — средиземноморский, VI — эфиопский, VII — центральноамериканский, VIII — южноамериканский, VIIIa — чилианский.

В Юго-Восточной Азии и на ее границе с Восточной и Южной Азией были одомашнены дальневосточный подвид свиньи, буйвол и курица, китайская свинья (коротконогая и вислобрюхая). Дикие курицы до сих пор обитают в Индии и ЮВА. На территории ЮВА одомашнили гречиху; в основном из нее делают муку для изготовления блинов и лапши. Рис, пшеница, курица, крупный рогатый скот, свиньи появились со временем по всему миру.

Остается ли что-то в культуре народов, связывающее современность с той архаикой? Частично — да. По сей день священная еда народов Западной Азии и южных районов Европы состоит из блюд, приготовленных без закваски и соли из пшеничной муки (в том числе — маца, просвиры), а жертвенными животными являются баран и бык. Свинья воспринимается скорее как животное нечистое. Это можно объяснить местным климатом, типом скотоводства, и характерным для безлесных районов способом приготовления мяса. В Западной Азии, как и вообще в засушливых районах, чрезвычайно мало

топлива, и мясо варили в кипятке очень недолго, или жарили не до полной готовности. Таким образом, оно еще и сохраняло необходимые витамины. Недоваренная или недожаренная баранина или говядина вполне годятся в пищу. Однако сыроватая свинина может стать причиной тяжелого глистного заболевания — трихинеллеза, часто приводящего к летальному исходу.

В Юго-Восточной Азии и Океании, где дефицита топлива нет, свинья не воспринимается как животное нечистое. В торжественных случаях, при приеме важных гостей закалывают свинью или — что более почетно — буйвола.

Таким образом, два центра domestikации растений и животных и Старом Свете были также центрами создания двух разных моделей культуры.

В Европе и Западной Азии, где основой жизни были пшеница, ячмень, корова, овца, сакральными символами, жертвами, мифологемами, метафорами служат зерно, колос, сноп, хлеб, пиво, молоко, масло, рогатый скот и его рога («рог изобилия», звук рога как духового инструмента, узор рогов в орнаменте, «рог» полумесяца), пастыри и пастушки с овцами, бычья шкура, овечья шерсть («золотое руно»), ягнята и т. д. В Восточной Азии — это метелка или росток риса, понятие «души риса», соломенный жгут, квадрат рисового поля, рисовые колобки, рисовое вино, образ тучной свиньи и поросят, пастушок верхом на буйволе, бамбук как важнейшее непищевое растение, кабаны, клыки и прочее.

Два других центра одомашнивания располагались в Новом Свете.

Следует обратить внимание на то, что по традиции едят американцы в день Благодарения. Некогда голодавших поселенцев из Европы спасли от смерти доброжелательные индейцы, которые принесли им свои основные продукты. Соответственно в этот праздник на столе американцев находятся индейка, кукуруза, тыквенный пирог.

В мексиканском или мезоамериканском регионе в результате гибридизации ряда диких злаков была окультурена кукуруза. Доколумбова кухня индейцев США и Центральной Америки основывалась на трех основных растениях: кукурузе, фасоли и тыквах. Бутылочная тыква употреблялась также для изготовления утвари. Кроме того, в Центральной Америке начали выращивать какао-деревья, помидоры и красный перец.

Все эти растения со временем прочно вошли в рацион многих народов мира. Десятки других окультуренных видов составляют основу

блюд, широко используемых в мексиканской кухне, но мало известных за пределами Центральной Америки.

Еще одним центром доместикации на территории Южной Америки были Анды, область, охватывающая современные Перу и Колумбию. Здесь в горах на Тихоокеанском побережье произрастал картофель. До сих пор эта область — зона наибольшего количества его видов, как в диком, так и частично в окультуренном виде. Здесь встречается картофель с черной, темно-лиловой, розовой мякотью. Ряд других культурных растений возделывается в Андах по сей день, но за их пределы не распространился.

Рис. 31. Специфическая американская зерновая культура: зерновая лебеда киноа (Перу).

Рис. 32. Озерный рис тускарора (область Великих Озер в США).

Из животных на территории Центральной и Южной Америки были одомашнены индейка, мускусная утка (более жирная, чем наши, с красным наростом на клюве). В горах разводили ламу как мясное и вьючное животное и альпаку — для шерсти. В пищу употреблялась морская свинка, а также бесшерстная собака.

С появлением одомашненных животных и растений формы культуры человечества стали более разнообразными. По существу только с появлением производящего хозяйства можно говорить о формировании историко-культурных областей. Ранее же существовал практически единый хозяйственный тип, палеолитические охотники и соби-

ратели. Различия были только в подручных средствах. Весьма сходны палеолитические орудия, наконечники из кремня, обсидиана или более грубых каменных пород. Орудия из шлифованного камня появляются позднее, в мезолите и неолите. Более или менее сходны палеолитические жилища. Это пещеры, существующие, по-видимому, для проведения обрядов (там на стены наносили древнейшие рисунки), шалаши из жердей и ветвей, перекрытия из рогов оленя, клыков и длинных костей мамонтов, покрытия из шкур или растительных материалов (листьев, коры).

С возникновением производящего хозяйства появляется керамика. О глине, лепке и обжиге люди знали и раньше, в палеолите, но тогда необходимости в изготовлении керамической утвари не было. Теперь же, когда пища становится более разнообразной, и становится необходимым хранить продукты относительно длительный срок, производство различной, многофункциональной утвари становится важной частью хозяйства.

Каша была древнейшим блюдом земледельческих народов. Способ варки каши был следующим. В земле выкапывали яму, которую обмазывали глиной и затем обжигали. Наливали туда воду и положив раскаленные камни, сыпали зерно. Подобный способ приготовления блюд лег в основу конструкции печи *тандур* (*тандыр*), распространенной среди народов Передней, Центральной и частично Восточной и Южной Азии.

Занятия земледелием и частично животноводством требуют иного типа жилья, укрепленных поселений (чтобы кочевые соседние племена не разграбили пищевые запасы).

Появляются соответствующие орудия труда (в том числе шлифованные каменные орудия), керамика, большие укрепленные поселения — весь этот комплекс нововведений носит название неолитической революции. Она произошла не одновременно, а постепенно, но в достаточно короткий период времени и на определенной территории, чтобы можно было обозначить ее временные и территориальные границы. Она началась в VIII—VI тысячелетиях до н.э., первоначально на территории так называемого «Плодородного полумесяца»³⁴.

В долинах больших рек Старого Света — Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга, Хуанхэ — и позднее не столь крупных, но многочислен-

³⁴ См. работы: Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М., 1978; Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.

ных рек Центральной и Южной Америки сложились древнейшие цивилизации.

История знает несколько первичных, ранних цивилизаций древности, возникших там, где ранее ничего подобного не было, в начале IV тысячелетия до н.э. — древнеегипетская, в середине — месопотамская (Шумер, Аккад), в начале III тысячелетия до н.э. — в долине Инда (так называемая хараппская), в середине II тысячелетия до н.э. — в долине Хуанхэ, в I тысячелетии до н.э. — андская (инков) и мезоамериканская (мая, ацтеков и других народов). Все они появились как племенные объединения, поселившиеся на орошаемых землях.

Слово «цивилизация» происходит от латинского *civilis* — «гражданский», «городской». Действительно, город — важный элемент всякой цивилизации. Цивилизация — такая форма культуры и организации общества, которая имеет города, сословное или классовое деление общества (социально стратифицированное общество), и оформленный способ правления (власть, форма организации общества).

Рис. 33. Деревня египетских феллахов недалеко от пирамид Гизы.

Цивилизации сложились не во всех историко-культурных областях. Кроме того, цивилизации не вечны. Их гибель связана с уничто-

жением элитарной культуры. В ходе истории погибли, были разрушены или постепенно пришли в упадок все цивилизации древности: Египет пал под напором персов, затем греков и окончательно — мусульманских народов. Остатки культуры Междуречья сохранялись в Вавилонской культуре, а затем исчезли вместе с ней, поглощенные персами и арабами. Элементы цивилизации долины Инда и долины Хуанхэ вошли в древнеиндийскую и древнекитайскую культуры. Древнеегипетская цивилизация и цивилизация Двуречья стали основой позднейших иудео-христианской (разделившейся позднее на еврейскую, западнохристианскую и восточнохристианскую) и западноевропейской культур. И латинский, и еврейский, и арабский алфавиты восходят к древнефиникийскому письму, которое в свою очередь связано с египетскими иероглифами.

Некоторое время существовали как самостоятельные исламская, индуистская, дальневосточная цивилизации. Однако с начала XIX в. они потеряли свое самостоятельное значение: например, исламская, индуистская, японская школы лингвистики, математики и медицины к нашему времени стали достоянием относительно немногих знатоков, им на смену во всеобщем образовании пришли подобные же системы из западноевропейской цивилизации.

Долгое время в мировой антропологической мысли господствовал культурный релятивизм, провозглашающий равноценность всех культур. Этот тезис приводил к выводу о равном праве на существование любой культурной традиции, будь то даже каннибализм или охота за головами. Можно согласиться с утверждением функционалистов, что в свое время в определенных природных и исторических условиях даже такие обычаи могли быть функционально вписаны в общую культурную систему, работать на поддержание гомеостаза или даже расширенного самовоспроизводства данного локального общества.

Однако существуют некоторые общие закономерности поступательного развития человечества в глобальном, планетарном масштабе, и некоторые традиционные механизмы локальных культур со временем приходят с ними в противоречие и даже переходят в категорию антикультуры. Эта реальность предстала перед всеми нами особенно ярко в пламени взрывов 11 сентября 2001 г.

После долгого увлечения политкорректностью, релятивизмом и гиперплюрализмом мы, кажется, отчасти возвращаемся к пониманию того, что лучшее, что достигнуто к нашему времени, — это западноевропейская, либерально-демократическая цивилизация, ориен-

мир, по которому сегодня развивается весь мир, провозглашающий индивидуальную ответственность, примат прав личности, свободу мнения, совести и слова и ряд других максим, узаконенных, в частности, в качестве принципов членства в Европейском сообществе.

Свобода мнения, совести и слова, несомненно, предполагает и свободу развития ценностей и достижений иных, неевропейских цивилизаций. Реализация этой свободы выражается в форме религиозного культа, обряда и ритуала, самодисциплины и самоналагаемых индивидуумом норм и ограничений поведения, отчасти эстетических и этических критериев, развития художественного и литературного наследия.

Однако всевозможные разговоры о якобы существующей бездуховности и бесперспективности западноевропейской цивилизации, об альтернативном пути, противопоставляющем ей некую иную цивилизацию — исламскую, «евразийскую», «черно-африканскую» или какую-либо другую, как особый целостный образ жизни, заводят в лучшем случае в тупик, а в худшем — толкают на путь мракобесия, фанатизма и террора. В реальности эти разговоры отражают лишь стремление местных религиозных, политических и иных лидеров помешать подчиненным им массам осознать магистральные тенденции развития, оставить их в провинциальном и парохийном (приходском, общинном) состоянии.

Теперь рассмотрим вопрос, что же такое цивилизация как историческое явление. С момента возникновения она связана с городом. Но что делает город городом? По меньшей мере следующие три компонента: дворец, храм и ремесленнический квартал. Может быть, 80% или даже более 90% населения — это крестьяне, земледельцы, однако обязательно есть царь (не вождь!), придворные, жрецы и ремесленники, производящие изделия на продажу.

Развитая цивилизация должна обладать письменностью, как для записи священных текстов, так позднее и для деловой переписки, составления хроник, ведения бухгалтерского учета и т. д.

Всякой цивилизации свойствен особый референтный текст и традиционная графема. Конечно, зачастую они являются прерогативой элиты общества, и возникают не на самом раннем этапе формирования культуры.

Для цивилизации естественно стремление распространиться, расширить свои границы. Некоторое исключение представляла древнеегипетская цивилизация: несмотря на то, что фараоны завоевывали земли к востоку и югу, они не пытались их колонизировать, не возво-

дили храмы, не стремились «оегиптить» соседей, но ограничивались в основном сбором дани. Большинство же других цивилизаций стремились к культурной экспансии.

Не все культуры, обладающие государствами, сформировывали цивилизации. Например, государство Буганда (на территории современной Уганды), в которой были король, придворные, классы общества, но не было городов, письменности, дворца, храмов. В ряде западноафриканских обществ началось возведение городов, дворцов, даже подобию храмов, но не возникло письменности. Эти общества находились на пороге возникновения цивилизации. Например, на острове Пасхи имелась письменность, развитое изобразительное искусство, монументальная скульптура.

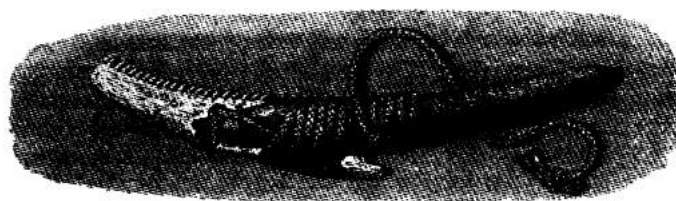

Рис. 34. Жертвенный нож с острова Пасхи.

Рапануэйцы, жители острова Пасхи, были слишком малочисленны для создания городской жизни, которая не сложилась также на Гавайях, Таити и других островах Полинезии, где в прочих отношениях был достигнут уровень культуры, близкий к западноафриканскому. Но это были лишь отдельные элементы цивилизации. Там отсутствовал *civis* — центр жизни городской общины, а значит цивилизации как системы там не сложилось. Таких цивилизаций, как африканская, арктическая, полинезийская или австралийская никогда не существовало, это вымысел досужих псевдопатриотов и заинтересованных политиков.

Другое дело — историко-культурные области. В эпоху палеолита они еще не разделялись: каменный инвентарь погребений и стоянок весьма сходен в разных областях мира. Неолитическая же материальная культура различается существенно: и самой формой каменных ножей и топоров, и теми способами, как их крепили, — привязывали или вставляли в древко, в какую сторону разворачивали обухом, каким образом держали рукоять.

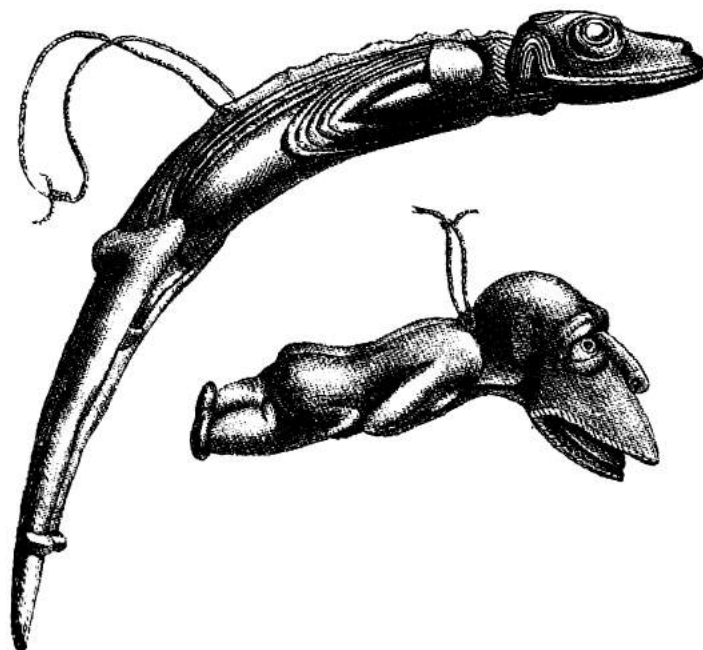

Рис. 35. Священные изображения с рыбьими головами с острова Пасхи.

Неолитическая революция положила начало формированию историко-культурных областей. Иногда они совпадали с цивилизациями: например, Дальневосточной области соответствует восточноазиатская цивилизация. Но исламская цивилизация представлена в Персидской Азии (где доминирует). Юго-Восточной Азии и в Поволжье (где сосуществует с другими).

Историко-культурная область определяется совокупностью черт традиционной культуры. Это те элементы повседневности, что объединяют всех жителей данной области, например, палочки для еды (китайское *куайцы*, японское *хаси*) — существенный признак этнографии питания народов Восточной Азии. Цивилизацию Восточной Азии сформировала иероглифическая письменность. Северный Вьетнам, перейдя в конце XIX — начале XX вв. на латинскую графику, тем самым словно бы выпал из этой существенной части высокоразвитой культуры.

Мусульманская цивилизация отличается, в частности, тем, что все мусульмане теоретически принадлежат к особому суперэтносу, основанному на религии, — *умма*. Хотя при этом среди мусульман имеются и арабы, и татары, и карачаевцы, и дунганы. Последние во всем остальном похожи на китайцев, они живут в поселках китайского типа, едят палочками китайскую лапшу, и вообще китайскую пищу, только заменяют свинину говядиной или бараниной. Однако их священные графемы — арабское письмо, даже если они в повседневности пользуются китайской иероглификой. Индийские мусульмане и христиане придерживаются кастовой структуры общества и выделяют даже в среде своих единоверцев группы «высших» и «низших», чего они вообще-то не должны делать, исходя из религиозных предписаний. Далеко не всякий индийский мусульманин или христианин сможет жениться на девушке-единоверке, если она принадлежит другой касте. Попав в дом балкарца, мы не сразу поймем, что семья нашего хозяина — мусульманская, слишком уж она похожа на христианскую осетинскую семью.

Сербы, хорваты, боснийцы — три разных народа, но они говорят на одном языке и принадлежат к единой югославянской подобласти Балканской историко-культурной области. Но уже в течение полутысячи и (если не брать в расчет мусульман-боснийцев) даже целой тысячи лет они развивались в рамках разных цивилизаций — западноевропейской, восточноевропейской и исламской. В бытовой и производственной культуре различия между ними мало заметны, но они бросаются в глаза в архитектуре городских общественных зданий (особенно храмовой), и в письменности — латинице у хорват, кириллице у сербов, и распространенной до начала XX в. арабице (аджам) у боснийцев.

Если историко-культурная область — это совокупность повседневных культурных черт (изопрагм, т. е. зон распространения бытования определенных предметов, признаков культуры и лишь часть из них занимает всю историко-культурную область целиком), то основы цивилизации составляются из принципиальных и всеобщих форм элитарной культуры общества.

Однако возникает важный вопрос о четкости или размытости границ цивилизаций и историко-культурных областей.

Границы цивилизаций довольно отчетливые. Но это нельзя адекватно отразить на карте, ибо они пролегают не столько в географическом (геометрическом), сколько в социальном, виртуальном пространстве. Индивид, семья, общественная группа, как правило, од-

однозначно могут быть отнесены к цивилизации, по нормам которой они живут, скажем, исламской, иудейской или дальневосточно-конфуцианской. Однако носители всех этих и еще других цивилизаций могут обитать в одном географическом пространстве, в одной историко-культурной области, допустим, индокитайской или индонезийской, в одном городе (Сянгане, Бангкоке, Джакарте, Сиднее или любом другом крупном городе мира).

Границы историко-культурных областей часто более размыты, так как их изопрагмы, не совпадают между собой полностью. Например, в 1930-е гг. Тбилиси был многоэтничным городом: тут жили представители разных цивилизаций — западноевропейской (немцы, поляки), восточно-европейской (грузины, армяне, русские), исламской (азербайджанцы), иудейской (евреи). Тем не менее, все они были вписаны в культуру повседневности Закавказья того времени: больше сходства, нежели различия, было в жилищах и их убранстве, в пище, манерах речи, жестикуляции, приветствии и даже в занятиях, интересах, ориентациях. Тбилиси был тогда, а отчасти остается и теперь одним из центральных городов Закавказской (Южнокавказской) подобласти большой Кавказской историко-культурной области. Многие культурные черты сближали эту ИКО с Восточноевропейской (русско-украинско-белорусской), другие же — с Переднеазиатской (Турция, Иран) областями.

Может ли быть так, что один народ принадлежит разным цивилизациям? Едва ли. Русские принадлежат восточнохристианской европейской культуре. Принявшие ислам или ставшие членами общества «Сознание Кришны», русские в глазах других словно отчасти или полностью перестают быть «русскими», они ассоциируются с иной культурой, иными языками и текстами.

Религия не всегда однозначно определяет цивилизационную модель, но чаще всего соотносится с ней. Например, в историко-культурной области Передней Азии исламская культура доминирует. Однако ислам в этом регионе значительно отличается от ислама в Индонезии. На Кавказе христианство (причем в различной форме) соседствует с исламом, дополняется иными конфессиями (например, иудаизмом).

Однако существует пресловутое выражение: «лица кавказской национальности». И это больше, чем только внешнее сходство людей. Это также этикет, жесты, манеры, система ценностей, способы общения, например, важная культурная изопрагма Кавказа — черкеска, в которую мысленно одет всякий кавказский мужчина, и она как бы

предопределяет или символизирует такие черты характера, как постоянное и обостренное чувство гордости, боязнь стыда, обидчивость, вспыльчивость. Это также фонетическая общность языков, в принципе различных по происхождению, например, наличие трех типов смычных согласных во всех языках Кавказа — и в собственно кавказских, и в индоевропейских, и даже в тюркских (кавказский языковой союз).

Если Кавказ — историко-культурная область первого порядка, то в ней выделяются две области второго порядка, Северный Кавказ и Закавказье. Они отличаются важными культурными элементами. На Северном Кавказе хлеб в основном пекут в подовых печах, на железных листах. Традиционная печь Закавказья — *тандыр*, в которой выпекают лаваш и где можно приготовить много других блюд. В свою очередь в восточных районах Закавказья чаще встречаются глинобитные жилые дома с плоскими крышами, в западных — деревянные или каменные с пирамидальными крышами. Восточные грузины ближе к армянам, если судить по их культуре питания и жилищам, а западные имеют больше сходства с адыгами и абхазами.

Подчас бывает трудно определить границы историко-культурной области. Люди, населяющие данный регион, часто не придают значения тому, какой они «национальности» и даже на каком языке они говорят. Для дагестанских народов важнее то, к какому *джамату* — общине, внутри которой люди обязаны поддерживать друг друга, — они относятся. В Индии на протяжении веков брахманы различных областей были ближе друг другу, чем люди, говорящие на одном языке и принадлежащие к одной деревне, но из разных каст.

На этном уровне историко-культурных областей и даже этнических общностей может не существовать. Хотя известны некоторые особенности, осознаваемые носителями культуры. Например, это антропология вкуса и запаха.

Предпочтение, отдаваемое определенной пище, — основной показатель культурной модели, выраженной на бытовом уровне. Еврей остается «евреем», пока любит мацу, «рыбу-фиш», печенье «кихелах», хотя они могут занимать весьма незначительную долю в его пищевом рационе.

Излюбленные блюда могут долго жить в культуре народа. Исчезают прически, одежда, язык и даже конфессии, а блюда могут оставаться, как, например, у российских корейцев. Восточная Азия — область потребления риса и сои (соевый соус, продукты из соевого творога). Индийцы любят свои пряности и бенгальские сласти, хотя индийская пища разная, на севере больше едят лепешки, на юге — вареный рис, но

и то, и другое обязательно с подливками (*карри, дал, чатни*), щедро приправленными пряностями. Весь Индостан благоухает запахами пряностей, ароматических палочек и маслами. Подобные маленькие «индостаны» встречаются и в других частях света, там, где живут индийские общины, так же как «чайнатауны» в местах иммиграции китайцев.

Историко-культурных областей первого порядка в мире довольно много.

В Америке — старые ИКО разрушены, а было их много. Их исследовал Франц Боас («*Anthropology of American Indians*»)³⁵. Например, индейцы северо-запада (в основном рыболовы — тлинкиты, хайда), прерий (охотники на бизонов), Калифорнии (охотники и собиратели — в том числе диких злаков; эта область идеально подходит для земледелия и сейчас тут выращивается половина всех фруктов и овощей Америки, но раньше индейцы тут были только собирателями), Анд (единственная зона скотоводства у индейцев — разводили ламу и альпаку, хотя не все; индейцы озера Титикака ловили уток и жили на воде). Особые области представляли Амазония, Восточная Бразилия, пампасы Аргентины и Уругвая, Чилийское побережье, Патагония, Огненная Земля и некоторые другие.

В Азии располагаются следующие ИКО: Передняя Азия, Средняя Азия — бывшие республики Средней Азии, Казахстан, Афганистан и Синцзян-Уйгурский автономный округ на территории Китая (Китайский Туркестан); Центральная Азия — Внутренняя Монголия (на территории Китая), Внешняя Монголия, Тибет. Тува и Бурятия являются переходными к Сибири, т. е. Северной Азии. Восточная Азия — собственно Китай, Корея, Япония а также Северный Вьетнам. Южная Азия — полуостров Индостан и прилегающие острова. Юго-Восточная Азия — Индокитай и Нусантара (Индонезия, Малайзия, Филиппины). Северная Азия — Сибирь и российский Дальний Восток.

Познакомимся в качестве примера с Восточной Азией как историко-культурной областью, которую можно очертить одной изопрагмой: это область, где едят палочками. Конечно, там имеются и даже широко употребляются ложки и вилки, но больше нигде в мире нет места, где ели бы палочками.

Другим важным признаком восточноазиатской ИКО является деление пищи на основное блюдо (китайское *чжуши*, японское *сюсеку*)

³⁵ Boas F. Zur Anthropologie der Nord Americanische Indianers // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 27. 1898. S. 366—411; Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington. 1911—1912. P. 1—2.

Рис. 36. Североамериканский индеец пауни в военном наряде.

и дополнительное (китайское *фуши*, японское *фукусеку*). Основным блюдом является обычно рис, дополнительным — овощи, рыба или мясо.

Для культуры Восточной Азии характерен синкретизм черт местного происхождения со многими важными чертами, заимствованными от соседей, преимущественно западных (т. е. центрально- и южно-

ианских). В религии довольно мирно уживаются конфуцианство, даосизм, буддизм, синтоизм и шаманизм. В материальной культуре ярко представлен синкретизм в пище. Известен следующий монгольский анекдот: известного ученого Ринчена спросили, пирожки *бозы* относятся к монгольской или китайской кухне? (Монголы — скотоводы, у них преобладает мясная пища, китайцы — земледельцы, значит — растительная.) «Это как их сделать. Если положить много теста и мало мяса — то к китайской, если много мяса и мало теста — то к монгольской!»

Главная одежда народов Восточной Азии — халат, запахивающийся слева направо. Дом обычно не имеет несущих стен, а тяжесть массивной выступающей крыши опирается на крепкие столбы каркаса. Промежутки между столбами заполняются легким материалом — досками, плетенкой, сырцовым кирпичом.

Изопрагма восточноазиатской цивилизации — иероглифы, которые читаются по-разному, но пишутся единообразно во всех языках и диалектах. *Вэньань*, древнекитайский письменный язык — это мета-язык дальневосточной цивилизации. «*Вэнь*» — «письменный знак, иероглиф», означает по-китайски также «культура». Один мулла из

Рис. 37. Китайская столовая утварь.

Западного Китая, уйгур по национальности, блестяще знал арабский и персидский языки, Коран, литературу, но когда его спрашивали, почему он не делает карьеры, не получает постов, то тот отвечал: «я некультурный». Дело в том, что он не умел писать иероглифами, а только это делает человека по-настоящему культурным в китайском понимании.

Что же было написано иероглифами? Прежде всего, три книги древности: «Книга песен», «Книга историй» и «Книга перемен». Позднее появились труды Конфуция, затем записи высказываний и бесед Конфуция, сделанные его учениками и последователями. Одной из главных идей учения Конфуция об иерархии является концепция «выпрямления имен», т. е. приведение вещей в соответствие с их названием. «Правитель должен быть правителем, а подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном». Система довольно жестко фиксированных ролей и форм их выполнения — основа конфуцианства.

Главная идея Конфуция — мир без перемен. Революция в его понимании правомерна, но заключается не в создании нового, а в восстановлении испорченного новшествами старого, собственно в реставрации. Свергнуть негодного царя и посадить такого, который все

Рис. 38. Буддистский храм в Киото (Япония)

будет делать по-старому, — вот задача революции в этом понимании. С другой стороны, конфуцианство — подобно протестантизму или иудаизму — определяет положительную оценку собственности, богатства в целом. Оно не одобряет буддийской идеи недеяния, ухода от мира, и под его воздействием восточноазиатский буддизм не

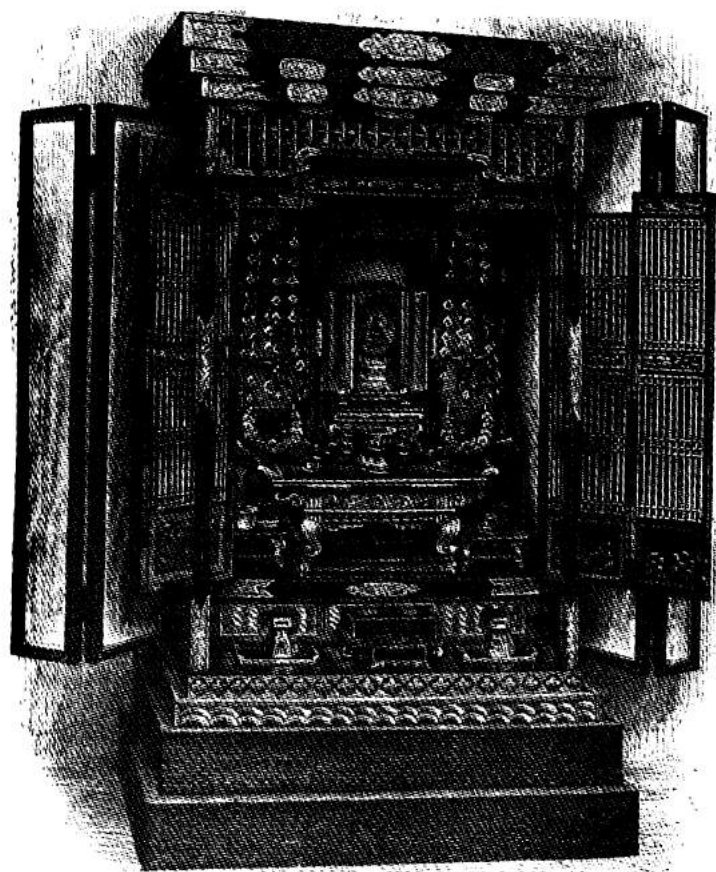

Рис. 39 Домашний алтарь для опрашивания культа предков (Китай).

препятствует верующим оставаться в миру, получать удовольствия, извлекать из своих действий материальную пользу. Конфуцианство нацеливает человека на активную, созидательную жизнь, но текущую в строгих рамках традиции, этических и этикетных норм, обряда и церемониала.

Когда мир обретает форму: историческая память и повседневность

Записанное в летописях — это мир,
тянувшийся во времени.

Нарисованное на картах — это мир,
развертывающийся в пространстве.

Чжан Чао. Тени глубокого сна

Работа антрополога и этнографа заключается в анализе и интерпретации непосредственно наблюдаемых этнографических фактов. Но сегодня антропология — в отличие от XIX в. — уже не удовлетворяется только лишь фиксацией явлений, она почти всегда содержит функциональный анализ, ведь детали, рассматриваемые изолированно, так же лишены смысла, как и взятые в отдельности буквы алфавита. Поэтому этнография перестала быть инвентарной описью обычая; она стала «искусством подробного описания, замысловатым переплетением сюжета и контрсюжета»³⁶.

Это связано также с тем, что к концу XX в. стало очевидно: одна из наиболее существенных особенностей культуры это коммуникация. Общение — сложный комплекс вербальных и невербальных компонентов. Эту сложность мы начинаем в более полной мере осознавать, встречаясь с представителями иной культуры. В общении их участники «считывают» информацию, передают ее друг другу, и предполагается, что средства этого общения в равной степени доступны и понятны всем.

Колический подход к исследованию культуры заключается в реализации всех разнообразных невербальных параметров культуры, таких, как стиль одежды, планировка деревни, архитектура, мебель, пища, музыка, жесты, позы, — все это организовано в модельные конфигурации так, чтобы включать закодированную информацию по аналогии со звуками, словами и предложениями обычного языка.

³⁶ Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 7.

Британский социальный антрополог Эдмунд Лич полагает, что на глубоко абстрактном уровне все наши чувства кодируются одним и тем же способом, и существует механизм, позволяющий переводить, трансформировать зрительные послания в звуковые, осязательные или обонятельные, и наоборот. Э. Лич предполагает даже, что на каком-то уровне «механизм» разнообразных форм коммуникации (письменность, исполнение музыки, танец, живопись, пение, строительство, актерская игра, лечение, отправление религиозного культа) должен быть одним и тем же.

Э. Лич предложил систематическую процедуру, посредством которой антрополог, пользующийся методом «включенного наблюдения», может расшифровывать послания, содержащиеся в сложных культурных объектах.

Но предопределять «текст» на данном языке будет не только «послание» (что участник коммуникации хочет передать посредством этого кода), но и «законы жанра» — особенности стиля (если это танец или музыка), структурные и лексические возможности естественного языка, набор имеющихся продуктов в кулинарии. «Плоть» послания определяется во многом имеющимся арсеналом средств данного кода культуры.

Среди всех сфер культуры гуманитарная культура существует в наиболее оторванном виде от своей материальной основы. Культура производства практически вся основана на материи, и культура жизнеобеспечения — в общем-то, тоже, хотя последняя и содержит больше символических форм. В этих двух сферах деятельности человеческие руки постоянно соприкасаются с вещами — землей, продуктами питания и пищей, утварью, лодками, железными скобами для строительства здания и иглами для шитья. Но и в них человек привносит много духовных значений.

Соционормативную культуру мы уже рассматриваем в большей степени как часть духовной культуры, ее категории материализуются меньше — разве что в виде книг, записей, стел, на которых нанесены законы Хамураппи и эдикты Ашоки, кодексов законодательства и трактатов по правилам хорошего тона и поведения вроде «Юности честного зеркала». Однако по существу эта сфера культуры содержится в сознании. Заметим, правда, что в значительной степени те ценности, с которыми имеет дело соционормативная культура, это так же и материальные ценности — земля, имущество, деньги, скот. Во многом объектом права являются материальные вещи, и даже если это оскорбление чести, достоинства, то в обычном праве это не-

медленно материализуется, переводится в штраф. Например, у кавказских горцев (хевсуров), лишить девушку чести — это значит, отдать впоследствии ее семье сто коров.

Нельзя сказать, что в гуманитарной культуре совсем отсутствует материальный компонент, но тут он оказывается менее важен. В большей мере тут проявлено другое — знание, понимание. В широком смысле они включают не только рациональную сферу: это может быть и эмоциональное знание, художественное понимание. Даже песня без слов, или музыкальная композиция, или танец, всегда содержат некоторое повествование, если не словесное, то эмоциональное, например, выражение восторга, радости, по поводу, например, того, что наступила весна или собран хороший урожай.

Знание и понимание — дело вроде бы всецело индивидуальное. Но есть одна область культуры, которая как бы их связывает, словно соединяет клеем. Она относится преимущественно к устной традиции и связана с межличностным общением. Хотя существуют, и немало, ее письменные формы, для успешного функционирования она должна передаваться «из уст в уста». Эта область культуры тоже подвержена переменам — может быть, даже более существенным, чем другие ее сферы! Но в ней есть необходимое качество связки, так же как в клее есть клеящее вещество.

Это — **преемственность**, как индивидуальная (тождество личности во времени), так и коллективная. Ее «клеящее вещество» — **способ ориентации** в историческом и культурном пространстве и **механизм отождествления** (когда человек «опознает» что-то как свое: например, русских в историческом диахронном или в синхронном пространстве).

Всякая информация, оседая в человеческом сознании, создает преемственность личности с самого раннего возраста до глубокой старости, это распространяется и на преемственность коллектива, семьи, сельской или родовой общины, этноса. Мы помним некоторые картины детства, иногда они играют весьма значительную роль в формировании нашей индивидуальности. Когда собирается семья, то почти каждый человек может вспомнить значимые события прошлого или настоящего этой семьи.

Одной из наиболее общих форм такой коллективной преемственности является историческая память народа. Она имеет пирамидальную структуру, похожую на структуру языка. Всякий живой язык существует в виде идиолектов. Существует около 200 млн русскоговорящих людей в мире, и соответственно существует около 200 млн идиолектов,

потому что каждый из нас наполняет свой русский язык своей интонацией, фонетикой, манерой произношения, любимыми словечками, присказками, восклицаниями, способом строить фразу. То есть и на фонетическом, и на лексическом, и на синтаксическом, и даже в какой-то степени на морфологическом уровнях у нас есть индивидуальные особенности. Только благодаря этому обстоятельству существуют пародисты.

Таким образом, подобно тому, как складываются идиолекты, из них — говоры, затем диалекты, а потом язык этноса, и как его вершина — национальный, литературный язык, язык высокой традиции, таким же образом из индивидуальных памятей складывается историческая память народа. Отдельный человек может помнить события своей жизни, а также некоторые рассказы старших членов своей семьи. Именно на этом строится семейная, общинная, родовая и, в конечном счете, этническая историческая память этноса.

Если содержание индивидуальной памяти человека может воплощаться в таких формах, как дневниковые записи, мемуары, устные рассказы, то коллективная память материализуется в преданиях, былинах, легендах, хрониках. Древнейшей формой хранения этой информации являются мифы. Сегодня как классическое, так и массовое искусство во многом выполняет функцию, подобную мифам древности. Геракл или Ворон-трикстер так же вымышлены и одновременно «живее всех живых», как и Пьер Безухов или Иудушка Головлевы, или Рэмбо и мисс Марпл.

Каким образом функционирует историческая память? В целом она подобна инфекционному заболеванию: «строительный материал» у нее всегда новый, и сохраняется подчас только «возбудитель инфекции». Реализация исторической памяти проходит весьма различно, и это зависит от личности того человека или коллектива, которые в данном случае ее представляют или выражают. На некоторые организмы и социальные группы она не распространяется вообще.

Историческая память связана с историей. Как повседневная реальность становится частью исторической памяти?

Прежде всего, посредством перевода реальности, лежащей за пределами языка, на языковую картину мира, путем присвоения, постоянного создания, рождения.

Это происходит посредством актуализации «сгустков», узлов, образующихся между событиями реальности и категориями языковой модели мира. Это можно выразить с помощью двух метафор: «рождения» или «пищи». Только то, что организм в состоянии усвоить, пере-

мирить, становится его внутренним достоянием, строительным материалом. Это постоянное творение клеток, словно текста. Сохраняет же «единство» — механизм идентификации, представление, что один текст тождественен другому.

Историческая память семьи хорошо проявляется в таком явлении, как **рассказ (повествование) о жизни**. В социальной антропологии его начали рассматривать и как особый повествовательный жанр, и как метод сбора информации (часто хорошо помогающий в трудных случаях), и как исследовательскую модель, и как инструмент коммуникации, и, в конце концов, как апологию жизни информатора. Этим занимается получившее свое развитие за последние 20 лет модное ныне направление в социальной антропологии и социологии — «устная история» (oral history). Это направление лежит на границе с психологией; его освоение историками, фольклористами еще только начинается. Фактически, объект исследования устной истории — это растянутое во времени синхронное словесное общение, существующее для поддержания группового единства. Исследователи записывают такие формы словесного общения, в том числе даже сплетни, которым ранее историки не придавали серьезного значения.

Повествование о жизни — это не биография, а спонтанный рассказ, получаемый в результате не интервью, но беседы как особого метода сбора материала.

В рассказе о жизни выражаются человеческая повседневность, «история изнутри»: субъективная, эмоциональная часть истории, связанная с психологией — взаимоотношениями, ценностными ориентациями, мотивациями поведения.

В повествовании о жизни ярко проявляется само искусство жизни через людей-информаторов. Здесь рассказчик особенно активен творчески: он изобретает, переживает, действует, чувствует, оценивает, воссоздает картину прошлого, конструирует ее. Слушатель (и исследователь) не пассивен, он тоже словно бы участвует в становлении рассказа.

Хотя повествования о жизни основаны на реальных событиях, они создаются в том числе и по законам повествовательных жанров. Встраивая рассказ, человек прибегает к определенному жанру, и его повесть может оказаться похожей на эссе, комедию, трагедию, эпопею или волшебную сказку. В рассказы о жизни часто встраиваются отдельные устные жанры, и их легко можно узнать, это, например, былички, пословицы, анекдоты.

Чтобы структурировать рассказы о жизни, рассказчики используют различные клише, связки, категории, блоки. Они оформляют своего рода «мосты» между личным и коллективным, историческим и мифологическим. Однако в целом такие рассказы близки реальности, более или менее достоверны.

Содержание и сам процесс рассказа выполняют определенные социально-культурные функции — воспитательную, образовательную, информационную, манипулирующую. Рассказ о своей жизни может играть роль исповеди, самоанализа или самооправдания.

Воспоминания о событиях жизни отдельного человека получают смысл, когда встраиваются в некоторый семиотический ряд, например, национальная история, история художественного течения, история выдающейся семьи.

Насколько ценен этот источник информации — для историка, этнографа, фольклориста? Насколько жизнеописание является «эмным» элементом культуры, т. е. насколько оно аутентично как текст? Мы встречаемся с ним «на грани», когда как исследователи задаем такой вопрос. Эта «внешняя» форма нарратива, тексты, создаваемые для внешнего наблюдателя. Существуют же и внутренние формы жизнеописания, бытующие внутри системы (этноса, семьи и т. д.); но они находятся в очень тесном внутреннем контексте, они очень тесно связаны с другими формами устной традиции.

Повествование о жизни всецело относится к устной традиции преемственности личности и коллектива. За этим «текстом» всегда ощущается еще один скрытый текст, пространство, свободно доступное всем участникам беседы. Проявляется оно в виде вербальных формул, идеоматических оборотов, отсылок. Это «опорные пункты», которые часто берутся из устной фольклорной традиции и с помощью которых индивидуальные случаи наполняются повторяющимися сегментами. Одним из таких связующих элементов может быть понятие «судьба», в котором объединены представления как о случайном, так и о предначертанном — в начале времен, в момент рождения человека, или в важный — судьбоносный — период времени, каковыми могут выступать календарный праздник, инициация, свадьба, битва (реальная или ритуальная) и тому подобные события.

Хотя история жизни — человека или божества — может интересовать исследователя, но существует она, прежде всего для иного: дедушка рассказывает ее внукам или просто гостям, или ее рассказывают на собрании, т. е. повествования о жизни существуют в сознании, уже готовые к рассказу в определенной аудитории.

Человек, прибегающий в разговоре или интервью к рассказу о жизни, придает смысл произошедшему (конструирует значения), делится информацией или манипулирует собеседником, выстраивает ситуацию на будущее. Повествование о жизни является важной моделью устной традиции, нацеленной на переживание — т. е. осмысление события, случившегося. Интересно бывает проследить, в какой момент рассказчик меняет время: переходит с прошедшего на настоящее. Это показывает особое состояние непосредственного переживания события, о котором рассказывается в настоящем времени.

С помощью повествований о жизни человек создает и переживает свое «прошлое». История формируется в повествовании о жизни как взгляд конкретного человека, где сверхзадачей является оформление жизненного ландшафта человека, с приданием ему формы и смысла.

В историческую память коллектива входит не только вербализованная часть культуры, т. е. нарратив, описания, то, что рассказано. Существует еще **поведение**, которое распределено в основном между гуманитарной и соционормативной культурой. Это кинетическая культура, культура тела, жеста, мимики, проксемики, расположения в пространстве.

Насколько близко люди могут стоять при разговоре? Насколько допустимо касание? В одних культурах можно просто обидеться, если при приветствии или прощании человек не подаст тебе руки, не обнимет тебя, не похлопает по плечу или что-то в таком роде. В других случаях прикосновения абсолютно недопустимы. В Индии, например, часто идешь в густой толпе, но физического ощущения этой густоты нет — окружающие тебя особенно не задевают и не толкают (конечно, если речь не идет о битком набитом автобусе). Соприкосновения в московской толпе очень раздражают группу. Несмотря на то, что в Грузии телесные касания приняты, люди обнимаются и целуются при встрече, но большое внимание они обращают также на то, чтобы не задеть, не толкнуть друг друга случайно.

Во всем этом и состоят различия этнических культур. Часто люди этого даже не осознают (руки двигаются, словно сами собой), так же как они не осознают, что говорят на своих языках с правильной фонетикой, до того момента, как появляется человек с иноязычным акцентом, тогда мы понимаем, в чем разница. Как в естественном языке имеются зональные диалектные различия, так и в невербаль-

ном языке имеются поведенческие различия. Они становятся очевидными, когда появляется человек иной культуры, чей невербальный язык иной.

Совокупность знаний о том, как оформляется поведенческая часть бытия, составляет невербализованную часть исторической памяти. Все это создает **повседневность** — обычный фон жизни. Повседневность — стереотипный набор действий, повторяющихся изо дня в день. Это такие действия, которые переходят на уровень автоматизма, о них можно сказать: «Мы делаем так, потому что так заведено». Они редко становятся предметом обсуждения, чаще всего бросаются в глаза новичку, человеку постороннему, прибывшему из другой культуры или общества. Культура повседневности состоит из массы узлов в сети многообразных связей.

Однако существуют вещи, которые выпадают из повседневности, противостоят ей. Например, это события, обряды перехода — «горные перевалы» в ландшафте человеческой жизни. Это праздничная культура вообще, особенно карнавалы, когда все переворачивается, когда все делается иначе, чем принято.

Евреи вообще ведут довольно трезвый образ жизни, но вот в праздник Пурим рекомендуется напиться до чертиков. Не все это исполняют, но в самой культуре такая — хотя, конечно, и несколько юмористическая — рекомендация содержится. Застолье происходит обычно под вечер, но в Новый год в полночь мы только начинаем выпивать и закусывать.

Перевернуты, изменены, инверсированы правила для того, чтобы один отрезок повседневности отделить от другого. Это нужно, чтобы наша жизнь в потоке времени приобрела члененный, структурированный характер, чтобы мы ощутили, что жизнь — это не непрерывный поток без границ и частей. Людям удобнее и комфортнее, когда они живут не в абсолютно диффузном, едином потоке, а в структурированном, упорядоченном и разнообразном ландшафте.

Повседневность тоже бывает разная, оформляется по-разному. Например, у большинства народов имеется один особый, праздничный день в неделе — это суббота (у евреев), воскресенье (у христиан), пятница (у мусульман). В этот день люди одеваются несколько иначе, едят — по возможности — особую пищу, и занимаются иными, чем во все остальные дни, делами. Для религиозных людей — это будет посещение храма, молитвы, совершение других богоугодных дел. В ряде культур внешний вид человека, его одеж-

да, пища, а также действия в этот день регламентированы весьма жестко.

Один день, выделенный в неделе среди других, это микромодель года, он разбивает повседневность подобно небольшим холмам, разделяющим долины. Но даже в рамках одного дня могут быть выделены разные зоны деятельности, с которыми связаны, например, разновидности костюма. Копая грядки, мы надеваем старый ватник и сапоги, а идя продавать картофель на рынок, наденем несколько иную одежду. Замешивая тесто, хозяйка наденет чистое платье и подвяжет волосы белым платком, чего не обязательно делать, убираясь в хлеву. Наконец, в повседневности имеется развлекательная часть — вечеринки, различное проведение досуга. Сюда входят некоторые формы народного искусства — танцы, пение, игра на музыкальных инструментах, азартные игры, состязания и многое другое. Но существуют танцы, которые исполняются только в определенный момент года, они связаны с проведением мистерий, например, обрядовые танцы тибетского буддийского праздничного ритуала Чам (монгольский Цам). Эти танцы, также как и связанные с ними костюмы и песнопения, значительно выделяются на общем фоне культуры повседневности. Таким образом, художественная культура, искусство распределены на оси между повседневностью и значимыми, выделяемыми, особыми событиями.

В кризисные периоды жизни общества, во время войны, весь ландшафт культуры изменяется и неповседневные вещи — смерть людей, например, становятся обыденностью.

Рис. 40. Курящие хукку (Индия).

Таким образом, преемственность, передача культурного наследия во времени и пространстве осуществляется как на бессознательном, так и на осознанном уровнях. Им соответствуют различные формы фиксации содержания исторической памяти, поведения, часто проявляющиеся в виде культурных стереотипов и образов, которые живут рядом с нами постоянно.

Адаптивное значение культурного полиморфизма

У всякого народа есть свой чулан, где хранятся магические верования и обычаи, и многие из них добры и красивы и поддерживают непрерывность существования цивилизации. Нужно надеяться, что современные материалистические идеи не уничтожат их полностью...

Ричард Уинстед. Малайский чародей

Культурная антропология и этнология изучают различные культуры и их формы — субкультуры, религиозные общины, этносы. Несмотря на огромное количество научной и публицистической литературы, посвященной этому, до сих пор актуальным остается вопрос: почему человечество во все более или менее известные нам эпохи своего существования подразделяется на группы и не становится совершенно однородным? Почему языки и этносы, и разные формы человеческих сообществ продолжают существовать — несмотря на изобилие утопических пророчеств об их предстоящем неизбежном слиянии? Наряду с очевидной глобализацией, и сегодня мы видим тенденцию к культурному размежеванию, и подчас оно принимает довольно острые и ярко выраженные формы.

Один из возможных ответов на эти вопросы был сформулирован Э.С. Маркарян в книге «Культура жизнеобеспечения и этнос»: «Этнос и культура выступают в качестве тех элементарных таксономических единиц, эквивалентом которых выступают популяции соответствующих видов в процессах биологической эволюции. С этой точки зрения этнические культуры, рассмотренные в проекции на общее развитие человечества, и биологические виды, взятые в их соотношениях к общему полю биологической эволюции, представляют собой во многом изоморфные и изофункциональные образования»³⁷.

Для всех форм живой природы видообразование было основным механизмом все более совершенной адаптации к меняющимся и, как

³⁷ Маркарян Э.С. Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 5, 15, 48.

правило, все более жестоким условиям окружающей среды. В ходе антропогенеза развитие получали преимущественно общепрогрессивные изменения, но они прекратились после прохождения сапиентации³⁸. В этом заключается парадокс: процесс видообразования человека прекратился, как только сложилась современная нам форма человека как особого биологического вида. Дело в том, что именно антропогенез создал возможность для почти полной замены биологической эволюции внебиологической адаптацией, т. е. культурной эволюцией и адаптацией. Сразу же вслед за появлением культуры как общего и универсального для человечества феномена в ней наметились тенденции дивергенции, и они продолжали поддерживаться, укрепляться, хотя наряду с этим постоянно присутствует и конвергенция, гибридизация и слияние культур.

Образование различных культурных форм, в частности этносов, выступило адаптивным субститутутом угасшего видообразования. И в дальнейшем, как мы можем это видеть на примере любой языковой семьи, хотя много народов исчезло с исторической сцены (начиная, например, с шумеров и этрусков, и заканчивая убыхами и индейцами-эяками), но постоянно появлялись и новые, например, португальцы и бенгальцы, сформировавшиеся в Средние века, и долганы и уручайцы, сложившиеся в XVIII—XIX вв.

Известный американский антрополог Маршалл Салинз был приверженцем идеи проведения параллелей между биологической и культурной эволюцией. Он выявил важнейшее различие между ними. Когда исчезает вид, с ним исчезают и все его адаптивные достижения, они не могут быть подхвачены другим видом. Два биологических вида, даже близко родственных и обитающих в близких экологических нишах, не могут передать свои адаптивные достижения друг другу. Но при культурной дивергенции таких барьеров не возникает. Шумеров давно уже нет, но их основные культурные достижения живут в нашей культуре и сегодня. Мы, народы Европы, более чем наполовину питаемся сегодня за счет растений (картофеля, кукурузы, помидоров, какао, стручковых перцев, фасоли), введенных в свое время в культуру коренными народами Америки, и таких примеров множество.

Если проанализировать общее культурное достояние любого развитого этноса, то элементов, заведомо обязанных своим наличием заимствованию, окажется во много раз больше, чем таких, для которых за-

³⁸ Северцов А. Н. Главные направления эволюционного процесса. М., 1967. С. 81.

имствование недоказуемо. В отличие от биологических, у культурных вариаций нет существенных препятствий для передачи их путем диффузии. Если и были в истории человечества вымершие культуры, не передавшие ничего дальнейшим поколениям, то это — редкие исключения.

Образование этнических культур, как и видообразование в биологии, есть процесс адаптации к специфическим нишам, вначале только природным, но позднее все более и более также и социальным. Уже в силу разнообразия природных условий нашей планеты образование этносов было неизбежно. Первобытное племя обычно очень тесно связано со своим ландшафтом, с микроспецификой конкретной географической среды. Скачкообразные хозяйственные изменения, как и кризисные изменения самой среды, могут приводить и приводят к расселению, перемещениям, дальним миграциям, но за ними обычно следует новое этнообразование с привязкой к новому ландшафту.

Для культурной эволюции этнообразования характерен постоянный баланс между ограниченностью (дискретностью) и открытостью (диффузностью). Этнос, как и субкультура, сословие, дискретны: можно принадлежать к данной культуре, или не принадлежать к ней. «Двойное» культурное самосознание, множественность самоидентификаций — явления не столь уж частые, они становятся характерными для контактных зон Нового времени. Норма этнической и другой культурной принадлежности определяется более или менее однозначно. Но в то же время мы наблюдаем постоянную диффузность почти повсюду на этнических границах, проходящих как в географическом, так и в социальном пространстве. Она выражается, например, в том, что почти в каждом этносе присутствуют, и нередко в большом количестве, семьи, фамилии, роды, достоверно восходящие к основателям — выходцам из других этносов. Да и этническая эндогамия в большинстве случаев функционирует только как статистически преобладающая норма, в рамках которой, однако, почти всегда имеется и некоторая доля межэтнических браков.

Именно этот баланс дискретности и диффузности позволяет, с одной стороны, четко выкристаллизоваться этнически специфичным целостным культурным системам, с другой — сохранить их как системы открытые, постоянно обменивающиеся друг с другом как биологическим генофондом, так и различными видами синхронной и диахронной информации, включая и передачу культурной специфики — заимствование, подражание, калькирование, стимуляцию инноваций в сфере языка, материальной и духовной культуры. В результате рас-

пространение типов жилищ, сельскохозяйственных орудий, видов пищи и многих других форм культурного достояния, как мы хорошо знаем, вовсе необязательно зависит от этнических границ.

Этнокультурная дивергенция может привести к крайней специализации. Пример тому — культура берингоморских эскимосов, почти безразличных к скудным ресурсам своей суши. Они собирали в конце лета небольшое количество ягод, съедобных трав и корней, траву для подстилки и очень мало охотились на наземных животных; существование же их всецело зависело от охоты на морского зверя — белых медведей, тюленей, моржей, китов. Охота на последних в пунукский период (около VI—VIII вв. н.э.) приобрела особо специализированный характер.

В отличие от биологической крайней специализации, культурная специализация имеет не тупиковый, а обратимый характер. С наступлением «малого ледникового периода» в XIV—XV вв. н.э. возможности промысла морского зверя в Арктике резко уменьшились. Однако эскимосская культура не погибла. Она смогла преодолеть свою индивидуальность и найти пути для выживания в ужесточившейся природной среде. При этом адаптация пошла по двум путям. Эскимосы, сохранившие свою этничность, вновь перешли от специализированного китобойного промысла к недифференцированной охоте на разнообразного более мелкого морского зверя. Это сопровождалось определенным социальным регрессом, вторичной архаизацией технологии, но в целом обеспечило выживание³⁹.

Другой путь — переход к оленеводству или, точнее, выработка симбиоза оленеводства с промыслом мелких ластоногих. Существенно, что те эскимосы, которые этнически и по языку остались эскимосами, не стали оленеводами. Видимо, это произошло потому, что оленеводство представляет собой очень специфичную культурную систему, закодированную в данном случае в чукотском языке с его особой оленеводческой лексикой и вообще заключается в чукотской системе ценностей. Принятию оленеводства должно было предшествовать принятие чукотского языка и всех ценностей, т. е. фактически переход в иной этнос. В процессе этого перехода сформировались береговые чукчи, смешанная по своему генезису чукотско-эскимосская популяция, которая вошла как необходимый составной компонент в единый, но двуххозяйственный чукотский этнос. В его рамках перетекание населения из сферы приморской ориентации в сферу тундро-

³⁹ Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. М., 1982.

ного оленеводства (а при необходимости, в частности, при гибели или потере стад, и обратно) проходило уже вполне свободно. Торговый обмен с оленеводами способствовал и выживанию тех эскимосов, которые сохранили свою этничность. Таким образом, межэтнические формы культурного полиморфизма оказались адаптивно ценными для выживания обоих контактирующих этносов⁴⁰.

Характерно, что предпринятая в XIX в. попытка интродукции культуры оленеводства на Аляску не удалась. За оленеводами-чукчами стояла мощная традиция кочевого скотоводства Евразии, от которого оленеводство было производным. В Северной Америке подобной традиции не было, не было здесь соответствующего языкового и культурного кода. Оленеводство, заимствованное в отрыве от кода, от культурной системы, так и не прижилось у коренного населения Америки, и здесь не было перспективы смены этничности.

Взаимовыгодные межэтнические симбиотные отношения при различии хозяйства распространены очень широко. Примеры можно привести из Южной Индии (взаимосвязи между племенами тода, кога, курумба, бадага), из Экваториальной Африки (пигмеи-батва и негры-банту), из всей зоны контакта оседлого и кочевого населения Евразии и Северной Африки.

Но важно подчеркнуть другое. Культурная дивергенция, даже приносящая весьма, казалось бы, экстравагантные формы, в конечном счете работает на повышение адаптивного потенциала всего человечества.

Выработанные в ходе крайней специализации эскимосские формы одежды (камлейка, анорак), транспорта (каяк) становятся общемировым достоянием, перейдя из хозяйственно-промысловой сферы в спортивно-рекреационную. Растения, которые в аборигенных американских и африканских культурах использовались для ритуального вызова галлюцинаций или для ордалий, входят в современную фармакопею как мощное средство борьбы с тяжелейшими болезнями.

Результаты, достигнутые в отдаленных друг от друга руслах этнических культур, сливаются и получают новую жизнь в современной индустриальной цивилизации. Но сама эта цивилизация, чтобы не потерять своей адаптационной перспективы, должна вновь идти по пути диверсификации и дивергенции, ибо только на этом пути возможен широкофронтальный поиск новых решений. Унификация цивилизации означала бы потерю ею адаптационного потенциала и в конечном

⁴⁰ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

Рис. 41. Седло, седельная сумка и колчан для наконечников копий (Северная Африка).

счете стагнацию и гибель. В общемировом масштабе унификация пока человечеству не грозит, но в локальном масштабе проповедники слияния наций не переводятся.

Все, что говорилось до сих пор, относится к полиморфизму межэтнического характера. В исторической перспективе, несмотря на войны, переполняющие всю историю человечества, этносы как целостные системы относительно редко выступали как конкурентные. Конкуренция и как следствие — кровопролитные войны связаны обычно с резкой экспансией этноса, с перемещением его в новые ниши, где

сталкиваются либо этносы настолько культурно далекие, что им не удастся найти модус взаимодополнительного существования (подобно гасманийцам и европейским колонизаторам), либо этносы типологически очень близкие (подобно римлянам и пунийцам — карфагенянам в освоении новой для них ниши Западного Средиземноморья). Но в условиях длительного сосуществования этносов в рамках сформировавшихся историко-культурных областей между ними складываются преимущественно взаимодополняющие симбионтные или ценогические отношения⁴¹.

Так, например, арийское завоевание Индии в действительности было для нее не столько завоеванием, сколько мирным проникновением. Военные конфликты, разумеется, время от времени имели место, но эпические сказания, повествующие о колоссальных битвах, их явно гипертрофируют. Доарийское население долины Инда было не истреблено, а ассимилировано. Неземледельческие племена были оттеснены в непригодные для земледелия ниши, но не уничтожены. В результате возникли стабильные симбионтные отношения между обитателями равнин и террасированных склонов, живущими прежде всего за счет земледелия, и племенами лесистых гор и пастбишных высокогорий, занятыми в скотоводстве (овцеводство, буйволководство) и в собирательстве лесных продуктов, притом не только пищевых, но и обмениваемых у земледельцев на зерно. Лесные продукты включали мёд, смолы, воск, лекарственные растения, дрова для топлива, ценную древесину и т. п. В рамках этих отношений серьезных конфликтов практически не возникало, напротив, племена чаще выступали в качестве союзников своих симбионтов — кастовых индийцев в их конфликтах⁴².

Симбионтные связи могут быть нарушены, и возникают отношения межэтнической враждебности, когда один из этносов в своем развитии начинает претендовать на новые ниши, которые до того успешно занимались другим этносом.

Так, доброжелательное отношение к китайским переселенцам, занимавшимся с давних пор в Юго-Восточной Азии торговлей и предпринимательством, стало сменяться на враждебное, когда в среде местных этносов (тайцев, индонезийцев) начала складываться своя национальная буржуазия. Именно с этим связано возникновение первичных и усиление ранее имевшихся межэтнических конфликтов в специфической форме буржуазного национализма.

⁴¹ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1986.

⁴² Семашко И. М. Бхилы. М., 1975.

Этнические культуры, подобно биологическим видам, при взгляде со стороны, выступают как нечто единое, однородное. Подобно тому как все взрослые однополые особи одного вида представляются, на первый взгляд, почти идентичными, так и представители одного этноса кажутся одетыми в один костюм, занимающимися одним и тем же, живущими по одному этикету, говорящими на одном языке, обладающие единой системой ценностей. Даже высокоурбанизированный этнос в представлении извне неизбежно подгоняется под экзостереотипы: «они» любят одеваться так-то, кухня у «них» такая-то, характер — такой-то. Однако даже высокоразвитый литературный язык не исключает сосуществования с ним всевозможных жаргонов, сленгов, социальных и локальных диалектов. Различия эти бывают настолько велики, что начинающий студент, горожанин, в периферийном селе своего же народа чувствует себя словно в далеком зарубежье: он плохо понимает местный диалект и местные реалии жизни. Внутриэтническая мозаичность существует и в высокоурбанизированных этносах, и в этносах еще вполне традиционных (вспомним, как многообразен бывает национальный костюм в различных локальных культурах одного этноса⁴³). В повседневной одежде, будничной семейной трапезе, в ежедневном общении мы увидим множество микровариаций.

«Сбалансированный полиморфизм типовых вариаций позволяет проявить большую гибкость в их количественном соотношении, применяясь к нюансам экологической среды. Напротив, высокая степень специализации влечет за собой потерю полиморфизма, высокую степень однородности. С одной стороны, такое развитие обеспечивает наивысшую продуктивность, но с другой — опасно для выживания культуры, если среда изменится»⁴⁴.

Большое количество типов и вариаций внутри них имеется в области сельскохозяйственных орудий, жилищ и форм поселения. Здесь выбор предопределен как социальным положением и благосостоянием владельца, так и местными природными условиями: климатом, рельефом местности, характером почв, растительности, наличием доступных материалов, а также сложившимися традициями.

⁴³ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

⁴⁴ Сергеев Д. А., Арутюнов С. А. Стабильность и лабильность гарпунной охоты у древних эскимосов // Доклад на IX МКАЭН. Препринт. Опубликовано в кн.: Prehistoric Maritime. Adaptations of the circumpolar zone. Paris, 1975.

При выборе набора вариантов в костюме и трапезе значительную роль играют такие факторы как сезонность, погода и другие обстоятельства. В зависимости от складывающихся возможностей — качества доступного зерна, топлива, режима рабочего времени, в данном месте и в данное время может развиваться один сорт хлеба, а другие сорта будут выпекаться редко или почти совсем забываться. Однако до тех пор, пока память о них сохраняется и хотя бы отдельные очаги навыков в общем этническом массиве или даже у соседних народов сохраняются, то в случае изменения обстановки или восстановления ресурсов навыки эти легко вспоминаются. В тяжелые годы Великой Отечественной войны во многих местах можно было видеть восстановление архаичных навыков и форм материальной культуры, казалось бы, уже безвозвратно ушедших из быта. Конечно, к ним легче возвращалось сельское население, но приобщалось также и городское. Нечто подобное происходит и сейчас в югах, разоряемых острыми социально-политическими конфликтами.

В Армении, в частности, это выразилось в замене подового и тандырного пшеничного хлеба кукурузными и просяными лепешками *клоч*, выпекаемыми на железном листе *сидж*. В России в зависимости от изменений условий жизни между благосостоянием и бедствием происходило карьерование жилища между срубной избой и землянкой, в Молдавии между землянкой и мазанкой, а также другими формами наземного жилища, в Японии — от высокосвайного жилища до полуземлянки⁴⁵.

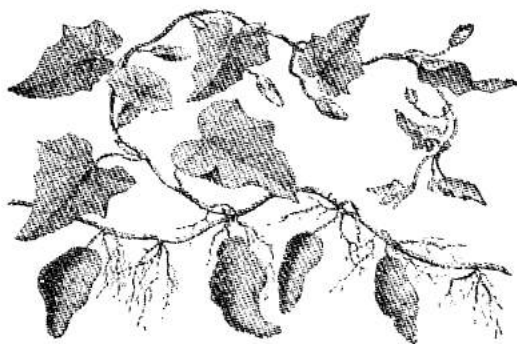

Рис. 42. Батат (*Convolvulus Batatas*).

⁴⁵ Арутюнов С.А. Жилище народов Японии // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

В быту современных плантационных рабочих Индонезии мы находим любопытный пример адаптивной функции культурного полиморфизма в области питания, где в условиях нехватки общепринятых продуктов (особенно риса) происходит возврат к принципам архаичной лесной собирательской пищевой модели, но уже с опорой на побочные продукты плантационного хозяйства. Во внутренних районах Индонезии сохранилась, пожалуй, в большей неприкосновенности, чем где-либо еще, австронезийская модель питания, базирующаяся на корнеплодном крахмале. Более того, во многих районах Индонезии в наше время наблюдается своеобразный пищевой регресс — возврат от австронезийской системы питания, основанной на рисе, к австронезийской, основанной на корнеплодах, но уже не местного (ямс и таро), а иностранного происхождения (батат и маниок). В старом варианте крахмал корнеплодов дополняется лесными белковыми растительными продуктами в виде различных плодов и орехов, в новом же варианте их заменили отходы плантационного хозяйства — кокосовый жмых, семена гевеи. В условиях жесткой эксплуатации это явилось следствием обнищания крестьян и плантационных рабочих, т. е. стало формой приспособления к экстремальным условиям, вызванным на сей раз не природными, а социальными факторами. Но важно заметить, что механизмом адаптации к этим экстремальным условиям послужило сохранение в рамках австронезийской (рисовой) модели питания реликтов, субстратов предшествующей модели, отошедших когда-то на задний план, но, тем не менее, сохранившихся. В этом мы можем увидеть проявление одного из наиболее общих законов культурной эволюции: как правило, появление новой модели в системе жизнеобеспечения или производства не отменяет старых форм, а лишь сдвигает их в более ограниченную область применения, из которой они могут быть извлечены и применены расширенно, если этого потребует новая или экстремальная ситуация. В процессе своего развития модель системы жизнеобеспечения становится, таким образом, все более полиморфной и тем самым все более приспособленной к выполнению своих адаптивных функций. Кстати, легко заметить, что зачастую новые навыки (например, обезвреживание от яда семян гевеи) хорошо вписываются в старую модель, так как многие традиционные пищевые продукты тропических лесов также нуждаются в сходной предварительной обработке⁴⁶.

⁴⁶ Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981. С. 243—244.

Такое адаптивное значение полиморфизма наиболее ярко проявляется в кризисных ситуациях войн, голодовок, общего обнищания населения. Однако и в ситуации благополучного существования общества полиморфизм способствует более эффективному использованию ресурсов. Правда, часто повышение благосостояния, общая урбанизация общества порождают тенденцию ко все большей унификации его быта. Нередко можно заметить, что чем архаичнее, беднее быт, особенно в периферийных районах, тем больше в нем вариативности, и это понятно: скудность существования подталкивает к широкому индивидуальному адаптивному поиску. Напротив, урбанизация на селе сводит спектр бытовых адаптаций к одному наиболее продвинутому стандартному варианту⁴⁷.

Как называемые тенденции урбанизации — сосредоточение населения в мегаполисах, стандартизация его быта, пресловутая «естественная» и «добровольная» этническая ассимиляция и прочие аналогичные процессы — все это суть проявления энтропийной тенденции, аналогично убыванию видового состава фауны и флоры, загрязнению природной среды, истощению сырьевых невозобновляемых ресурсов, выжиганию минерального топлива и тому подобному. Как всякая энтропия, эти процессы неизбежны и автоматичны, однако позиция общества должна состоять не в их пассивном принятии и, тем более, не в направленном содействии им (как это нередко имеет место с этнической ассимиляцией и культурной стандартизацией), а в последовательном, фронтальном и неуклонном проведении негэнтропийных мероприятий. Наряду с природоохранными мероприятиями это должны быть направляемые мероприятия, противодействующие «естественной» этнической ассимиляции, стандартизации культуры и быта, направленные на искусственное создание и поощрение культурной диверсификации во всех ее формах.

Во многих странах мира, и в том числе в России, люди уже на ряде кризисных ситуаций испытали, например, насколько уязвимой оказывается стандартизированная и ориентированная на многоэтажное многоквартирное жилище городская система жизнеобеспечения в случае сбоя работ коммунальных служб. Нечего и говорить о катастрофах мирного и военного характера — достаточно проанализировать последствия крупной забастовки или серьезной аварии в сфере тепло- и энергоснабжения. В любом случае, система, включающая раз-

⁴⁷ Культура жизнеобеспечения и этнос. Отв. ред. Маркарян Э.С. Ереван, 1983. С. 272.

ные диверсифицированные типы жилища, в том числе много малоэтажных, двух-четырёхквартирных домов и индивидуальных коттеджей, предусматривающая наряду с централизованным отоплением наличие хотя бы малофункционального в нормальных условиях камина, окажется гораздо менее уязвимой. В целом же можно утверждать, что чем более культурно диверсифицирована система, чем больше вариантов и альтернативных форм жизнеобеспечения, а также — что подчас не менее важно — духовных форм психологического комфорта она содержит, тем выше жизнестойкость данной системы. Чем больше система «заорганизована», унифицирована, «оказармлена», тем ниже ее жизнестойкость. «Монолитное единство» общества, как всякая узкая специализация, является благом лишь с одной точки зрения и в любом случае — до поры до времени. Как только намечается подрыв идеологии, на которой зиждется это единство, оно оборачивается кризисом и потерей ориентации. Идеальный плюрализм с этой точки зрения представляет собой проявление культурного полиморфизма, имеющего огромную адаптивную ценность. Чрезмерная «заказармленность» снижает даже боеспособность армии, не говоря о том, что любая унифицированная армейская единица тем боеспособнее, чем более диверсифицированной и гибкой является система ее тылового обеспечения.

Через культурный полиморфизм прежде всего реализуется такое важнейшее требование к полноценной культурной системе, как ее избыточность. Как пишет Э.С. Маркарян, «локальное своеобразие культуры человечества, рассмотренное как его поливариантность, есть не что иное, как одно из выражений его избыточности. Эта избыточность потенциально имеет огромное адаптивно-эволюционное значение. Для эффективного выполнения своих адаптивных функций культура во всех своих формах проявления, подобно формам биологической жизни, должна в той или иной степени носить избыточный характер. Для выполнения культурой своих адаптивных функций по отношению к человечеству в целом она должна постоянно быть способной не только отвечать минимуму требований условий среды, но и нести в себе необходимые потенции для достижения адаптивного эффекта в новых, порой резко изменяющихся условиях»⁴⁸.

Таким образом, культура должна содержать в себе не только то, что явным и понятным образом нужно сегодня, но и огромное число эле-

⁴⁸ Культура жизнеобеспечения и этнос. Отв. ред. Маркарян Э.С. Ереван, 1983. С. 47.

ментов, без которых, казалось бы, прекрасно можно обойтись, элементов, кажущихся бесполезными, и даже иногда с позиций сегодняшнего дня вроде бы и вредными. Но не всегда бывает легко определить, какие черты, ныне бесполезные, в иных условиях могут стать нужными или даже жизненно важными.

То, что говорилось до сих пор, относится главным образом к ретроспективной избыточности. Она во многом сохраняется в рамках этнических традиций. По-видимому, немаловажную роль в современных экономических и социальных успехах японского общества играет высокая степень ретроспективной избыточности его культуры: несмотря на рост технологических инноваций, японская культура ориентирована также на сохранение культурных традиций пройденных эпох, хотя бы и в преобразованном виде.

В России, да и в Западной Европе, очень часто появление и распространение нового культурного явления означала забвение, а то и жесточайшее искоренение предшествующего. В Японии же, как и в Индии, прошлое лишь отодвигалось от доминирующих позиций на второстепенное, подчиненное место, но до сих пор продолжает существовать как целостность.

Христианство и ислам огнем и мечом искореняли не только «язычество», но и многие исторически возникавшие «ереси». Буддизм в Японии не только не искоренял храмовый синто и народные культы, но, вступая с ними в синкретические отношения, разветвился на множество разнородных школ и сект, в массе своей отнюдь не антагонистических по отношению друг к другу. Если бы эволюция аналогичного характера проходила в России и Европе, то православие сегодня мирно уживалось бы с организованно функционирующими церквями Перуна и Велеса. Скоморошество существовало бы как общепризнанное и четко оформленное направление театральной жизни, в Италии сохранился бы институт весталок и семейное почитание *ларов* наравне с Богоматерью, а человек в тоге на улицах Рима был бы явлением, не привлекающим к себе особого внимания — как не привлекает его к себе человек в кимоно в Японии.

Наряду с сохранением разновременно возникших традиций прошлого, т. е. ретроспективным полиморфизмом, важным средством создания культурной избыточности является перспективный полиморфизм — рождающийся сегодня и обращенный в будущее. Он включает в себя постоянно возникающие частные новации, которые могут разрастаться и объединяться в целые системы субкультур (профессиональные, любительские), новые общественные течения, движения, группировки.

Одним из важнейших каналов создания перспективного полиморфизма является мода. Мода в культурной эволюции в известной мере подобна мутациям биологической эволюции. Она действует методом проб и ошибок; малоудачные нововведения, просуществовав один сезон или даже менее, отмирают и забываются, а удачные находки закрепляются, либо существуют постоянно, либо, как это чаще всего бывает в области костюма, включаются в цепь циклических возобновлений. Но роль моды заключается не только в создании материала для отбора. Вне зависимости от эволюционной перспективы, существование на каждом временном срезе изобилия модных вариантов при наличии некоторых супермодных лидирующих мотивов создает культурную избыточность, способствующую помимо прочего психологической комфортности общества. Одни находят самоутверждение в утрате экстравагантной моды, других «срединный стандарт» освобождает от беспокойной необходимости личного поиска. Приобретение модной вещи для многих служит важным источником положительных эмоций, средством обретения престижа и самоутверждения, освобождения от стресса и фрустрации. Правда, такая форма обретения душевного комфорта носит расточительный, нерациональный характер⁴⁹. Однако на сегодняшний день она выполняет свои адаптивные функции. «Слабые» инновации в моде, не выдерживающие испытания временем, тоже работают в рамках культурной эволюции: в ходе своего недолгого существования они ослабляют «иммунный барьер» консервативных традиций и делают общее поле культуры более податливым для восприятия «сильных» инноваций⁵⁰.

Поучительны пути развития городского костюма в Европе и Америке во второй половине XX в. Послевоенная обстановка в мире, направленная в целом на общую демократизацию ценностных установок, порождала поиск внешнего выражения новых ориентаций, максимальное освобождение от консервативной буржуазной чопорности⁵¹. 1950-е и 1960-е гг. были отмечены интенсивными инновациями. Одной из магистральных тенденций развития моды была феми-

⁴⁹ Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн АН СССР. 1980. № 12.

⁵⁰ Арутюнов С.А. Соотношение традиции и инновации и ротационный механизм их взаимодействия // Slovensky narodopis. Bratislava, 1986. № 1—2.

⁵¹ Заметим, что явление чопорности, распространенное в конце XIX — начале XX в., за полвека вообще практически исчезло из арсенала выразительных психологических средств европейского общества.

нигация мужского костюма и еще более интенсивная маскулинизация женского. Некоторые ансамбли, в особенности у подростков, вообще оказались лишенными половых маркеров. Однако в русле этого течения появлялись новые формы и предметы костюма синкретического происхождения, маркированные по полу. Некоторые из них оказались очень эфемерными и были быстро отторгнуты, хотя по сей день могут давать частичные, редкие рецидивы: таковы ношение девушками мужских жилетов вместо жакетов, мужской сорочки вместо летнего платья, а также мужские пиджаки без лацканов, плиссированные и кружевные манжеты и воротнички мужских сорочек и т. п.

Другие инновации, поначалу бывшие столь же частными, привились прочно. Так, джинсы, уже более полутора веков служившие рабочей одеждой горняков, фермеров и лесорубов, вошли в городской быт сначала в виде молодежной одежды, затем стали всеобщими, без различия пола и возраста, пережили уже несколько спадов и подъемов, трансформаций. Сейчас уже ясно, что эта частная инновация выросла в особый класс одежды, в рамках которого всегда будут появляться новые варианты форм, поясных и наплечных, нижних и верхних, от рубашек до пальто, летних и утепленных.

Другие, аналогичные джинсовой, инновации, в подобные классы не выросли, но остались на уровне рода одежды (вельветовый стиль, стиль сафари), они тоже испытывают пульсацию моды с подъемами и затуханиями, но не дают столь широкого разветвления. Сюда же можно отнести и стиль мини в женской одежде.

На примере костюма можно видеть, что возможности диверсификации культурного элемента не беспредельны, но имеют, как правило, определенные ограничения. Природа и закономерности этих ограничений остаются очень неясными, хотя чрезвычайно интересны для работы архитекторов, проектировщиков, модельеров, дизайнеров. Так например, при широчайшем распространении и варьировании брючного стиля в современной женской одежде (включая шорты, бриджи, слаксы, бермуды и еще десятки субвариаций), при явной сильной феминизации социально приемлемого облика современного мужчины (серьги, браслеты, шейные цепочки и подвески, кофты с орнаментом, рубашки и майки с рисунком, широкий набор блестящей и яркой отделки в одежде), все же юбка не стала общепринятым элементом мужской одежды, хотя в отдельных этнически специфичных культурах она широко распространена (*дхоти* южноиндийского гипа ношения, общеиндийские *лунги* и *гамуча*, бирманская *лонгжи*, южноарабская *фута*, шотландский *килт* и другие, а в ряде стран

Полинезии юбка является элементом мужской военной и полицейской формы).

Равным образом в архитектуре современных городских жилых зданий при очень большом разнообразии пространственных решений, абсолютно преобладающей остается прямоугольная стыковка стен и перегородки. Несмотря на оригинальные и обладающие, казалось бы, рядом преимуществ жилища круглого плана (строящиеся в 1930-х гг. и до сих пор стоящие кое-где в Арктике сборные «домики Свинына», экспериментальный частный дом архитектора Мельникова в Москве), широкого практического применения эти формы пока еще не получили. Хотя круглые жилища известны и среди многих этнических культур — *иглу*, *чум*, *яранга* у народов Сибири и Арктики, *трулли* в Италии, *пацха* в Абхазии, *юрта* у монгольских и тюркских народов и многие другие.

Аналогичные ограничители можно найти и в других сферах культуры, в том числе и при заимствованиях. Китайские, корейские, вьетнамские и японские рестораны сегодня весьма обычны в крупных и даже небольших городах Европы и Америки. Блюда из экзотических овощей, морской живности, из сырой и ферментированной рыбы, подаваемые в них, легко находят потребителя в европейской среде. Однако никто не помышляет предложить массовому европейскому клиенту блюда из саранчи, куколок шелковичного червя, насиженных яиц, собачьего или кошачьего мяса, которые в некоторых районах Восточной Азии являются довольно обычными. Как бы ни мнил себя современный западный потребитель свободным от пищевых предрассудков, эти продукты, как, впрочем и многие другие блюда иных кухонь, им приняты не будут.

Подобные ограничители характерны для общемировой урбанистической культуры в той мере, в какой она определяется преимущественно западноевропейскими локальными культурными традициями, развивающимися в направлении все большей толерантности и восприимчивости. Если мы обратимся к какой-либо конкретной культуре, то найдем в ней, как правило, набор значительно более жестких и многочисленных ограничителей. Зачастую они связаны с религиозными верованиями. Народы, для которых доминирующей религией является ислам, в целом придерживаются ряда пищевых табу, требований к полноте и закрытости не только женского, но в какой-то мере и мужского костюма, некоторых специфических гигиенических предписаний, даже и тогда, когда подавляющую часть населения уже нельзя назвать верующими мусульманами.

В других случаях ограничения и табу не сводятся к религии, а являются частью более широкой этнической культурной традиции. Так, для большинства народов Севера, в том числе и для семей с вполне урбанизированным и европеизированным домашним бытом, неприемлемым или малопримлемым является жарение на открытом огне, потребление интенсивно соленых, кислых, острых и пряных продуктов, употребление в пищу грибов. Грибы, маринованные и соленые оюуши и рыба неприемлемы для большинства монголов и других кочевников Центральной Азии, а некоторые их группы вообще предпочитают не употреблять в пищу никаких животных продуктов, кроме получаемых от собственных стад. Существует ряд поговорок относительно всеядности китайской кухни, однако для многих китайцев все еще характерно неприятие молока — особенно цельного — и молочных продуктов, а также любых продуктов, не прошедших термической обработки (например, соленой рыбы).

Пожалуй, наименьшее число ограничений можно отыскать в японской культуре, которая издавна была ориентирована на активный поиск возможных заимствований и действительно переполнена ими, как давними (корейскими, китайскими, южноазиатскими), так и новейшими, европейско-американскими.

Кажется, нет ни одного продукта, вида костюма, утвари, мебели, ни одного художественного или сценического жанра и стиля, ни одного сколько-нибудь распространенного религиозного направления, ни одного самого причудливого хобби, которое имелось бы в современной европейско-американской культуре и оставалось бы непредставленным, хотя бы в самых малых масштабах, в современной японской культуре. И тем не менее, и в ней имеются очень существенные ограничения, правда, не очень заметные постороннему наблюдателю. Они проявляются не столько в материальной культуре, искусстве или спорте, сколько в культуре общения. Эти ограничения касаются собственно языковых (грамматические и лексические формы вежливости, ситуационные рамки возможности употребления заимствованных слоев лексики) и паралингвистических норм (амплитуды интонаций, тона голоса, звукоподражаний), норм проксемики (допустимые дистанции, ограничения на прикосновения и вообще любые формы телесного контакта), установок на жестикуляцию и т. п. Ограничения эти настолько жестки и обязательны, что для японцев, возвращающихся из длительного пребывания за границей, будь то на службе или учебе, существуют специальные курсы реабилитации, цель которых — вернуть им тонко нюансированные навыки японского коммуника-

тивного поведения, отучить их от «распушенности» и «дурных привычек» в общении, невольно воспринятых за границы.

Видимо, как сама вариабельность и способности к восприятию заимствований и инноваций, так и ограничители на них, несмотря на свою оппозиционность, в равной мере имеют адаптивную ценность. В чем ценность вариабельности уже более или менее ясно, сложнее понять, в чем ценность ограничителей. Очевидно, что в ходе исторического развития какая-то часть культурного наследия может устареть, потерять адаптивную ценность, стать тормозом развития, превратиться во вредный для общества фактор. Не подлежит сомнению, что многие ограничители в ряде культур сегодня носят именно такой характер, и наиболее явно это относится к ограничениям, навязываемым некоторым обществам фундаменталистским клерикализмом (исламским, христианским, иудейским или каким-либо иным). Однако вредоносность не может быть присуща всем ограничениям, и вряд ли даже хотя бы некоторым из них она была присуща первоначально. Первичная рациональность некоторых ограничений лежит более или менее на поверхности.

Так, с точки зрения кочевой или полукочевой культуры в условиях Ближнего Востока запрет есть свинину может иметь гигиеническое оправдание, ибо далеко не всегда в этих условиях имеется в наличии достаточное количество топлива, чтобы полностью проварить или прожарить мясо, и кочевники едят его часто полусырым. С бараниной это более или менее безопасно, но со свининой может привести к смертельно опасному заражению трихинеллезом. «Варить козленка в молоке его матери» не опасно, но расточительно — задача обеспечения сохранности стад требует свести к минимуму потребление мяса в те периоды, когда животный белок может быть в достатке получен в виде молочных продуктов.

Но далеко не все ограничения поддаются такому рациональному объяснению, да и, видимо, не в этом их главная роль. По-видимому, их суммарная функция — поддержание данной культуры в достаточно дискретном состоянии. Ограничители действуют как надежные культурные маркеры. Например, любой этнической культуре присущи определенные святыни, пиететные символы, упоминание о которых имеет оттенок преклонения — о них нельзя говорить не только негативно, но даже и нейтрально. Представитель другого этноса тоже не должен высказываться о них негативно — это было бы оскорблением, но от него не ждут и подчеркнутого почтения, преклонения, что может

быть воспринято с некоторым недоумением. Естественной и ожидаемой является более или менее нейтральная позиция.

В качестве примера таких святынь можно назвать гору Арарат, алфавит, личность Месропа Маштоца или Комитаса, хлеб лаваш, хачкар (крестный камень), память геноцида 1915 г., образ аиста у армян. У японцев — гору Фудзияму, личность императора, память Хиросимы, образ цветущей вишни или хризантемы. У грузин — образ царицы Тамары и Шота Руставели, героев поэмы «Витязь в тигровой шкуре», храм Джвари, виноградную лозу. У латышей — реку Даугаву, поэта Райниса, праздник Яновой ночи, народные песни и одного из первых их соопрателей — Кришьяниса Барона.

Даже на субэтническом уровне такие маркеры действуют довольно четко. Ряд конфессий в Японии определяются по особому пиетету к религиозному реформатору Нитирэну (у других японцев это не выражено), пиетет к виноградной лозе не выражен у грузин-горцев. Разные этнографические группы грузин очень сильно различаются по допустимости или запретности (или степени оскорбительности) определенных видов инвектив; разные группы армян различаются по уровню табуированности жертвенной пищи.

Маркер здесь носит именно негативный, а не позитивный характер, т. е. выступает не в виде выраженности культурного элемента, а в виде его ограниченности или табуированности. Так, лаваш присутствует (в некоторой мере) и в пищевой системе грузин. Однако сакральная табуация к нему напрямую не относится, она больше связана с продолговатым хлебом *шоти*, наиболее распространенным видом танлырного хлеба у грузин.

Таким образом, специфичный комплекс самых разнообразных ограничений, табу и пиететных символов служит средством поддержания целостности данной культуры. При сохранении этого скелета культурного кода восприятие любых других инноваций и заимствований не угрожает этой целостности. Многие элементы культурного достояния, унаследованные с давних времен, тоже часто подвергаются забвению без особого сожаления и беспокойства, и хотя это наносит ущерб общему достоянию культуры, но не нарушает целостности и стройности культурной системы в общем виде. Однако всякое посягательство на систему ограничений и табу, а также святынь переживается болезненно, особенно людьми старшего поколения. Между тем, на многие другие негативные инновации, если они не касаются этнически традиционной системы поведенческих ограничений, общество смотрит сквозь пальцы.

Так, по свидетельству кабардинского этнографа Б.Х. Бгажнокова, в бытовой системе ценностей современных кабардинцев расточительное отношение к общественной собственности и даже ее расхищение особого осуждения не вызывает. Напротив, любая попытка сообщить правоохранительным органам о фактах такого хищения будет осуждена общественным мнением. По традиционному кодексу чести человек, случайно оказавшийся свидетелем угона скота или иного хищения, не имел морального права кому бы то ни было об этом рассказывать. Это ограничение, несомненно, имело в свое время адаптивный характер. В той обстановке постоянных межличностных, межсемейных, межобщинных конфликтов и стычек, в котором жило адыгейское общество до середины XIX в., от сообщений пострадавшему о хищении, наверное, самих этих хищений меньше не стало бы, зато число конфликтов, угроз и попыток мести возросло бы в несколько раз — как со стороны пострадавших в адрес похитителей, так и со стороны похитителей в адрес доносителя.

Там, где различные системы ограничений не дискретны, а переплетены, и сильно варьируют на групповом и индивидуальном уровнях, связаны не с этнической, а с сословной, профессиональной, конфессиональной, узкогрупповой принадлежностью, там мы встречаемся с размытостью этнических групп и границ.

Яркий пример — этническая ситуация в Северной Индии, в хиндязычном ареале штатов Уттар-Прадеш, Харьяна, Мадхья-Прадеш.

По сравнению с этническими культурами общемировая урбанистическая культура содержит сравнительно мало ограничений и практически не знает святынь. В задачи этой культуры помимо комфортного жизнеобеспечения входит создание возможности контакта и взаимопонимания людей разного происхождения в деловой, производственной и организационной сферах. Поэтому тут ограничения и поведенческие предписания направлены на создание минимальных этикетных условий, общепонятной среды и поведенческого кода для чужих и далеких друг другу людей. Предписаний для более интимного общения, каких-либо этических правил углубленного характера урбанистическая международная культура практически не содержит. Японец и итальянец без затруднений могут общаться друг с другом в деловой сфере, опираясь на код урбанистической культуры, но в своей семье каждый из них будет пользоваться этическим и поведенческим кодом своей этнической культуры. Это не значит, разумеется, что сближение и дружба между их семьями невозможны, но для этого потребуются некоторые дополнительные усилия.

В тех обострившихся национально-конфликтных ситуациях, которые так усложнили сегодня развитие российского общества, межнациональное взаимопонимание и взаимоуважение часто затрудняются тем, что долгое время в официальной пропаганде именно современная урбанистическая культура, в ее специфическом общесоветском варианте подавалась как высшая ценность по сравнению с традициями локально-специфических, этнических традиционных культур.

Последние рассматривались как преимущественно декоративные, второстепенные, к тому же подозрительные по части «буржуазного национализма» и предполагаемых «неизжитых вредных традиций и пережитков». Такой подход принес большой вред, особенно сказавшийся на деградации нормативов межличностного общения.

Глубокое человеческое общение на основе безэтнической мировой культуры (в том числе и общесоветской) невозможно, так как она содержит слишком мало соционормативных компонентов, регулирующих общение в различных сложных и интимных ситуациях. Это культурное богатство, имеющее ярко выраженный адаптивный характер, предусматривающее оптимальный поведенческий сценарий практически на каждый случай жизни, содержится только в локальных национальных культурах.

Для нормального межличностного общения в многонациональной среде традиционным всегда было определенное знание и уважение этнически специфических кодов и поведенческих принципов соседей. В наше время эта традиция во многом исчезла, подмененная надеждой на возможность взаимопонимания в рамках общемировой (или ранее общесоветской) культуры. Между тем эта надежда беспочвенна, так как в общемировой культуре содержатся некоторые общие моральные принципы, но никак не конкретные поведенческие предписания. Именно поэтому, когда выходцы из любой национальной среды, выросшие в рамках сельской культуры, попадают в город, мы наблюдаем в этих городах общее огрубление и одичание нравов: сельская этническая традиционная соционормативная поведенческая культура оказывается недейственной и забывается.

В фольклоре многих народов имеются пословицы с общим смыслом: «не лезть в чужой монастырь со своим уставом». Они предполагают прежде всего предостеречь от нарушения, по неведению или высокомерию, вышеописанных чужих поведенческих табу. Более конструктивный характер носят латинская пословица — «пока ты в Риме, одевайся, как римлянин», или грузинская — «когда куда-нибудь поедешь, тамошнюю шапку надевай». Дело в том, что этнографические группы

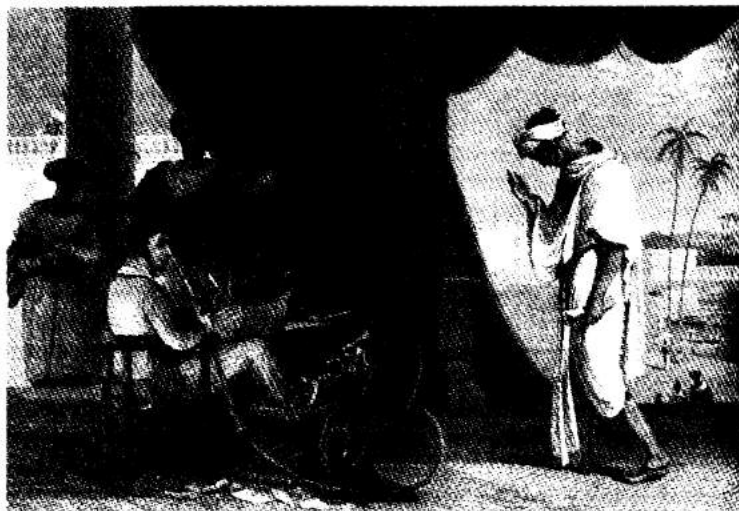

Рис. 43. Салам — мусульманское приветствие (Индия).

грузин различаются, в частности, по большому разнообразию локальных головных уборов. Из этого видно, что разнообразие видов шапок воспринимается народом как вполне естественное явление.

Сегодня мы, кажется, осознали тупиковость пути полностью «за-униформленного», конформного общества. Наблюдая культурные процессы в разных странах мира, становится ясно, что в обозримом будущем мы будем носить самые разнообразные шапки.

Культура и язык

Речь — это молоко в груди духа:
Оно не польётся свободно,
Пока кто-нибудь не начнёт его сосать.
Джал ад-Дин Руми. Маснави

Язык — средство человеческого общения, вид речевой деятельности, и по определению — часть культуры. Существует множество видов культурной деятельности: раскрой ткани, нарезка овощей, обтесывание ствола дерева, танец, секс, роды.

Но каждый из них выполняется в разных культурах по-разному. Примеров тому неисчислимо множество: иная конструкция ножниц в Европе и в Китае, наиболее принятая сексуальная позиция (у народов Сибири мужчина находится сзади женщины, а в Океании — он стоит перед ней, поддерживая женщину за колени).

То же можно сказать и о речевой деятельности. В принципе, она едина, но способы ее осуществления, т. е. языки, различны.

В мире существует всего около 10 тыс. языков. По другим данным, еще больше или меньше. Дело в том, что в отношении многих наречий до сих пор ведутся споры, считать ли их самостоятельными языками, или же диалектами. Поэтому подсчитать более точно количество языков невозможно. Но их не менее 6 тыс., при том что в мире насчитывается около 3 тыс. народов.

Язык — универсальный медиатор. В принципе любую мысль можно перевести на любой естественный язык мира, хотя в ряде случаев для этого нужно создать специальную лексику. Некоторые фразы («мы прощаемся с покойным», «я выхожу замуж») можно заменить языком предметов и действий (вкушение поминальных блюд, у русских, например, кисель, блины и кутя; свадебный костюм — белое платье и фата). Языком можно описать почти все.

Лексемы — минимальные единицы словарного запаса, содержащие смысл. В предметной культуре существует понятие прагмема (культурема), в операционной культуре — бихевиорема, минимальная единица поведения. Так, сани = нарты могут рассматриваться как культурема или лексема, или же — синтагма, в зависимости от степени дробности подхода к ним. Разделение культуры на эмы может быть разным, это зависит от детализации и цели исследования, т. е. оно более произвольно, чем в языке, где подобное деление уже задано структурой системы.

Язык дискретен. Остальная — внеязыковая — часть культуры функционирует вне связи с мышлением, более диффузно и рефлексивно. Язык же создает очень четкую структуру, моделирующую окружающий мир, выражающую все и вся именно для этой культуры.

Идиолект — «особый язык», со своими индивидуальными интонационными, лексическими, фразеологическими особенностями, имеется у каждого отдельного человека, у семьи, у компании близких людей. Латинское *idiota* означало первоначально человека, говорящего на местном диалекте, не причастного к письменной (высокой) культуре. Идиолекты объединяются в диалекты — варианты языка определенных местностей. Из диалектов складывается национальный язык. Аналогичным образом формируется культура: в основе ее лежат индивидуальные идиокультуры отдельных индивидов, включая походку, манеру сидеть, держать и использовать орудия труда, питаться, одеваться и т. д.

Не во всех государствах большинство населения говорит на официальном языке. Например, 80% населения Ирландии говорит на английском, и только около 20% — на ирландском, среди них — рыбаки западного графства Коннут; всего около 100 тыс. человек почти не говорят на английском, и владеют практически только ирландским языком. Правда, ирландский язык формально должны знать государственные чиновники.

Язык — часть культуры, правда, очень специфическая. Наиболее тесно он связан с мышлением, которое не может быть оторвано от речевой деятельности: думая, человек мысленно говорит.

Степень детализации информации, сообщаемой в разговоре, различна. Одни языки способствуют большей откровенности, другие — нет. На вопрос «Откуда у тебя кольцо?» в русском языке в ответе будут, например, выделены пол и статус дарителя: «Друг (подруга) подарила». В грузинском же языке эти детали не будут известны: друг и подруга, приятель и приятельница, и просто товарищ, обознача-

ются одним словом. Японский или корейский языки потребуют большой детализации — форма слова «друг» может содержать сведения о его возрасте, социальном положении, степени близости к говорящему.

Даже такие простые фразы, как «этот стол» могут содержать разный объем информации. По-русски будут различаться «этот» стол (находящийся близко к говорящему) и «тот» стол (расположенный подальше, до которого нельзя коснуться). По-армянски будут детализированы «этот стол при мне», «этот стол при тебе», «тот стол при нем». А в эскимосском все будет заключено еще и в пространственно-временной континуум: «этот стол сейчас», «этот стол раньше» и так далее. Эскимосские (юпик и инуит) и алеутский языки, равно как и мышление этих народов чрезвычайно объемны и конкретны.

Лингвистам хорошо известна теория Сепира—Уорфа о языковой относительности, о том, что мышление и поведение людей во многом определяются особенностями языков, на которых они говорят и думают⁵². В действительности же подчас трудно однозначно установить связь языка с соответствующей ему культурой. Такие связи, безусловно, есть, но они не столь абсолютны и всеобщы, как это следует из работ Уорфа.

Действительно, во всяком языке имеются свои трудности. «One little cat, two little cats, three little cats...». И так далее до бесконечности. По-русски: «Один маленький кот, два маленьких кота, три маленьких кота, четыре маленьких кота, пять маленьких котов» — почему? Что случилось на пятерке? Это репидивы двойного числа, существовавшего некогда в славянских и вообще в индоевропейских языках. Так, князь Всеволод говорит своему брату Игорю: «Один брат ты, Игорю, оба есве Святославица». Это потому, что их двое, а если бы было несколько братьев, он сказал бы: «Вси есмы Святославици». Двойное и множественное число различают эскимосские и многие другие языки. В дагестанских языках имеется по 14—16 падежей, до 8 родов — классов, которые требуют разных глагольных и прилагательных форм для согласования.

Обычно языки так называемых «отсталых» племен, или малых народов — изолятов очень сложны, так как они предельно конкретны и для каждого отдельного случая или варианта стремятся употребить особую грамматическую форму. Столь же конкретна и многообразна

⁵² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001. С. 185—194, 223—247.

и их лексика. В языке арктических охотников могут быть сотни если не тысячи названий для разных видов и категорий животных, десятки названий для различных форм и состояний снега при том, что могут отсутствовать слова для обозначения «животного» или «зверя» вообще, или просто «снега» как такового.

Языки цивилизаций обычно гораздо проще, и тем проще, чем сложнее и выше уровень данной цивилизации. Английским языком можно в совершенстве овладеть даже и в пожилом возрасте, но вряд ли это удастся с любым из дагестанских языков. Обычно язык усваивается с детства, и его грамматикой (сколь сложна она ни была бы), как и грамматикой поведения, например, японскими поклонами, человек овладевает автоматически.

Культуру и язык можно потерять и восстановить. Японские студенты, привыкшие низко кланяться профессору в Японии, быстро переходят на довольно фамильярное обращение с преподавателями в Америке. Поэтому в Японии существуют специальные курсы «реабилитации» бытового этикета и норм поведения для японцев, в особенности — молодых людей, проводивших за границей более полутора лет.

Все языки мира делятся на четыре типа, в зависимости от типологической структуры. В полисинтетических языках фраза может быть заключена в одном слове. Сходное явление демонстрируют так называемые многообъектные глаголы (замечательные примеры могут быть найдены в рассказах Фазиля Искандера — одно абхазское слово *diccah)huot* означает «а то мы ее из-под тебя вытащим», грузинское *gadagwacerinebda* — «он, наверное, заставил бы нас это переписать»).

В моносиλλαбических языках (например, китайском) корнеслово, слог и письменный знак (иероглиф) — обычно одно и то же. В агглютинативных языках (грузинский, тюркская группа) слова образуются путем соединения (склеивания) отдельных морфем с корнем. Флективные языки (латынь, русский) имеют широкую базу производительных частиц — многозначных окончаний, приставок, суффиксов, образующих формы слова, в которых видоизменяется и сам корень. Когда мы говорим «о льде», окончание «е» содержит и единственное число, и предложный падеж, а корень «лед» видоизменяется в «льд».

Интересно, однако, что в ходе истории языки изменяются, причем развиваются по спирали. В современном китайском языке заметна тенденция к появлению агглютинации, в некоторых агглюти-

пассивных языках появляются варианты флексий, а современный достаточно флексивный английский язык стремится к моносиллабизму.

Принадлежность языка к тому или иному типу не связана с развитием культуры народа, говорящего на этом языке. Однако имеется одно общее правило: сложность языка почти всегда сочетается с архаикой уклада жизни и со сложной системой родства данного народа. Наиболее сложны грамматически и фонетически языки бушменов, австралийских аборигенов и папуасов. В ходе истории развитие языка идет только в сторону его упрощения. Чем сложнее, многосоставнее и современнее культура, тем проще, аналитичнее язык ее народа. Причина этого понятна: при максимальной аналитичности языка возможны наиболее разнообразные новые синтагмы — соединения, и к минимуму сводятся возможности разночтения. Впрочем, самые упрощенные языки — пиджины (например, английский язык в Океании).

Вот примеры русско-китайского пиджина с использованием русских лексем, китайской моносиллабичности и грамматики: «Моя твоя понимай, твоя завтра моя дом-место приходи», «Твоя понимай — не понимай китайский?». Пример меланезийско-английского пиджина: «Sikeru-sikeru bilong dispela nokilin», буквально «Screws belonging this fellow not clean» («руки этого человека грязные»), причем *sikeru-sikeru* происходит от удвоенного блатного «отвертка» = «руки», а на собственно английском это короче: «His hands are dirty».

На основе пиджинов возникают креольские языки: это уже следующая стадия изменения языка, его усложнения за счет присвоения элементов и языковых категорий иных языков и создания новых семантических связей на этой основе. Креолизация происходит, когда пиджин становится языком семейного общения (в смешанных семьях) и усваивается детьми как первый язык.

Описанная нами четырехчастная типология языков редко используется культур-антропологами для своих исследований. Более значимой оказалась генетическая классификация языков, к которой мы сейчас и обратимся.

Существует концепция монолингвогенеза, которая подтверждена и на биомолекулярном уровне. Обладание речью — важный видовой признак всего человеческого сообщества. Согласно этой концепции, некогда существовал один «протоязык» («праязык»), на котором «говорила» довольно ограниченная группа ближайших предков человека разумного, вида *Homo Sapiens Sapiens*, который сложился около

150 тыс. лет назад. Человек более раннего вида появился 2—3 млн лет назад в районе Великих озер в Африке, и не позднее миллиона лет назад расселился по всему Старому Свету, до Явы и Суматры. Но все языки мира так или иначе отдаленно родственны между собой, и это доказывают результаты исследования науки глубинной глоттохронологии (long range comparativistic), изучающей изменения языков (в основном их лексем и морфем) в реконструируемых формах, существовавших более 10 тыс. лет назад.

Наша задача — проследить динамику появления языкового многообразия.

Важной, но пока не вполне решенной является проблема происхождения и развития мышления и речи, языка. Какой вид имела речь у древних гоминидов? В решении этого вопроса нам мало могут помочь данные приматологии: гортань современных обезьян, в том числе и человекообразных, совершенно не приспособлена для артикуляции членораздельных звуков (которые в совершенстве могут издавать многие птицы, например, попугаи). Однако у обезьян есть как голосовые сигналы (рев), так и многообразная знаковая мимика и жестикуляция. Согласно гипотезе Н.Я. Марра, первоначальная речь человека была именно жестовой, и из сопровождавших жесты выкриков развились заменившие их затем слова⁵³. Надо полагать, что это произошло достаточно рано, так как руки людей с ходом времени все больше были заняты держанием орудий.

Основа звуковой речи высших гоминидов основана на вокализации, сходной по характеру у всех высших приматов. Однако гортань, вполне пригодная для членораздельной речи, т. е. речи, основанной на наборе фонем, видимо, появилась только у человека современного вида. Речь же неандертальца, возможно, состояла из очень разнообразных, содержательных, но еще не окончательно фонемно дифференцированных сигналов.

Языки объединяются в лингвистические группы, семьи и даже макросемьи. Метод сведения языковых семей в макросемьи был впервые предложен датским филологом Х. Педерсеном в 1903 г. Он выдвинул теорию о так называемых ностратических («нашенских») языках, объединив индоевропейские, семито-хамитские и урало-алтайские языки в один ствол. Эту работу продолжал в 1960-е гг. рано погибший российский ученый В.М. Иллич-Свитыч, и он убедительно доказал эту теорию, добавив сюда также картвельские, дравидийские и корей-

⁵³ Марр Н.Я. Язык и мышление М.—Л., 1931.

ский языки. По его материалам его коллегами и учениками был составлен словарь ностратических языков⁵⁴.

Сравнительным языкознанием, сведением языков в стволы занимались и занимаются многие выдающиеся филологи — С. Старостин, А. Милитарев, М. Сводеш, Дж. Гринберг, Х. Флеминг, А. Бомхард. В США издается журнал «Mother tongue», на страницах которого обсуждаются проблемы древнейших языков.

Глоттохронология тесно связана с исследованиями происхождения человека. В языке питекантропа был, видимо, словарь, но не было грамматики, и это коррелирует с используемым им набором простых орудий. Кроманьонские же языки обладали, по-видимому, сложной грамматикой и синтаксисом, что соответствует характеру орудий труда — составных, собираемых из различных деталей.

При всех различиях между собой всем языкам мира свойственны общие черты. Это в принципе единая система гласных, укладывающаяся в треугольник с вершинами «а», «у», «и»; подразделение согласных на смычные и щелевые; противопоставление именных и глагольных форм; наличие местоимений и ряд других аналогичных, далеко не само собой разумеющихся характеристик. Это позволяет предположить, что все языки мира в конечном счете восходят к некоторому единому первоязыку раннего сапиентного человечества.

Однако никаких материальных следов такого языка, скажем, словокорней, которые имелись бы во всех языках мира, обнаружить не удастся. Зато их можно найти в рамках нескольких отдельных языковых стволов — макросемей, охватывающих большое количество далеко разошедшихся семей языков, на которых говорит население огромных ареалов мира.

Наиболее отработанной гипотезой в теории макросемей является ностратическая. Формирование ностратического ствола языков — предка будущих афразийских (семито-хамитских), индоевропейских, картвельских, дравидских, уральских, алтайских и ряда других, до недавнего времени считавшихся стоящими отдельно, — юкагирского, айнского, эскимосского, алеутского, корейского, японского — про-

⁵⁴ Илич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (Семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь. Т. 1—3. М., 1971, 1976, 1984; Долгопольский А. Б. Гипотеза древнейшего родства языков северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. 1964. № 2.

исходило, по-видимому, в эпоху мезолита, на территории Передней Азии (хотя существуют и другие гипотезы о месте происхождения). Так или иначе это было связано с прогрессивными изменениями в технологии жизнеобеспечения на заре возникновения производящего хозяйства.

Начало раздвигания (дивергенции) этого ствола следует отнести к XI—XII тысячелетиям до н. э. Самым ранним выделившимся звеном нужно признать языки семито-хамитские, которые, в совокупности, включая кушитские, берберо-ливийские и чадские, видимо, образуют отдельную макросемью, афразийскую. Праафразийский язык глоттохронологически относится к IX—X тысячелетия до н. э. и соответствует натufийской археологической культуре в районе Месопотамии и Восточного Средиземноморья, памятники которой в основном располагаются на территории Палестины и Сирии.

Определение географической прародины языковой семьи является важнейшим направлением для исследователей конкретного языка и говорящего на нем народа. Наиболее дискуссионным до сих пор остается вопрос о происхождении индоевропейских языков, и соответственно — той этнокультурной общности, которую условно можно назвать индоевропейцами. Этой теме посвящены работы О. Шрайдера «Индоевропейцы» (1905—07 гг.), и Д. Девото «Происхождение индоевропейцев» (1962 г.). Больше согласие среди ученых наблюдается относительно времени распада индоевропейской семьи — это период с V до III тысячелетия до н. э. Менее едины ученые в отношении района формирования индоевропейцев. Свои теории на этот счет выдвинули Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов (район от Месопотамии до Закавказья)⁵⁵, И.М. Дьяконов (Балканы), В.А. Сафронов (Центральная и Северная Европа и Северное Закарпатье), Е.Е. Кузьмина (южнорусские степи от Дуная до Урала), Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский (Восточная Европа).

Главным информативным источником для определения прародины языковой семьи являются названия животных и растений. Так, в языках индоевропейской семьи генетически общими является названия лосося, березы и тиса (чешское *ivo*, английское *uw*, нем. *Eibe*; в русском языке название тиса было перенесено на иву). Они встречаются на побережье Черного моря, в районе Причерноморья, Малой Азии и части Балкан. Данные Д. Гринберга (о наличии максимального

⁵⁵ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. М., 1972.

числа древних и разнообразных индоевропейских языков и диалектов) подтверждают теорию об этом центре формирования индоевропейской языковой семьи около VI тысячелетия до н. э.

Урало-алтайские языки возникли приблизительно 8 тыс. лет тому назад в Южной Сибири. Территория развития уральских языков находилась непосредственно за Уральскими горами, и простиралась от притоков верхней Оби до Енисея, севера Горного Алтая и Тувы. Рядом, к юго-востоку — Алтай, Тува, Саяны и Восточная Монголия — формировались, по-видимому, алтайские языки.

Ханты, манси и венгры принадлежат к угорской группе финно-угорской семьи. Их предки были скотоводами, разводили крупный рогатый скот и лошадей. Славянско-угорский синкретизм отражен в названии известного венгерского вина — «Бикавер», которое состоит из двух слов: «бычья кровь», причем слово «вер» означает кровь почти на всех финно-угорских языках. Ханты и манси со временем переместились на север, стали заниматься охотой и рыболовством, но сохранили некоторые ритуалы, напоминающие о занятии скотоводством их предков. В частности, это принесение в жертву белого коня (которого сейчас специально для этой цели покупают) и растягивания его шкуры на дереве. Подобный обряд этнографы отмечали и у венгров.

Таким образом, в глубинной глоттохронологии выделены несколько языковых стволов, или макросемей, и главные из них — афразийская, ностратическая, а также более гипотетические сино-кавказская и юговостоазиатская.

Гипотезу о существовании сино-кавказской макросемьи первоначально выдвинул М. Сводеш, а попытки доказать предпринял С. А. Старостин⁵⁶. Ее еще называют стволом васко-дене, т. е. объединяющим языки от басков до атабасков. Сюда входят языки сино-тибетской семьи (группы китайская, тибето-бирманская, канаури, гурани, певари, восточногомалайская, лепча, бодо, качинская и мири), северо-кавказской семьи (абхазо-адыгские, нахско-дагестанские и шахлагские; в древности сюда же относились хурритский, урартский, этрусский языки), а также енисейские (языки кетов и югов, а раньше также котов и асанов, предков ныне тюркоязычных хакасов), басков Пиреней, буришков Северного Кашмира и более гипотетично индей-

⁵⁶ Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984. С. 19—38.

цев северо-запада США и Канады — хайда и атабасков на-дене (в частности, навахо).

По большей части это языки реликтовые, распространенные на небольших островках на довольно большом пространстве Старого Света и частично (и очень локально) в Америке. Наиболее многообразны и компактны они в районе Гималаев. Кроме китайско-тибетских, все языки чрезвычайно трудные, содержат сложные видовые и формообразующие системы грамматики. Часто это сопряжено с примитивным хозяйственным укладом народа, говорящего на данном языке, с архаическими элементами его культуры и сложной системой родства. Есть основание полагать, что на языках, родственных сино-кавказским, некогда говорила значительная часть палеолитического населения Евразии и сегодня мы имеем дело с их исчезающими потомками (не считая, конечно, китайцев, тибетцев, бирманцев).

Концепция юговостоазиатской, или аустрической, макросемьи была выдвинута еще В. Шмитом, который писал о родстве австронезийских (малайско-полинезийских) и австроазиатских (мон-кхмерских и мунда) языков. Другую точку зрения о тихоокеанском стволе высказал П. Бенедикт⁵⁷.

Аустрические языки условно делят на две «семьи» — австроазиатскую (языки тайские, мяо-яо, вьетские, мон-кхмерские, мунда) и австронезийскую, или малайско-полинезийскую. Их классификация еще не вполне уточнена, выделение семей сильно варьируется.

Облик народов, говорящих на этих языках, весьма сходен, они все южные монголоиды. Можно предположительно определить время и район их первоначального формирования: скорее всего, это произошло в IX—VIII тысячелетиях до н. э. в Юго-Восточном Китае и на Тайване. До сих пор языки племен гаошань Тайваня различаются между собой больше, чем языки мальгашей и населения острова Пасхи. Общая культурная модель, характерная для большинства народов этой макросемьи, сложилась в верхнем палеолите — неолите в пограничных районах между Китаем и Юго-Восточной Азией. Важнейшие элементы этой культурной модели — свайные дома, одомашненные курица, буйвол, свинья, культивация клубнеплодов, и прежде всего ямс и таро, а также зерновых: гречихи и риса (он отсутствует у народов Океании, здесь культура выращивания риса была потеряна при миграциях).

⁵⁷ Benedict P. Austro-Tai. Language and Culture. New Haven, 1975.

В еще меньшей степени исследованы языки Новой Гвинеи и Австралии; предположительно можно выделить несколько стволов. Согласно гипотезе Дж. Гринберга, есть индотихоокеанская (трансповогвинейская) макросемья, куда следует отнести языки народов Андаманских островов, Малакки (субстрат кхмерского), некоторые папуасские и тасманийские языки, а возможно, и языки австралийских аборигенов.

Языки народов Субсахарской Африки сводят в африканскую, или конго-сахарскую макросемью (гипотеза Дж. Гринберга).

Согласно результатам исследований М. Сводеша, А. Тромбетти, Э. Маттисона, Дж. Гринберга языки индейцев Америки, все, кроме языков на-дене, происходят от одного — америндского — ствола. Не все ученые разделяют эту теорию, но это подтверждают и антропологические данные. Почти все индейцы имеют одну — 0 группу крови, такой фактор крови, как ген Диго (который очень редко, но встречается еще и у сибирских народов), т. е., возможно, что все они — потомки небольшой группы в 200—300 человек, примерно за 1000 лет в конце плейстоцена — начале голоцена заселившие все пояса Америки, вплоть до Огненной Земли. Первоначально они говорили, возможно, на одном языке, диалекты которого за 13 тыс. лет, если не более, изменились до неузнаваемости.

Языки из разных по происхождению семей, попадая в один ареал, нередко приобретают схожие черты. Образуются **языковые союзы**. Один из наиболее известных — балканский языковой союз. В него входят индоевропейские языки — романские, славянские, албанский, греческий. Однако грамматика болгарского языка отличается от русской: слова не склоняются, вместо падежной флексии имеется развитая система предлогов («на страна», «до страна»). То же наблюдается в румынском, албанском, греческом языках. И грамматическая, и фонетическая эволюция языков, оказавшихся в одном территориальном «мешке», идет одинаковыми путями.

Существует кавказский языковой союз: тройное деление смычных согласных на звонкие, глухие придыхательные и глухие абруптивные присуще практически всем языкам Кавказа, и собственно кавказским, и картвельским, и индоевропейским (армянскому, осетинскому) и даже тюркским языкам. На Индостанском полуострове выделяется сравнительно небольшой пригималайский союз, объединяющий ряд дардских, северных индоарийских, тибетских, буришских языков и диалектов. Другой языковой союз Индии —

обширный индостанский, преимущественно арийско-дравидский, со многими общими фонетическими и структурными чертами (четверное деление согласных, церебральное Т)⁵⁸. В индокитайском союзе обращает на себя внимание буквальное совпадение многих структур в тайском и кхмерском языках при сильно различающейся лексике.

Однако при изучении языковых союзов остается неясным, имеем ли дело с их взаимовлиянием и уподоблением, или же с наследием некоторого общего для всех союзных языков, хотя и остающегося нам неведомым субстрата.

Всякая цивилизация имеет еще один важный показатель — **графику**. Дальневосточная письменная культура основана на иероглифах. Алфавит индийской цивилизации — азбука деванагари, которая строится на нескольких графических вариантах и почерках (около двух десятков восходящих к графике *брахми* и *кароитхи*). Мусульмане пишут арабской графикой, но когда они отказываются от арабского письма, это частично выделяет страну из исламской цивилизации. В Турции в 1920-х гг. перешли на латиницу, и до сих пор там идет борьба двух политических сил, выступающих соответственно за исламскую и европейскую Турцию.

До начала XX в. Китай, Япония, Корея и Северный Вьетнам представляли собой единую дальневосточную цивилизацию, базирующуюся на древнекитайском метаязыке (не разговорном, но письменном) — *вэньянь*, единой системе иероглифов и кодексе конфуцианских и пре-конфуцианских прототекстов. С переходом сначала вьетнамской письменности на латиницу, затем корейской — на алфавит *онмун*, и после проведения весьма неудачной реформы иероглифики в КНР, которая неузнаваемо изменила очертания ряда важнейших знаков (при том что в Японии они остались неизменными), это единство распалось, и сейчас эти четыре культуры существуют как независимые дочерние субцивилизации.

Западная Европа пишет латиницей, Восточная Европа — кириллицей. В 1929 г. в СССР готовились к переводу русского языка на латиницу, но потом от этой идеи отказались, и вместо этого в 1938—1939 гг. перевели около полусотни уже успешно латинизированных новых неславянских письменностей на кириллицу, что имело негативные последствия для развития этих языков.

⁵⁸ Зограф Г.А. Языки Южной Азии // Истоки формирования современного населения Южной Азии. М., Наука, 1990. С. 146—148.

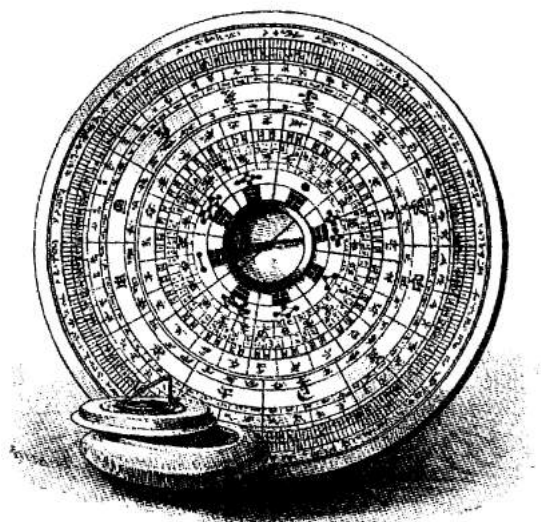

Рис. 44. Китайский компас.

Рис. 45. Борьба с водяной змеей (Шри-Ланка).

Герой повести И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», директор фирмы «Геркулес» Полыхаев имел серию резиновых штампов с разными резолюциями, в число которых входило и обязательство перевести делопроизводство на латиницу. Авторы иронично показывают безответственность этих «обязательств» коррумпированного бюрократа. Однако в наши дни в Узбекистане и Азербайджане перешли или переходят на латиницу, собираются это сделать и в Татарстане. Несомненно, это отражает стремление руководства этих народов и государств к сближению с западноевропейской цивилизацией.

Секс, брак и семья

Каждая часть мира желает своей пары,
подобно янтарю и соломе. Бог вложил желание
в мужчину и женщину, чтобы мир мог обрести
существование через посредство их союза.

Джалал ад-Дин Руми. Маснави

I. Культурное моделирование сексуальных отношений

В природе существует два основных инстинкта: добыча и поглощение пищи и половое влечение. Живому существу необходимо, конечно, и многое другое, например, дышать, но это происходит само собой, автоматически, и не требует некоторых усилий. Пища и половые отношения всегда требуют некоторых установлений. Еда обеспечивает поддержку индивидуального существования, это важнейшая составляющая культуры жизнеобеспечения (за ней по значимости следуют одежда и жилище). Половой инстинкт и воспроизводство себе подобных — это основа поддержания вида.

Размножаются живые существа по-разному. Так, бактерии и амёбы размножаются не половым путем, а почкованием. И у человечества появится такая возможность, если удачно пройдут опыты клонирования людей. Но это может привести к резкому снижению адаптивных механизмов у человечества в целом. Дело в том, что у амёб на 1000 мутаций встречается лишь одна полезная, а у существ, размножающихся половым способом, их во много раз больше.

У высокоразвитых животных и людей размножение половым путем способствует естественному отбору. Как и ранее, в дальнейшем будут выживать особи, резистентные к изменяющемуся климату, качеству продуктов питания, воздуха, носителям особо опасных заболеваний, например вирусам СПИДа.

Какую же роль во всем этом играет пол? Какова вообще функция полов в человеческом обществе?

Люди очень разные. Любую группу людей можно выстроить в ряд: от самого высокого до самого малорослого, или от самого светловолосого до самого темноволосого. Но в любом случае получится нормаль-

ное статистическое распределение (кривые К. Гаусса, — гауссианы). Крайних случаев будет очень немного, а средних — подавляющее большинство.

Например, выстроим всех людей, — жителей Земли по росту. На одном конце окажутся самые высокие (вроде негров нилотов), на другом — самые низкорослые (вроде пигмеев), в центре — люди среднего роста, их будет значительно больше, причем это будут представители самых разных рас.

Процент женщин, относящихся к центральной группе, причем по любым параметрам — росту, цвету кожи и волос, определенному набору генов — всегда больший, нежели у мужчин. Классическая форма дальтонизма у женщин не наблюдается. Женщины — лишь носители гена гемофилии, но сами этой болезнью не болеют. Среди женщин гораздо меньше аномальных случаев, чем среди мужчин. Среди женщин, по антропологическим данным, больше особей сбалансированных, усредненных, и гораздо меньше групп риска, чем среди мужчин.

Почему? Потому, что биологическая адаптация отличается прежде всего целесообразностью. В английском языке есть термин *expedable* — «то, что не жалко тратить, выбрасывать» (если у вас в кармане имеются и песо, и доллары, что вы будете тратить в первую очередь?).

Природа предпочитает «тратить» мужчин, ей их не жалко. Подумаем, сколько за всю жизнь детей может родить одна женщина и один мужчина? Женщина — максимум 15–20, на самом же деле еще меньше. А мужчина? Теоретически — тысячи! При пониженной доле мужчин в сообществе их все равно хватит для нормального воспроизводства, в то время как потеря даже одной женщины ничем не компенсируется.

В культурах всех народов мира мужчины более экстравертированы, более ориентированы на внешние, зачастую рискованные действия. Женщины меньше курят, пьют, больше берегут себя, да и природа бережет их. Экспериментирует природа прежде всего на мужчинах: «а что будет, если сделать его таким, или таким? Неудача? Ничего, обойдемся. Но если удача — это можно будет и закрепить, протира-жировать в его детях!»

Естественный отбор среди мужчин раньше был более значительным, чем сейчас, в эпоху приоритета «прав человека». Войны, борьба за власть отбирали лучших, т. е. наиболее приспособленных к окружающей среде мужчин.

Таким образом, женщины обеспечивают устойчивость, стабильность, количество отбора; мужчины — скорее его качество.

Половой инстинкт объединяет мужчину и женщину, но именно он их и разделяет. Дело в том, что половой инстинкт по-разному работает среди представителей разных полов.

У животных встречаются разные модели взаимоотношений. Серые гуси — верные супруги. Потеряв пару, самец очень долго переживает и может вообще не найти другую самку. А кролики-самцы пожирают своих маленьких детенышей, чтобы те им не мешали спариваться с любыми самками; поэтому крольчихи прячут детенышей. То же мы наблюдаем и у кошек.

Мужчин чаще можно сравнить с кошками и кроликами, чем с серыми гусями. Их цель — возможно большее число сексуальных партнерш, многочисленные связи. Тетерева токуют, олени бодаются, мужчины дерутся на дуэлях. А уж выбрать удачный мужской экземпляр — дело дам! Задача женщины — не только найти его, но и удержать при себе.

И это — логика оптимальной адаптивной стратегии. Отсюда у мужчин и женщин развились две различные тактики поведения, и это предопределено генетически.

Однако как и во всех остальных сферах жизни человека, здесь большую роль играют особенности культуры. И сексуальное поведение, как и принятие пищи, становится культурно обусловленным.

Различные человеческие сообщества выработали и разные формы совместного существования мужчины и женщины. Существуют ли среди них какие-нибудь наиболее естественные? Трудно сказать.

Весьма дискуссионным является вопрос о так называемом промискуитете — беспорядочных половых отношениях в первобытном обществе. Существовал ли он вообще, и являлся ли он формой общественной организации? Мнения ученых расходятся. Ю.И. Семенов считает, что да, многие другие — нет. В качестве подтверждения этой гипотезы часто приводятся оргиастические праздники, отмечаемые многими народами Европы в контексте календарных праздников, например, Ивана Купалы (праздник летнего солнцеворота, 22—24 июня). Однако этнографических данных, точно подтверждающих существование промискуитета, не имеется.

Близкие к промискуитетным отношения наблюдаются у шимпанзе, однако тут одновременно действуют ранговые отношения. Самцы высокого ранга всегда имеют приоритет перед низкоранго-

выми, последние же редко посягают на обладание высокоранговыми самками.

Браки делятся на полигамные и моногамные. Но это не только форма сексуального общения: в неменьшей степени, а возможно, прежде всего, это связано с устройством данного общества: экономикой, правовой системой, его религиозными и прочими установками.

Полигамия может быть синхронная или диахронная, и немалая часть жителей стран Запада давно живет в диахронной полигамии, или, иначе говоря, в серийной моногамии, т. е. человек имеет несколько семей последовательно во времени. В прошлом существовали общественные санкции, запрещающие или не одобрявшие разводы, и потому эта серийность принимала чаще всего форму внебрачного сожительства. Сейчас, когда западное общество в целом терпимо относится к разводам, их число резко возросло.

Кроме того, нередко в западном обществе встречаются мужчины и (реже) женщины, имеющие по несколько сексуальных партнеров одновременно, один из которых — супруг. Мужчин, живущих на две семьи, огромное количество.

В ряде стран мира наблюдается кризис семьи, т. е. у большого числа членов общества вообще отсутствует мотивация к созданию стабильной семьи, и люди довольствуются более или менее постоянными сексуальными отношениями с одним или несколькими партнерами.

Все сказанное, однако, не снижает нашего глубокого уважения к прекрасным обычаям серых гусей, и даже иногда желания следовать их благородному примеру. Но при этом необходимо ограничивать натуру с помощью культуры, прежде всего в ее соционормативной сфере, воздействием норм права, этики и эстетики.

Возраст начала половой жизни в разных культурах мира различается довольно сильно. Чаще всего он определяется не биологически, а культурно. Большой разброс в этом вопросе дают даже довольно близкие территориально русские деревни XIX в.: в одной, согласно многим свидетельствам, девушки вступают в связь с 13—14 лет, а в другой — выходят замуж в 18—20 лет и обязательно девственницами.

Различия между разными культурами и обществами огромны. В исламе или среди высококастовых индусов добрачная девственность имеет колоссальное значение. Девушку охраняют с детства, оберегают от лишних контактов, возможного сглаза, распространено затворни-

чество. Правда, у мусульман-кочевников бывали и добрачные связи, но они очень рискованны (пойманный юноша может быть убит). С другой стороны, среди народа илла в Центральной Африке к 10—11 годам ни одна девушка не остается девственной.

Кто и для кого считается нормальным сексуальным партнером? Далеко не во всех обществах это люди примерно одного возраста. У аборигенов Австралии девочка 8—9 лет может выйти замуж, но только — за старика. Молодые же ребята могут жениться, но только на женщине, значительно старше себя; 20—25 лет — нормальный возрастной диапазон в браке. Понятно, что к тому времени, когда пожилой мужчина женится на молоденькой девушке, его первая жена уже успевает уйти из жизни.

Важную роль в сексуальных отношениях играет внешняя женская и мужская привлекательность. Но существуют ли какие-то универсальные ее параметры, характерные для всех культур мира? Едва ли. Идеал женской красоты в западных обществах — довольно высокая, стройная, длинноволосая блондинка с хорошими формами, приблизительно Мэрилин Монро (сегодня фактически кукла Барби). Это фенотип красивой женщины в странах Северной Европы, Скандинавии, т. е. там, где достаточно высокий материальный уро-

Рис. 46. Народные типы Северной и Восточной Европы.

вень благосостояния. Подсознательно этот образ ассоциируется с успехом, уверенностью. Но этот идеал, конечно, не абсолютен. У горных народов Вьетнама и Лаоса гораздо более ценится темнокожая женщина.

Среди черкесской аристократии высокая грудь у женщины считалась почти уродством. Девушки пеленали грудь, чтобы она не росла. Идеальной была фигура мальчишеская, плоскогрудая и с узкими бедрами, затянутая «рюмочкой».

Нормальная женская стопа казалась китайцам слишком вульгарной. Девочкам из благородных семей с детства бинтовали ножки, отчего стопы деформировались, и начинали походить в глазах китайцев на «ростки лотоса». Взрослые женщины с подобными ступнями в знатных семьях порой передвигались с большим трудом. Кроме того, предполагалось, что ограничение роста ступни способствует полноте бедер, что тоже считалось красивым. В семьях трудящихся китайцев ограничение роста ступни не принимало таких крайних форм, но все же отчасти практиковалось. Еще в 1960-х гг. в Китае можно было видеть весьма пожилых, но все еще бодрых женщин с необычно маленькими ступнями.

Особое внимание следует уделить сексуальному поведению, принятому в различных обществах в качестве нормативного. Всюду существует как повседневное, обычное поведение, так и особые, экстремальные ситуации.

Например, в большинстве обществ мира известны изнасилования, сексуальные нападения, индивидуальные и коллективные. До сих пор не вполне прояснен вопрос: насилие мужчин над женщинами в традиционных и современных культурах — одного ли они порядка, одинаковыми ли причинами порождены? Единого ответа до сих пор не найдено. Встречается, однако, и сексуальное насилие женщин над мужчинами. Среди меланезийцев Тробрианских островов, по данным Б. Малиновского, существовал странный обычай *йауса* — женские коллективные сексуальные нападения на мужчин. Таким нападениям подвергались мужчины, очутившиеся вблизи полей, где занимались прополкой женщины — работницы из другой деревни. У африканского народа кикуйю насилие мужчин является формой их инициации.

В сексуальных отношениях у людей существуют некоторые базисные инстинкты, некоторые универсальные для всех биологические установки. Однако культурные особенности — подчас рационально объяснимые, подчас совсем необъяснимые — дают картину большой

Рис. 47. Китайки с искусственно уменьшенными стопами ног.

вариативности. То, что мы считаем «нормальным», «естественным», нередко в высшей мере условно, культурно обусловлено, институционально.

Например, обратим внимание на такое чувство, как ревность. Кажется, что это индивидуальное психологическое свойство личности. Однако оно определяется также и культурой. В особенности это каса-

ется самооценки и поведения человека, испытывающего чувство ревности. Мужчина ревнив, потому что его культура заставляет его быть ревнивым. Так, в соответствии с нормами арабской культуры, так как его внимание с детства фиксировали на том, что измена жены чрезвычайно сильно роняет его социальный статус, Отелло задушил Дездемону. У полиандрического народа тогда, живущего в горах Нилгири в Южной Индии, ревность считается признаком неблагородного человека. У шведов ревность называлась «черной болезнью» и также не очень уважалась.

У разных народов мира существуют разные сексуальные обычаи. Например, обмен женами у мужчин-побратимов. Женами менялись эскимосы и чукчи, переезжая на лето на другую стоянку или уезжая на рыбалку. Установление таких отношений было возможно лишь в том случае, если все партнеры, и мужчины, и женщины, относились друг к другу с искренним теплом и дружбой.

Сексуальные услуги распространены в культуре гостевания среди многих народов мира. Путник, приходящий в ярангу чукчей, обычно получал возможность переспать с какой-то женщиной из этой семьи — женой, сестрой или дочерью хозяина. Это встраивалось в адаптивный механизм культуры: гостя, продрогшего на морозе, клали в спальный мешок вместе с женщиной. Согревание телом — наиболее эффективный способ отогревания вообще. Сексуальные отношения при этом могли возникнуть (особенно если женщина привлекательна), а могли и не возникнуть, во всяком случае, они не были обязательны.

Культурные традиции во взаимоотношении полов зависят также от условий обитания народа, но только косвенно. Чем более стратифицировано, ранжировано общество, тем тщательнее в нем оберегают девушек, причем в особенности девушек из богатых и знатных семей.

Многое в вопросах о сексуальных отношениях не поддается однозначной и ясной интерпретации. Например, это табу, накладываемые на женщин в период менструации. Они осмысленны и понятны в отношении общества охотников и рыболовов: даже капля менструальной крови, попавшая на охотничьи и рыболовецкие инструменты, будет отпугивать зверя. Ее запах настолько силен, что его нельзя уничтожить, и он не выветривается. Но подобные запреты существуют среди народов-земледельцев и представителей других типов хозяйственной организации. Очевидно, они связаны с вредоносной магией, в которой использовалась менструальная кровь.

Особая тема в антропологии сексуальности — гомосексуализм. В иудео-христианской культуре, а до недавнего времени в культуре западного мира в целом доминирует отрицательное, подчас резко отрицательное отношение к гомосексуализму, доходящее вплоть до юридического запрета и уголовного преследования. В тюрьме гомосексуалисты составляют контингент «опущенных», «петухов». «Пидор» — ужасное ругательство, обозначающее пассивного гомосексуалиста, что, собственно говоря, явилось результатом смещения смысла, так как *педераст* в исконном значении этого слова — активный мужчина, живущий с мальчиками.

Католические общества еще в большинстве случаев закрывают глаза на проблему гомосексуализма. Целибат католических священников, ксендзов и кюре приводит к тому, что в этой среде гомосексуализм распространен довольно широко. Протестантские культуры относятся к нему негативно, хотя и здесь гомосексуализм встречается в закрытых мужских заведениях, например, колледжах, школах, армии.

Женская гомосексуальность (лесбиянство) обществом почти нигде просто не замечается, и культур-антропологических исследований по этой проблеме почти нет. Мужской гомосексуализм исследован и описан вполне подробно и полно⁵⁹.

В мире встречаются общества и культуры с резко отрицательным и с вполне терпимым и даже положительным отношением к гомосексуализму. Например, в некоторых папуасских племенах считают, что гетеросексуальные связи способны разгневать богов, поэтому почти до 300 дней в году сексуальные сношения между мужчинами и женщинами запрещены. В то же время гомосексуальные контакты — разрешены: это нужно и полезно, кроме того, якобы способствует росту картофеля⁶⁰.

В некоторых исламизированных североафриканских обществах строго оберегается девственность дочерей. Сыну же, достигшему 10—12 лет, родители подбирают «покровителя», а фактически — сексуального партнера, временного «мужа», с которым он живет до 18—20 лет. Потом юноша женится на девушке (часто согласно выбору родителей) и переходит к обычной гетеросексуальной жизни.

⁵⁹ Специально этой проблеме посвящена книга петербургского антрополога и филолога Л.С. Клейна. *Клейн Л.С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность*. СПб, Фолио-Пресс, 2000.

⁶⁰ См. также: *И.С. Кон. Лунный свет на заре: лики и маски однополый любви*. М.: Олимп-АСТ, 1998.

В Древней Греции только гетеры были свободными, нормальными в нашем понимании этого слова, женщинами. Они изучали науки и искусства, присутствовали на пирах, общались с мужчинами. Остальные женщины были изолированы и забиты. Среди мужчин процветала «платоническая» любовь, т. е. гомосексуальные связи с мальчиками. В армии Александра Македонского все солдаты были связаны подобными отношениями, старшие имели любовников ниже себя по званию, и это считалось правильным. Подобные отношения укрепляли чувство ответственности, заботы в коллективе, гарантировали молодым бойцам в бою самоотверженную защиту со стороны их старших друзей.

Кажется само собой разумеющимся, что люди делятся на мужчин и женщин, на два пола. Однако в культурной антропологии различаются два проявления пола — *sex* и *gender*. Если *sex* в большей степени связан с биологической определенностью, то *gender* — «социальный пол», предстает как результат социально-культурного конструирования, как образ жизни или даже как судьба. Именно о гендере Симона де Бовуар сказала — «мужчиной (или женщиной) не рождаются, но становятся». Пол-*gender* в большей степени чем пол-*sex* является культурным слоем, формирующим общество.

Гендер, согласно Дж. Скотт⁶¹, это и комплекс символов и образов «мужчины» и «женщины» в культуре, а также комплекс религиозных, научных, правовых норм в отношениях полов. Гендер образует социальные институты — семью, систему родства и свойства, домохозяйство, рынок рабочей силы, систему образования и государственного устройства. Наконец, гендер — это проблема самовыражения, субъективного самовосприятия, половой самоидентификации.

Многие жизненные ценности имеют отчетливую гендерную окраску. Например, концепция «чести» для женщин всецело имеет гендерный смысл, у мужчин же — преимущественно связана с социальным престижем, успешностью и статусом в обществе. Впрочем, в нетрудовых, праздных слоях общества, не заинтересованных в карьерном успехе, секс нередко становился орудием социального самоутверждения для мужчин. Как справедливо выговаривает Татьяна Ларина Евгению Онегину:

⁶¹ *Scott J. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Revue. 1986. V. 91. № 5. P. 1053—1075.*

«Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?»

Несмотря на то, что биологически в человеческом сообществе только два пола, их проявления могут быть очень разными. Известно такое явление, как *gender trouble* — «гендерный конфликт», когда трудно определить половую принадлежность конкретного человека. У многих племен американских индейцев есть транссексуалы и транссвеститы, т. е. биологические мужчины, которые, однако, психологически ощущают себя женщинами, одеваются по-женски и в доме выполняют женскую работу. Они считаются лицами особого пола, и их культуры и языки различают не два, а три или даже четыре пола-гендера.

В отдельных людях мужское и женское начало могут недостаточно отчетливо проявляться биологически, встречаются аномалии. Одним из подобных смещений является гермафродитизм — сочетание мужских и женских половых признаков. Гермафродиты (в русской культуре так называемые «двужилые») известны во всех культурах, и всюду отношение к ним весьма сложное. Подчас они внушают ужас, страх, презрение, реже — священный трепет. В Индии это явление институционализировано, гермафродиты составляют особую субкультуру, подобную касте — *хиджра*⁶².

Другой пример смещения пола — кастраты, евнухи, которые в придворной культуре Передней Азии, Северной Африки и особенно Китая выполняли определенные социальные функции.

Примеров разнообразия и «упорядочивания» сексуальных контактов множество. Вот один из крайних. Французский этнограф Морис Годелье много работал в Новой Гвинее — сокровищнице культурных разнообразий. Папуасы живут изолированно, чему до недавнего времени способствовала распространенная там охота за головами. Папуасы одного из племен М. Годелье полюбили, и в принципе он мог бы адаптироваться к их культуре в еще большей степени, войти в племя, как это нередко делают антропологи. Но тут был слишком специфический обряд инициации. Это вообще у многих народов очень неприятный ритуал: например, нужно повисеть на железном крюке, воткнутом

⁶² См.: Рыжакова С.И. Третий пол. Хиджра в индийской культуре // Восточная коллекция. № 3, 2001. С. 69—77.

в кожу спины; посидеть голым несколько часов в муравейнике, или перетерпеть прижигание, выбивание зубов, татуировку и т.п. В этой же культуре папуасов подростки, чтобы стать полноценными соплеменниками, совершают оральный секс и глотают сперму старших мужчин племени. Считается, что таким образом в них входит мужской дух племени и передаются мужские качества. До прохождения этого обряда мальчики полноценными членами племени не считаются.

Итак, в культурах мира имеется множество форм и вариантов установок и упорядочивания сексуальных отношений. То, что мы считаем патологией, отталкивающим и антиэстетичным извращением и даже уголовно наказуемым деянием (например, «склонение несовершеннолетних к совершению развратных действий»), в других культурах является нормой, и даже более того — высшим, священным актом, связывающим человека с миром духов, предков, богов, приобщающим его к истории и культуре своего народа, воспитывающим дух племенного патриотизма.

II. Брак и семья как культурно-антропологические феномены

С темой сексуальных отношений тесно связана тема брака и семьи. Исследование различных форм брака (полигамных и моногамных и их вариантов) и семьи (большой, малой и нуклеарной, а также патри- или матрилокальной и других), а также родства и свойства (в том числе кланов, линиджей, сибов, фратрий и т. д.) — огромная и чрезвычайно важная область антропологии, в особенности социальной. Некоторые из этих явлений мы уже обсуждали выше. Теперь обратимся более непосредственно к тому, что из себя может представлять семья.

Существует расхожее выражение: «семья — это ячейка общества». Что это значит? Во всяком обществе, во всякой культуре брак имеет две стороны: регулирование сексуальных отношений и упорядочивание производства и потребления жизненных ресурсов, т. е. брак имеет непосредственное отношение к формам собственности, наследству, богатству.

Как известно, браки могут быть моногамными и полигамными. Полигамия в свою очередь делится на полигинию (многоженство) и полиандрию (многомужество).

В обществах с отличными от западных социальными нормами широко распространена синхронная полигамия. Здесь существуют гаремные семьи. Как организован гарем? Сто, двести и большее число

жен и наложниц имели только китайский император или турецкий султан. Этот гарем нельзя считать собственно семьей: он существовал для государственного престижа, и был в большей степени номинальной, чем реальной формой взаимоотношений.

Гаремное устройство семьи присуще многим мусульманским культурам. Как создается гарем у мусульман? Сначала мужчина имеет одну жену, на которой женится обычно в довольно молодом возрасте. Потом — часто это происходит на седьмом году супружеской жизни (существует так называемый «зуд седьмого года») — он берет новую жену. Третья жена появляется уже в зрелом возрасте. Старшая жена со временем начинает выполнять функции хозяйки дома, свекрови, она распоряжается всеми домочадцами. Только с ней муж ходит на официальные приемы, хотя в веселую компанию он может взять и молодую, или даже не взять никого — там и так будут девицы. Впрочем, все это касается только случаев значительно европеизированного общества, так как обычно по мусульманским семейным нормам женщины редко появляются даже в сопровождении мужа в обществе посторонних мужчин. Инстинктивная серийная моногамия мужчины проявляется в предпочтении той или иной жены и в уделении ей внимания.

Тенденция к появлению нового полового партнера примерно после шести-семи лет жизни с предыдущим неслучайна. Мы уже знаем, что шесть-семь лет это нормальный и необходимый интервал между появлением у женщины детей в кочующих охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах.

Пока ребенку не исполнится семь лет, важно, чтобы сохранялась привязанность его отца к его матери. Позднее уже не так страшно, если этот отец увлечется другой женщиной, а мать в свою очередь забеременеет от другого мужчины. В малочисленных обществах такой порядок способствует перетасовке генофонда, а стало быть, и отбору наиболее удачных генных сочетаний.

Полиандрическая форма брака распространена гораздо реже. Она известна в Тибете, Непале, среди ряда племен Индии. В этих браках лидирует женщина. Младшие мужья подчиняются старшим, а те — женам, и женщины помыкают мужчинами.

Исследованию различных полиандрических культур мира посвящена фундаментальная работа датского антрополога принца Петера⁶³.

⁶³ H. R. H. Prince Peter of Greece and Denmark. A Study of Polyandry. The Hague: «Mouton and Co.», 1963.

Автор пришел к выводу, что истоки полиандрии, первоначально, и в классических случаях преобладающей братской, надо искать в трудных, опасных условиях выживания, в необходимости создания хорошо сплоченного коллектива, состоящего из нескольких взрослых мужчин. Вторым существенным фактором развития братской полиандрии была крайняя нехватка возделываемой земли, невозможность выделения отдельных наделов, и следовательно, разделения семьи. Однако при исследовании полиандрии следует учитывать и другие причины, в частности, психологические. Принц Петер полагал, что полиандрия является своего рода скрытой формой гомосексуальности, близкой к инцесту, связанной с необходимостью гармонизации данной объединенной семьи, достижения взаимного согласия в обществе.

В полиандрических культурах женщина почти всегда обладает большой сексуальной свободой. Ее девственность не рассматривается как нечто ценное и необходимое, что следует сохранять до свадьбы. Наоборот: например, у тибетцев женщина, имевшая с момента достижения сексуально активного возраста большее число сношений с различными мужчинами, имеет больше шансов успешно выйти замуж.

Существуют культуры, где семей в нашем понимании нет. Например, у части меланезийцев Оксании или наяров Кералы (Индия). Главой семьи там может быть брат женщины.

В тех обществах, где надежда на отца плохая, функцию защиты детей берет на себя дядя по матери. Он воспитывает ее детей, рожденных от одного или разных мужчин, которые не живут в доме. Дядя по матери — особый термин родства, во многих языках сохранивший весьма архаическую форму, например, сербское *вуй* (хотя у сербов культурно эта функция уже не выделяется). Разделение дядьев и теток на отцовских и материнских (*вуй* и *стрый*, *вуйка* и *стрыйка*) первоначально было типично для всех славянских языков на ранней стадии их обособления. Во многих языках мира это деление сохраняется до сих пор. В терминах родства индоарийских языков четко разделяются материнская и отцовская линии, и различными терминами обозначаются бабушка и дедушка матери и отца (соответственно — *дади/дада* и *нани/нана*), тетя и дядя по матери и отцу (соответственно *мауси/мама* и *пхуа/папа* или *чача*).

Семья наяров Кералы необычная. Выйти замуж девушка может за кого угодно, хоть за ближайшую кокосовую пальму. Чаше правда, это бывает какой-нибудь почтенный человек высокого статуса, совершающий чисто номинальный брачный обряд для нескольких девушек деревни. Потом у женщины могут появляться настоящие сексуальные партнеры, но они не живут в ее доме — *тараваде*, и она не уходит

жить к ним. Часто муж приходит к своей жене только на ночь (что можно сопоставить с японским браком-посещением — *цумадои*). Кастовый или сословный статус мужчины может быть значительно выше статуса женщины. Они обычно приносят ей подарки, но в воспитании детей ни материально, ни морально не участвуют.

Браки можно разделить на два типа: брак, заключенный по любви, и договорный брак — по расчету или по контракту. Каждая культура вырабатывает свое отношение к ним. В зависимости от того, какой из них признается «правильным», желательным, различаются и модели поведения людей в добрачный период. В тех обществах, где преобладал брак по сговору, особое внимание уделяется равенству статусов жениха и невесты.

В ряде обществ известен пробный брак. У народов Индокитая период пробного брака мог растягиваться до семи лет, в ходе которых «кандидат в мужья» фактически отбывал трудовую повинность в хозяйстве родителей невесты, и по истечении этого срока «жених» мог быть выгнан!

Исторический прогресс далеко не всегда ведет к установлению более прогрессивных общественных отношений, в том числе и семейных. Подчас можно наблюдать закрепление консервативных форм брака.

Примером тому может служить Япония конца XIX — начала XX в.: при быстром техническом прогрессе в буржуазной среде преобладал брак по сговору, с затворничеством невесты. Между тем, до середины XIX в. среди трудящихся масс, т. е. крестьян, ремесленников, отчасти и среди купечества имела место относительная свобода женщин, добрачные встречи, ухаживание, и как результат этого — брак по взаимной любви. Но после половинчатой буржуазной революции 1868 г. экономические и юридические реформы в стране возглавили в основном представители сословия самураев. Многие их нормы и правила в обстановке милитаристского имперского строительства стали референтной вехой для других слоев общества, им стремились подражать. И поскольку для знати (и только для нее) исстари был характерен брак по сговору, именно эта форма брака стала престижной в глазах остальной части населения Японии. В середине XX в. так заключалось до 90% всех браков в стране. Только во второй половине XX в. этот процент начал снижаться, и ныне держится на уровне 15–20%.

Другой пример — Индия. Здесь существуют два типа семейно-брачных норм: низкокастовый и высококастовый (условно обозначим их как соответственно культуры А и В, тем более что эти буквы совпадают с общими названиями, с одной стороны племенных групп —

адиваси, наиболее низкостатусные в традиционном индийском обществе, а с другой — *брахманы*, самая высокостатусная социальная группа).

В системе *В* абсолютно преобладают браки по сговору, жених и невеста нередко не видят и даже не знают друг друга до свадьбы. В отдельных случаях им запрещается знакомиться и разговаривать друг с другом. Очень разорительны, в особенности для семьи невесты, брачные выплаты, приданое и пышные свадебные торжества. Подчинение женщины сначала отцу, а затем — мужу очень строгое, развод абсолютно невозможен, более того, недопустимо повторное замужество вдов. Овдовевшая женщина, как правило, остается жить в доме свекра. Если у нее есть дети, она занимается их воспитанием (хотя и в этом деле все основные решения принимает глава семьи, в классическом случае — отец или брат ее покойного мужа), если нет, то приходится практически на положении бесплатной служанки.

В системе *А* все наоборот: практикуются добрачные встречи молодежи, браки нередко заключаются по любви, предсвадебных выплат нет или они чисто символические, свадьба отмечается скромно, разводы легки, вдовы обычно снова выходят замуж. Добавим, что система *А* распространена не только среди самых низких, но и среди самых высоких и вестернизированных классов индийского общества. Свободные добрачные сексуальные связи, возможность развода и повторного замужества вдовы, отсутствие жестких пищевых, поведенческих, бытовых запретов существуют и в высшем обществе Индии. В дорогих закрытых ночных клубах можно встретить пьющих крепкие алкогольные напитки и танцующих под звуки современного рока мусульманских женщин, нередко одетых *в бурку*, но с непокрытой головой и незакрытым лицом.

В средних классах доминирует система *В*, хотя с различной степенью строгости, нередко с некоторыми послаблениями. Однако именно сейчас, когда уровень жизни низких каст, пусть медленно, но растет и ширится их борьба за ослабление общественной дискриминации, за повышение своего социального статуса в глазах общества в целом, руководство каст принимает и реализует меры по переходу от системы *А* к системе *В*. Таким образом, общий социальный прогресс приводит здесь к абсолютному регрессу в области семейно-брачных отношений. Правда, некоторое размывание между культурами *А* и *В* происходит и в самой общественной верхушке: значительные послабления начинают вводиться среди элиты среднего класса Индии, хотя в большинстве случаев, почти исключительно, это касается образованных жителей больших городов.

Известна немецкая пословица: «не человек женится на человеке, но земля женится на земле, коровы на коровах», т. е. объединение имущества, земельной и прочей собственности ставилось во главу брака во многих традиционных культурах. Свадьба связана с разделом или объединением имущества, поэтому обычно семья стремится сохранить и по возможности приумножить то, что имеет.

Калым и приданое являются механизмами, восстанавливающими гармонию, нарушаемую в ходе создания нового брака. Брачные обряды мира делятся на «калымные» (где за невесту ее родителям платят выкуп, фактически покупают ее) и «с приданым» (где невеста приносит в дом мужа свою долю имущества или где «покупают» жениха). Свадьбы «с приданым» характерны для Индии и России (вспомним русскую классическую литературу, в частности, произведение А.Н. Островского «Бесприданница»). В Индии наличие даже одной дочери означает, что ее родители должны приготовить весьма внушительную сумму денег, не говоря уже о предметах обихода и обстановке дома: чаще всего именно на эти средства молодая семья начинает новую жизнь.

Брак в традиционных обществах — далеко не частное дело тех, кто в него вступает. На свадьбах даже самой прогрессивной японской интеллигенции 1960-х гг. вывешивали плакаты: «дом Такеда вступает в брак с семьей Ямада». В 80% случаев брак был еще по сговору, а индекс разводов был крайне низким, около 0,8 (т. е. из 100 пар, вступивших в брак, за год разводилась 0,8). В настоящее время в Японии 80% вступают в брак по любви (обоюдному желанию), а индекс разводов поднялся до 5.

Во многих культурах мира существует профессия свахи. В Индии и Японии эту роль исполняют родители невесты: замужество дочери всецело находится в их руках и на их совести.

Поиск жениха для дочери в Индии осуществляет обычно мать, в этот процесс вовлекаются все близкие и дальние родственники, коллеги и знакомые. Окончательное решение родители невесты и жениха принимают вместе. В либерально настроенных семьях учитывается желание дочери и сына, хотя до сих пор нередки и такие ситуации, когда, как мы уже отмечали, они видят друг друга первый раз только на свадьбе. До свадьбы им может быть позволено одно или два свидания в присутствии родственников.

В Японии активно действует отец невесты: он обращается к своему учителю, начальнику или благодетелю, просит его найти подходящего жениха для дочери. Таким образом, свадьба, кроме всего прочего, это также способ укрепления общественных отношений и «по горизонтали», и «по вертикали».

Существуют разные типы семьи. **Нуклеарные семьи**, объединяющие родителей и маленьких детей, характерны для индустриального общества. В Америке и многих странах Запада считается, что девушке и юноше после достижения 17—18-летнего возраста лучше поселиться отдельно от родителей. Они поступают учиться в колледжи и университеты, живут в студенческих домах, снимают — часто в складчину — квартиры. С родителями они видятся периодически, могут попросить у них денег, часто — в долг (в ряде случаев, возможно, и под проценты).

Так называемая **малая (расширенная) семья** (extended family — «вытянутая») объединяет стариков, их детей и внуков. Подобного рода семьи весьма распространены в советском и российском обществе.

Большая семья редко встречается в современных индустриальных обществах, но доминирует в традиционных. Ее составляют два-три брата со своими семьями и родителями, живущие под одной крышей. Такие семьи сохраняются в тех случаях, когда не хотят делить землю, скот, например на Кавказе, где преобладают тяжелые почвы, и раньше приходилось впрягать до 12 волов в плуг, поэтому для обработки земельного надела объединялось несколько семей.

Взаимосвязь нескольких живущих отдельно семей сохраняется в ряде культур до нашего времени. У ненцев Ямала и Таймыра, как и у ряда африканских народов, потеряв мужа-кормильца, его вдова и дети автоматически переходят в семью брата умершего мужа.

Распад большой семьи наблюдался в разных культурах в разные времена. На Кавказе это происходило в 1920-е гг., в Центральной России — во второй половине XIX в., у горных народов Вьетнама — в 1950-е гг.

С чего начинается распад большой семьи? Живут три-четыре брата с женами и детьми, пахут, рыбачат, все добытое несут отцу с матерью. Хозяйка решает, что и кому надо купить, выдает крупу, масло, продукты и специи невесткам — сварить обед, указывает, когда и какую курицу зарезать. Ключи и половник, которым разливается похлебка, всегда в руке хозяйки (слово *lady* происходит от древнеанглийского *hlaf-deiv* — буквально «хлебная богиня»). Но кто-то из младших членов семьи может завести себе поросенка, гусенка, откормить его кормами, собранными в лесу, продать, и на вырученные деньги купить себе одежду. Или — расчистит делянку в лесу, вырастит два дынных дерева, и продаст урожай. Так начинается распадаться большое хозяйство.

Патриархальные нравы большой семьи сохраняются долго. В традиционных обществах невестка не сразу становилась членом семьи.

Термином «пришлые невестки деревни» в Индии обозначали всех замужних женщин деревни, так как они действительно чаще всего были родом из других сел. До рождения первого ребенка невестка чаще всего не воспринималась семьей мужа как своя.

Взаимоотношения со свойственниками могли быть более или менее церемонными, табуированными, вплоть до избегания. Сложная субординация в семье во всех обществах была наиболее характерна для знати. В простонародье, в крестьянской среде взаимоотношения обычно строились проще.

Неслучайно во многих культурах сложился обычай избегать свекра или тещу. В русских деревнях было широко распространено такое явление, как снохачество (когда свекор принуждал молодых снох к сожительству).

В семьях Кавказа невестка очень долго избегала свекра, они не должны были видаться; молодая женщина заходила в дом с черного хода, закрывала лицо. Более открытые отношения наступали после нескольких лет ее супружеской жизни, рождения одного или двоих детей. Особенно тяжелое положение на Кавказе было у младшей невестки. Ее могли унижать старшие невестки, в ее обязанность входило разувать всех мужчин, возвращающихся с работы, а также мыть им ноги вечером.

Вот история одной армянской семьи из Верхней Кахетии конца XIX в. Младший брат женился на девочке 12—13 лет. В первый вечер после свадьбы невеста, дрожа от страха, готовит тазик с теплой водой, чтобы мыть ноги взрослым, усатым и бородатым мужчинам, становится на колени, и от страха пугает. Вся съезжившись, она подумала: «Сейчас побьют!». Однако старший брат говорит: «Смотрите, это же совсем ребенок! Она нас боится! Давайте отменим этот варварский обычай!» В старости эта женщина говорила своим невесткам: «Помалкивали бы вы все! Когда-то один мой пук вас всех освободил!»

Диапазон этикетного, нормативного поведения мужа, жены и детей в разных культурах мира чрезвычайно широк. Например, на Кавказе для мужа неприличным считается публичное проявление заботы и внимания по отношению к его жене и детям. Более того: кавказские мужчины могут даже демонстрировать что-то похожее на пренебрежение к детям.

Представим себе черкесских мужчин, обсуждающих на плоской крыше дома план вооруженного нападения на кровников. Ребенок ползает рядом, двигается к краю, и уже почти падает с крыши (а внизу — обрыв!), когда его отец, не прерывая разговора, якобы случайно наступает ногой на край рубашечки ребенка. Дитя орет, подбегает

мать и хватает его, а мужчины, не обращая никакого внимания, продолжают беседу как ни в чем ни бывало.

Особые случаи родства — **искусственное родство и усыновление** (адопция). У народов Кавказа развито аталычество. Тюркское слово «аталык» означает человека, исполняющего функции отца. Аталык стоит на одну или две ступеньки ниже в общественной иерархии по отношению к настоящему отцу его приемного сына: князь отдает сына в семью рядового дворянина, или же дворянин — в семью состоятельного крестьянина. Получивший воспитанника рад: хотя будут и хлопоты, и расходы, но искусственно породниться с дворянином неплохо! Княжич землю не копает, но дрова рубит, за скотом ходит, железки драит, воспитатель учит его сабельной рубке и другим полезным вещам. В 14—15 лет аталык покупает ему ружье, саблю, черкеску и ведет в замок на горе: «Ваша милость! Вот ваш сын, он хоть и молодой еще, но усики у него пробиваются, можете ходить с ним в грабительские походы, он и рубить саблей может, и за скотом присмотрит, что вы угоните!»

Сдав воспитанника отцу, аталык обычно получает от него ценный подарок, но он по стоимости несравним с действительно солидными расходами на воспитание и снаряжение благородного отпрыска; тем не менее, система аталычества — это не эксплуатация высшими классами низших, как иногда это пытаются представить, а форма общественных отношений, которая поддерживает классовый мир, предотвращает крестьянские восстания — не будет же аталык восставать против своего воспитанника, более того, он и родичам и соседям это не позволит.

В традиционном японском обществе землю наследовал старший сын. А если рождались только девочки? Тогда для женитьбы на дочке подыскивался бедный работающий парень, он менял фамилию и становился зятем — примакком. Его положение в этой семье обычно было незавидным. А если — наоборот, в семье несколько сыновей? Основное наследство доставалось старшему, младшие же либо становились батраками, либо шли в город наниматься на работу. Со временем кто-то мог освоить ремесло, скопить денег, начать собственное дело и даже выбиться в купцы или предприниматели.

Помните, как это происходило в сказке Шарля Перро «Кот в сапогах»? После смерти мельника старший сын получает мельницу, средний — осла (наверное, он станет бродячим торговцем), и младший — кота. Однако кот — это метафора личной смекалки, инициативы, авантюризма, дороги к быстрому успеху.

Так, система майората в Японии и в Западной Европе не позволяла дробить крестьянские хозяйства в деревне, чем способствовала появлению пролетариата и буржуазии. Практика деления земельного надела поровну между наследниками, доминировавшая в Китае и Индии, вела к сохранению деревенской нищеты, и к стагнации общества в целом.

Рис. 48. Индийский гарем.

Теперь представим себе, что хозяин — не крестьянин, не землевладелец, а, скажем, художник, мастер чайной церемонии, актер или керамист, изготовитель ваз? Он должен передать свое искусство, но не всегда его собственные дети способны на подобное творчество. Тогда мастер усыновляет ученика, и он обретает новое «династийное» имя (например, Сакудзаэмон 1-й, 2-й, 3-й и т. д.), получает наследство, продолжает труд своего учителя.

Существуют и другие формы искусственного родства, причем как постоянного, так и временного. Например, побратимство, посестримство, кумовство. В календарной обрядности многих славянских народов известны весенне-летние обычаи создания таких связей между девушками одной округи. А в Индии искусственное побратимство распространено до сих пор, причем в него могут вступать люди разной этнической и конфессиональной принадлежности. Повязав на запястье индийскому другу красную нить, вы можете стать его названным братом или сестрой.

Чрезвычайно интересны случаи религиозного родства. В христианстве существует институт крестных. Но вот вопрос: крестный отец, должен ли он быть христианином? Можно подумать, это само собой разумеется и никем иным он быть не может. Однако в ряде мест давнего взаимодействия нескольких религий (например, в Осетии, Армении) крестным мог становиться мусульманин, а *кирва* («отец по обрезанию») — христианин. И это обстоятельство в значительной степени способствовало усилению контактов между культурами и религиями, укреплению общества в целом. Раньше это было мощным миротворческим фактором. И в осетино-ингушском, и в карабахском конфликтах определенную отрицательную роль сыграл тот факт, что в советском обществе были уничтожены, преданы забвению многие местные обычно-правовые и религиозные механизмы (в частности, когда женщина снимала с головы платок и бросала его между ссорящимися или дерущимися мужчинами).

Культуры, народы и религии

Чужой не презирайте храм,
Где Будде курят фимиам
Язычники в Камакура...
Редьярд Киплинг. Камакура

Религия — явление в высшей степени сложное, комплексное, она объединяет и социальные институты, и административное устройство, и психологические установки, и образ жизни человека. К сфере религии относятся вопросы бытия вообще, основные жизненные ценности человека. Зачастую именно религиозные представления и установки организуют повседневную жизнь человека, а также выступают в виде основных стимулов, мотивирующих людей к совершенным действиям и поступкам.

К религиозным учениям и системам можно подходить по-разному. Есть фундаменталистский подход, провозглашающий приверженность тем или иным исходным позициям. В США в ряде штатов учителя школ обязаны излагать наряду с эволюционистской и креационистскую теорию возникновения Вселенной. Однако к выводу об акте творения приходят и некоторые истолкования современной астрофизики. В целом, космогонии всех религий более или менее не противоречат науке, особенно если и то, и другое толковать символически. Ничего невозможного нет, «отсутствие доказательства не есть доказательство отсутствия», или, как говорил Блаженный Августин еще полторы тысячи лет назад, чудеса противоречат не законам природы, а только нашим (нынешним) представлениям о них (этих законах). К тому же, в мире много такого, что вообще невозможно объяснить.

Религия в широком смысле этого слова существует столько же, сколько существует человек. В мезолитических и неолитических наскальных росписях Африки, Европы и Азии встречаются персонажи,

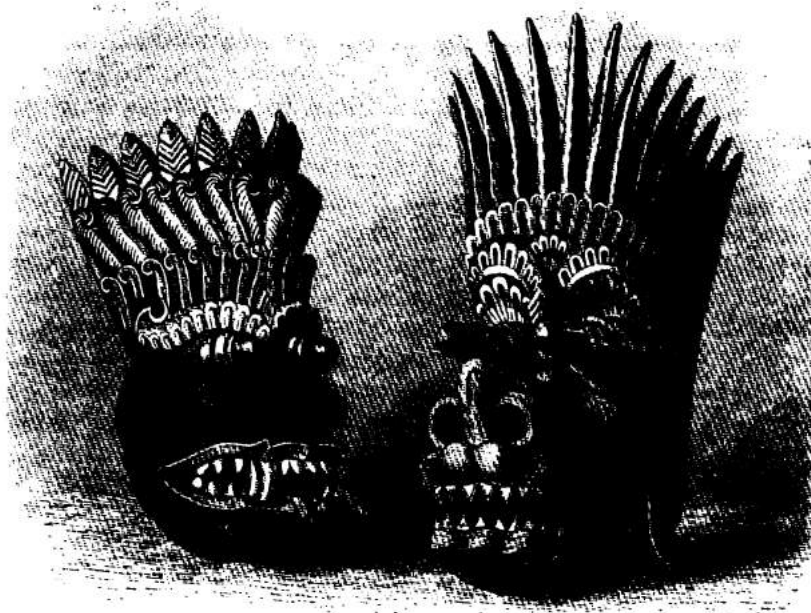

Рис. 49. Обрядовые деревянные маски сингалов (Шри-Ланка).

похожие на человека в маске, с бубном и т. п. Кого они изображают, может быть, шамана, актера, духа или божество? Уже неандертальцы особым образом хоронили своих покойных: они клали на них ценные и красивые вещи — бараньи рога и посыпали цветами (по сохранившимся в раскопах остаткам пыльцы ученые установили, что это были пахучие лекарственные цветы, собранные весной).

Замечены некоторые представления о священном и среди животных. Так, например, у слонов, встречаются «кладбища» — места, куда старые больные животные уходят умирать. Если это происходит в другом месте, то вокруг слона собираются его собратья, ощупывают его, придают ему определенную позу, стоят вокруг, «разговаривают», как будто совершают какой-то обряд. Возвращаясь с сезонной перекочевки, они навещают место смерти собрата, перекатывают его череп, перекладывают кости. Хорошо известно, что молодые гориллы оплакивают умерших родителей.

А. Леруа-Гуран, исследователь верхнего палеолита, реконструировал палеолитический «иконостас» — все возможные росписи, относя-

шиеся к каменному веку⁶⁴. Их оказалось много, они уложились в определенную систему, но их интерпретация целиком и полностью зависит от фантазии исследователя. Так, можно представить, что изображения лошадей связаны с солнцем, и это позднее получило развитие в образе солнечного коня, а потом и солнечной колесницы. Изображение же быка обладает, возможно, либо лунной, либо земной символикой. Однако ничего этого нельзя утверждать с уверенностью.

Племена верхнего палеолита имели уже разные религиозные верования — племенные религии, дожившие в некоторых вариантах и до наших дней. Их особенность состоит, в частности, в том, что они принципиально терпимы. Представления о священном были тесно связаны с представлениями о своем роде, племени, земле обитания. Духи и боги — это прежде всего «наши» духи и боги, так же, как и «мы», как племя, народ, в древнейших языках буквально означает «люди», «настоящие люди». Иные боги и духи — может быть, и существуют, но отношение к ним различно.

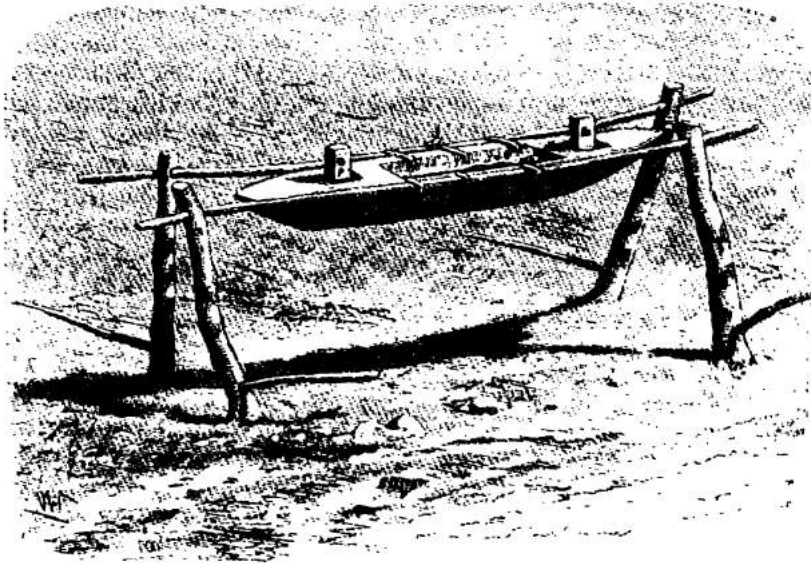

Рис. 50. Гроб в виде лодки из Тиморлаута (Индонезия).

⁶⁴ См.: Lerois-Gourhan A. *L'homme et la Matière*. Paris, 1949; Lerois-Gourhan A. *Milieu et Technique*. Paris, 1980.

Но в религии, как и в целом в культуре всех народов, существуют механизмы адаптации и адаптации. И в рамках верований, религиозных представлений может быть адаптировано гораздо больше явлений, чем мы можем себе представить. В племя могут принять человека первоначально постороннего. Известны случаи адаптации исследователей — антропологов (Л.Г. Морган у ирокезов, в России — В.Н. Чернецов у манси). Манси даже признали наличие у Чернецова шаманского дарования и обучили его технике камлания.

Прозелитизм в ранних верованиях весьма ограничен. Чтобы воспринять племенную религию, необходимо быть принятым в племя. Этнические и национальные религии тоже обычно содержат элементы «вхождения»: причащение плоти и крови Христа имеет черты — хотя и символически преобразованные — каннибализма, а именно поедания тела Бога или человека, в которого вошел Бог или Дух.

Национальные, ранние государственные религии существовали у ацтеков, инков, шумеров, древних греков. Некоторые культуры известны нам по мифологическим преданиям, например, о походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном. Однако, возможно, что они были только самой внешней частью религиозной культуры, сказками, изложенными «для открытого пользования».

Существуют вовсе непрозелитические религии. Например, таков традиционный индуизм, в котором спектр форм проявления священного очень широк. Адепт может выбрать сам свой путь и способ почитания божества. Но кастовые нормы религиозного поведения предопределены рождением, и обратиться в индуизм, строго говоря, невозможно. Чтобы стать индуистом, им нужно родиться.

Однако в рамках индуистской модели зародились религии, в которые могут обратиться люди иного происхождения, например, сикхизм. Характерно, что такие религии кастовость в принципе отрицают. Сикхом может стать любой европеец или американец, и такие люди есть. Зачастую они особенно пунктуально выполняют все предписанные сикхам обряды, не стригут и не бреют волос, носят тюрбаны, коротенькие штаны под брюками, стальной браслет, имеют при себе гребень и кинжал. А обычные индийские сикхи? Конечно, среди них встречаются разные люди, как закоснелые ортодоксы, так и свободные от «предрассудков». О том, каковы они в настоящее время, можно, в частности, узнать из бомбейской газеты брачных объявлений. Там можно встретить, например, такое: «Чисто выбритый сикх, работающий механиком на автостанции в Балтиморе (США), женит-

ся на девушке совершенно необыкновенной красоты из хорошей бомбейской семьи; каста значения не имеет».

Прозелизм и механизм обращения отсутствует в национальной религии Японии — синто. В синтоистские храмы разрешено входить иностранцам и иноверам, они могут там молиться, заказать обряды и сделать пожертвования. Японцы относятся к этому положительно и не удивляются, но членами религиозной корпорации такие люди не становятся.

На один этнос — евреев — ориентирован иудаизм. Однако иудеем может стать и человек иного происхождения. Правда, это сложно, и с точки зрения ортодоксов, не нужно. Обязанность раввина — постараться отговорить человека, высказывающего желание обратиться в иудаизм, объяснить ему тяготы религиозного пути иудея, убедить, что праведником можно стать и без этого. Однако так как в принципе обращение в иудаизм возможно, здесь сделан шаг к «мировым» религиям, построенным на принципе обращения.

Строго говоря, ни ранние религиозные обрядовые формы, ни самые высокие достижения человеческого духа и разума, например дзэн, религиями в узком смысле этого слова не являются. Они либо «дорастают» до конфессиональности, либо превосходят её. Однако они, безусловно, относятся к религиозной культуре данного общества.

Религиозная культура — явление более широкое, чем религия, и именно в ней происходит большинство религиозных процессов. Человек может принадлежать к любой мировой религии и быть одновременно клиентом шамана, даже более того — самим шаманом. Мало того: зачастую шаман, практикующий в среде, знакомой с мировыми религиями, при встрече с обратившимся к нему осведомляется, к какой религии тот принадлежит, и даже рекомендует ему для начала «подновить эти связи» — сходить на исповедь, поставить свечку Богородице и т. д.

Для «настоящей» религии (в отличие от, например, магии) можно найти много определений, но в общем она подразумевает, что человек-личность, выстраивая свои отношения с окружающим миром, апеллирует к предполагаемой высшей личности — Божеству, курирующему не обязательно весь мир, но хотя бы мир данного человека и/или его общества. Личность, к которой обращаются — не обязательно всемогуща, но безусловно старшая, вышестоящая, уподобленная по меньшей мере личности родителя (отсюда столь часты формулировки о Богини-матери или Боге-отце).

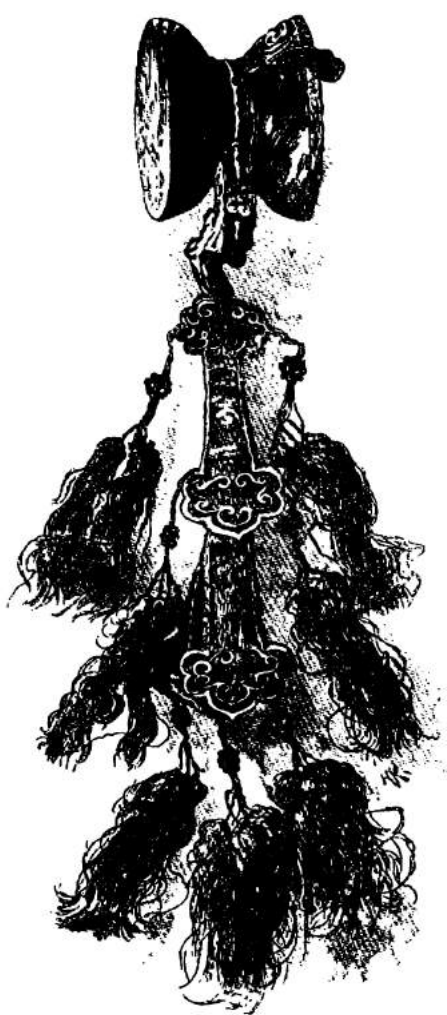

Рис. 51. Ручной культовый буддийский барабанчик — дхамару, сделанный из детских черепов (Тибет).

Между тем, низовой колдун или шаман, обращаясь к своим духам, видит в них обычно образы не старших, не родителей, а скорее более или менее равных существ: уважаемых помощников, братьев, супругов, сотрудников.

Что же касается высших уровней медитации, созерцания, например индуистской *дхьяна* (откуда произошли китайское *чань* и японское *дзэн*), или близких к ним йогических практик, то занятия ими вполне совместимы даже с абсолютным атеизмом.

В современном мире численно и организационно преобладают христианство, ислам, буддизм со всеми их подразделениями и ответвлениями. С определенными оговорками сюда же можно отнести и некоторые другие религии.

Отдельные религиозные ответвления локального или периферийного характера так далеко отошли от первоисточника, что превратились по существу в новые религии. Таковы при христианстве мормонство, при исламе — бахаизм и учение друзов, при иудаизме — религия караимов, при буддизме — учения Сока-Гаккай и Фалунь-Дафа. Кроме того, мы вообще не рассматриваем здесь генезис и функционирование изуверских, злопоклонных сект, например сатанизма, Белого Братства, «Аум Синрикё» и т. д., многие из которых можно определить как квазирелигии или антирелигии.

На роль в принципе не локальных, а общемировых конфессий претендуют сикхизм, неокришнаизм, японские неосинтоистские учения типа Тэнрике («Закон Неба»⁶⁵), но их прозелитические успехи за пределами регионов их зарождения, как правило, невелики.

Достаточно широко распространены в современном мире и собственно традиционные религии — племенные и этнические, существующие на уровне племен и народностей. Они сохраняются в рамках современных государств, рядом с национальными, мировыми религиями. Наконец, на их стыке возникают синкретические религии и учения (хотя нельзя забывать, что возникновение любой религии есть отчасти синкретизация, соединение различных элементов).

Например, при взаимопроникновении католического христианства и завезенных из Западной Африки племенных религий негров-невольников возникли такие культы, как *сантерия* (Куба), *вуду* (Гаити), *умбанда* (Бразилия) и другие.

Э. Тайлор обозначил ранние формы религии как анимизм, фетишизм, аниматизм, магию, шаманизм. Однако это не «ящики» классификации, а скорее «столбы», между которыми имеются линии связей

⁶⁵ Арутюнов С.А., Григорьева Т.П., Комаровский Г.Е. Закон Неба. М., Искусство, 1996.

(«веревки»), и на которых «висят» конкретные явления: каждое поближе к тому или иному «столбу».

Согласно ранней религиозной логике, все имеет душу. Например, «душа» стола обидится, если на него поставить не еду, а какую-то гадость. Умение хранить и передавать информацию — основное свойство живых существ — присуще всем предметам, они тоже подвластны усталости, старости и гибели.

Все религии сочетают два вектора: представления о свободе воли и о предопределенности пути человека. Большинство религий второй или иной степени все же признают свободу воли, и именно это дает возможность существования морали. Ведь иначе, если предположить, что в мире все изначально предопределено, то следует вывод, что человеку все позволено и нет смысла к чему-то стремиться.

Священные образы в разных культурах предстают в различных формах. Мы далеко не всегда можем узнать в маленьком земляном холмике Северной Бенгалии важнейшую местную богиню — Моношу, или в груде камней — предков народа мизо из северо-восточного индийского штата Мизорам. Как же они не похожи на огромные храмовые комплексы, расположенные неподалеку, со множеством построек, в которых сочетаются элементы различных художественных стилей, и обслуживаемые целым штатом жрецов, работников и слуг!

Рис. 52. Погребальное место у южноафриканских банту.

Рис. 53. Священные дубинки айнов (Япония).

Существуют разные боги — боги ветра, солнца, рыбы. Айны ловят горбушу, забивают ее ударом палки по голове, стараются делать это как можно быстрее, чтобы рыба не мучалась. Палка для забоя рыбы — священный предмет, она покрыта орнаментом или украшена стружкой. Если ударить рыбу с промедлением — плохо, она будет мучаться, душа ее уйдет недовольная, пожалуется Матери-горбуше. Если же ударить быстро — душа уйдет радостной и на следующий год будет опять много рыбы.

Что же может стоять за этим? На этот вопрос даются разные ответы. Венская этнографическая школа и возглавлявший ее Вильгельм Шмидт полагали, что в основе религиозных верований самых примитивных народов лежит прамотеизм. Однако сведения, собранные представителями этой школы, не вполне достоверны.

Говоря о религиях, в особенности о ранних их формах, мы должны признать, что наряду с наблюдением и описанием здесь очень велика роль понимания, интерпретации, степени обобщения, допущения. Ведь идеи и представления нельзя наблюдать, их можно только понимать. Это требует от исследователя не только конкретных знаний и навыков, но и особой научной интуиции, которой невозможно научить в учебном заведении. Кроме того, даже в исходном записанном в поле материале встречается много неточных, приближен-

тельных и заведомо ложных сведений. Таковы, например, в свете новых данных наши знания о религии догонов — африканского народа, исследуемого французскими антропологами, которые утверждали, что открыли немало «сенсационного», изучая религию этого народа.

В мистических книгах Карлоса Кастанеды имеется немало правдивого, этнографически ценного опыта. Однако большинство ученых не признают за аутентичный источник все, что связано с литературным наследием этого писателя.

В первобытных религиях имеется много схожего. В более поздних религиях различаются разные профессионалы сакрального, культовые специалисты. Одно дело — католический или православный священник, мастер театрализованного богослужения, другое — протестантский викарий или пресвитер, особенно у баптистов, организатор-пропагандист, пламенный проповедник. Отличается от священника и иудейский раввин (учитель), и исламский мулла. Роль брахмана в индуизме еще сложнее, чем у христианского священника.

Трудно бывает просто разграничить функции жреца, шамана и колдуна.

Жрец — специалист священного, знающий, как обращаться с богами и духами, когда и что нужно делать. Какие движения или покой нужны во время обряда, какие предметы могут использоваться, какие — нет. Жрец должен знать, сколько капель крови нужно капнуть на чашу, где посыпать солью, какой человек может присутствовать при ритуале и что он должен делать. Жрецами становятся чаще всего по кровному родству или ученичеству: жрецы это дети жрецов и/или их ученики. Таковы, например, индуистские брахманы.

Христианский священник — в некотором смысле тоже жрец, но он сознательно, сам выбирает свою профессию и своего Бога. Он может обладать истинной верой или нет, но совершенное овладение профессиональной технологией для него необходимо.

Не так становятся шаманом. Тут боги или духи выбирают человека. Почти обязательное условие, чтобы стать шаманом — это иметь шаманов в роду, т. е. должна быть определенная наследственность. Люди, получающие знаки свыше, что в них вселяются духи старых шаманов (видят видения, слышат голоса), по-разному реагируют на это. В наше время они в основном делятся на тех, кто принимает этот дар, и тех, кто не принимает его. Неприятие шаманского дара,

отказ от него почти всегда чреват неприятными последствиями — болезнями (например, припадками, головными болями), упадком сил и соответственно неудачами в работе, семейной жизни и так далее.

Принимающий шаманский дар в свою очередь может в дальнейшем посвятить себя этому занятию, или же заниматься шаманской практикой время от времени, совмещая это с другой основной профессией. Шаманом или шаманкой в наши дни могут оказаться школьная учительница и шофер, завхоз в учреждении, продавец в магазине, ученый и министр. Однако шаманство, т. е. постоянное или эпизодическое выполнение обрядов и вызывание духов, — довольно тяжелая работа. Здесь не достаточно иметь только профессиональные технические навыки: нужна самоотдача, умение импровизировать, напоминающее мастерство актера. Как и актер, нередко после сеанса шаман бывает совершенно обессилен и измочален, чего обычно не происходит со служителями других богопоклонных культов.

Каждый шаман по-разному видит души и духов. Одни говорят о разноцветных шариках, другие — о мерцающих звуках, третьи — о животных и птицах, в которых воплощается духовная сущность человека.

Шаман общается с духами, он по-разному связан с ними. Духи могут становиться помощниками, друзьями, наставниками или даже супругами шамана. Иногда шаман обретает господство над своими духами, в других случаях все происходит наоборот — духи руководят его поведением.

Шаман, совершающий камлание, обычно использует особые атрибуты. Это шаманский костюм (сейчас встречается уже весьма редко), подвески, цепочки, налобная бахрома. Важные предметы — бубен (у народов Сибири) или смычковый музыкальный инструмент (у шаманов Средней Азии), являющиеся одновременно музыкальным инструментом и ездовым животным шамана.

Шаман — прежде всего «специалист по душе». В традиционных шаманских культурах (в основном, у народов Сибири) бытует представление о нескольких душах человека. Основная задача шамана — возвращать исчезнувшую (потерянную, похищенную или убежавшую) «душу». Для этого проводятся обряды камлания, в ходе которых шаман отправляется в путешествие по «нижним» (или реже «верхним») мирам, встречается с их обитателями, ищет и стремится вернуть душу своего клиента — заболевшего человека.

Многообразны формы шаманского лечения болезней. Например, шаман может «петь людей» или вещи, и выводимая им мелодия пред-

ставляет собой своеобразную глоссологию, отражающую сущность человека, каковой он ее видит. Другие шаманы закливают духов ландшафта, например поют гимны духам гор и испрашивают у них благополучия.

Моральные качества шамана могут быть различными. На Чукотке были известны шаманы-террористы, захватывавшие острова, стремящиеся к власти, переносящие боль с больной головы на здоровую; их называли «шаманами, поедающими души».

Диапазон культурных форм, в которые облекается священное, велик, но более или менее определен. Все, что является человеку в видениях, проявляется в этих рамках, в этой «лексике». В Фатиме божественное явилось детям как Богородица, Пресвятая Дева. Бурятская шаманка видит души людей в облике шаров — тусклых, мохнатых (у взрослых и старых людей) или ярких, светлых, блестящих — у детей.

Колдуны — в некотором смысле тоже «шаманы». Часто они существуют «под» официальной религией, более или менее мирно уживаются с ней. Но нередко случается их активное противостояние. Колдуны бывают разные. Например, целители заговаривают и врачуют боли. Среди них встречаются прекрасные диагносты, сильные хилеры. Иногда колдуны специализируются на чем-то: кто-то занимается вызовом и остановкой дождя, кто-то хроническими болезнями, поисками пропавшего скота. Колдовской дар просыпается в людях нередко довольно поздно, и в связи с каким-то физическим или моральным ударом, например, смертью мужа или ребенка. Дискомфорт снимается целительской практикой, принятием дара врачевания, гадания, магическими действиями.

Б. Оля (Holas) выделяет три компонента в работе специалиста по части священного действия⁶⁶. Нередко встречаются шарлатанство и мошенничество. И колдун, и шаман могут побрякать над больным, прокукарекать, поводить руками, высосать из пупка и сплюнуть червячка (заранее положенного за щеку). Они знают, что лукавят, но это действует на больного, тот верит, что отныне начнет выздоравливать. Но настоящие колдун и шаман часто обладают врачебными знаниями и навыками, они практикуют траволечение, массаж, акупунктуру, знают анатомию человека. Наконец, специалисты священного — медиумы, нередко они достигают особого психического состояния — транса. Интенсивность общения может быть разной, и часто этот контакт управляем самим человеком.

⁶⁶ Holas B. *La pensée africaine. Textes choisis*. 1949—1969. Paris, 1972.

В настоящее время встречается немало мнимых колдунов и шаманов. Как же отличить истинного специалиста священного? Прежде всего по отношению к вознаграждению. Настоящий шаман не оговаривает плату за сеанс лечения. Клиент обязательно должен принести дар (конфеты, другую еду, водку, может быть и деньги), но чаще всего что-нибудь не слишком ценное. В русском языке семантически далеко разошлись слова, некогда имевшие общий корень и слитное значение: «жрец» и «жрун», «врач» и «враль».

Кроме того, тут надо различать, как это делали Тайлор и Фрезер, и от чего отказываются вульгарные атеисты — разницу между магией и религией. В чистой магии нет обращения к божественному. Колдун-заклинатель сам уничтожает демона или вампира с помощью серебряной пули, креста или святой воды, которые якобы действуют по законам, сходным с законами природы. В религии же возникает третий контрагент — тот, кто сознательно направляет или отклоняет пулю или крест. Человек, обращаясь к нему — Богу, Духу или Матери, просит о содействии. Религиозная деятельность — в отличие от магической — это отношения личностей. В магии все предельно операционно, в религии происходит постоянный диалог.

Наконец, говоря о религии, необходимо учитывать религиозную культуру, т. е. локальный и социально-культурный контекст её существования. В традиционных обществах религиозная принадлежность человека, как

Рис. 54. Левитация йога (Индия).

и его брак, отнюдь не были личным делом. В России ещё в конце XIX в. «вероисповедание» было таким же зафиксированным, наследуемым и официальным признаком человека, как и его сословная принадлежность и подданство. В современной России (после 70-летнего советского атеистического периода), и также во многих других странах, конфессиональность, и тем более — религиозность, является сферой значительной неопределённости для большинства людей.

Во всяком обществе существует многослойная религиозная культура, имеющая субстрат и адстраты, включающая в себя один или несколько «сгустков» — конфессий. Особым явлением религиозной культуры является религиозность, которая разлита повсюду, любые аспекты жизни могут окрашиваться в религиозные тона. То же можно сказать и про политическую культуру и политику, этничность и этнос. Еще одной универсалией, типологически сходной с религиозностью, является родство (в тесной связи с которым этничность «выросла»). Религия, этнос, системы родства суть институты, имеющие свои конкретные структуры, они выступают как системы, служащие разным целям, но в своем взаимодействии призваны поддерживать единство общества и обеспечивать его самовоспроизводство.

Да, человек есть башня птиц,
Зверей вместилище лохматых,
В его лице — миллионы лиц,
Четвероногих и крылатых.
И много в нём живёт зверей,
И много рыб со дна морей,
Но все они в лучах сознания
Большого мозга строят зданье.
Николай Заболоцкий

Заключение

Итак, мы рассказали о некоторых, самых важных темах, исследуемых в рамках культурной антропологии. Применяемые при этом разнообразные методы и подходы в совокупности напоминают довольно толстый слой рыболовных сетей, различных по форме, материалу и способу плетения. Накладываясь на единую реальность, они по-разному «вылавливают» из нее отдельные элементы, их смыслы и значения. Каждый из этих элементов по-своему представляет ту культуру, к которой принадлежит. С другой стороны, он становится частью культур-антропологического описания, т. е. своего рода «продукта» для приготовления «блюда» — научного исследования, текста. Антрополог же выступает в роли «повара», который как бы находится между объективной реальностью, конкретной исследуемой культурой и ее образом, представлением о ней в науке.

Какое место занимает культурная антропология среди других наук? Можно ли говорить о ней в целом как о естественной науке, родственной географии, биологии, физике, или же она больше тяготеет к гуманитарным дисциплинам, таким, как литературоведение или искусствоведение? По мнению британского антрополога А.Р. Рэдклиффа-Брауна, антропология является «естественной наукой об обществе». Э.Э. Эванс-Притчард же, напротив, полагал, что это гуманитарная область, не устанавливающая объективных законов, и носящая преимущественно описательный характер.

В наше время существует и третья точка зрения, по сути дела, объединяющая оба взгляда, хотя и склоняющаяся в несколько большей степени к мнению Эванса-Притчарда. Однако здесь учитывается не

только то, что делает исследователь, но также и то, чего он в сущности стремится достичь. Клифорд Гиртц, опираясь на философскую герменевтику, основанную Вильгельмом Дильтеем, и на современную семиотику, провозглашает, что культура — суть набор различных по форме и происхождению «текстов», и возможность ее «прочитывать», т. е. понимать и интерпретировать, имеет каждый человек, знакомый с тем языком, на котором они написаны.

Филолог-китаист ставит себе задачу прочесть некий текст, понять его и перевести на другой язык, скажем, русский. Но слово «дао» в одном контексте означает «путь», в другом скорее «закон», в третьем — «судьба». Талант ученого заключается не только в умении точно подобрать слова для перевода, но и прокомментировать текст. Так же и антрополог должен понять изучаемую культуру и донести это понимание до своих коллег.

Таким образом, получается, что культурная антропология — это наука, но особого рода, а именно — интерпретативная наука, имеющая дело с объективным и всеобщим знанием, но учитывающая также и субъективное, индивидуальное «восприятие», «понимание» и интерпретацию объективной реальности.

В чем же специфика собственно антропологии в современном поле? Прежде всего в интенсивном и детальном исследовании системного поведения людей. По выражению Р. Фирта⁶⁷, историк может быть глух, юрист может быть слеп, но антропологу необходимо слышать, что люди говорят, и видеть, что они делают.

Более того: весьма ценными качествами антрополога являются тонкое обоняние, различение специфических запахов и вкусов исследуемой культуры, умение тестировать предметы на ошупь. Все пять органов чувств задействованы в хорошем антропологическом исследовании. Только дополняя друг друга, они создают наиболее полную, многокрасочную картину исследуемого мира.

Какого рода знание антрополог получает во время своего полевого исследования? Его можно разделить на два вида — документальное и интуитивное. В своем чемодане антрополог привозит полевые дневники, блокноты с записями, гербарий, карты, схемы, рисунки, фото-графии, видео- и аудиозаписи, генеалогии, записи интервью, а может быть и отдельные предметы (подаренные, найденные или купленные). Эти документы касаются мужчин, женщин и детей, их домов,

⁶⁷ Firth R. *The Sceptical Anthropologist*. London, 1972.

деревень, занятий, ремесел, пищи, рынков, праздников, жертвоприношений, конфликтов, песен, снов и размышлений о том, почему змеи не имеют ног.

Со временем, когда исследуемая культура становится более знакомой ученому, он начинает понимать: что от него ждут и что он может ожидать от людей, воспринимает юмор, язык жестов и начинает сам пользоваться им. Понимание и восприятие дают ему возможность осмыслить все собранные документы, связать их друг с другом.

Но тут встает другой вопрос: как передать это своим коллегам? Как можно вместить в книгу весь опыт изучаемой культуры, все пережитое за несколько лет, описать судьбы многих людей, жизнь которых так непохожа на жизнь большинства будущих читателей данной книги?

Большинство антропологов пишут в некоторой «промежуточной манере», объединяя конкретный опыт и теоретические размышления. Переводя полевой опыт в научные данные, антропологи прибегают к единому научному жаргону при описании жизни бороро Бразилии, нуэров Судана и тогда Южной Индии. При этом голоса людей становятся менее выразительными, судьбы конкретных людей встраиваются в общую мозаику данного этноса или другой социокультурной группы.

Интерпретация и описание — вот два столпа, находящиеся в основании перевода опыта конкретного полевого исследования в научные факты. Невозможно описать культурные явления, например, такие, как выборы в парламент или крикетный матч, не учитывая идей и представлений их участников. Однако идеи и представления нельзя наблюдать, их можно только понять. Они не могут быть описаны, в особенности на языке, отличном от оригинального, но только — интерпретированы. Клифорд Гиртц утверждает, что право и даже способ описания культурных явлений имеет всякий человек, соприкасающийся с данной культурой⁶⁸. Каждая точка зрения представляет собой сгусток «текста», а культура в целом — это собрание различных «текстов».

Интерпретация и описание, как отмечает антрополог Дан Спербер, суть способы репрезентации, представления, так же, как переводы, шкалы, схемы, пояснения, теории⁶⁹. Представление фактически является замещением некоего реального явления и должно быть не только адекватно последнему, но и понятно читателю. Поэтому антрополог постоянно ищет компромисс между эмпирической адекватностью и прагматической эффективностью своего описания.

⁶⁸ Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. N.Y., 1973. P. 452.

⁶⁹ Sperber D. *On anthropological knowledge: three essays*. Cambridge, 1985. P. 29.

В антропологии существует довольно обширный технический словарь интерпретативных терминов. Часто они не связаны с конкретными концептами культуры, но обладают «знаковым сходством» (таков, например, термин — «любовь» — love). Отдельные слова, правда, заимствуются без перевода — «визирь», «гуру». Некоторые понятия являются фактически интерпретативными обобщениями: «жертвоприношение», sacrifice объединяет в себе представления о создании связи и ее разрыве, насилии, даре и многом другом.

Сходна ли природа адекватности в интерпретации и описании? Нам представляется, что нет: интерпретация адекватна той реальности, с которой она связана, когда правдоподобна (в большей или меньшей степени), описание же адекватно, когда правдиво.

В поле антрополог обретает уникальный опыт. Конечно, он опирается на опыт своих предшественников и имеет определенные инструменты исследования, но главное для него — личные взаимоотношения, посредством которых он устанавливает связь с этой культурой, с ее средой. Этот инструмент нельзя принести в своем чемодане, как и ту технику, посредством которой он создается. Взаимоотношения с культурой и ее людьми создаются на месте, нередко спонтанно. Кроме того, все же лучшие антропологи даже не те, у кого складываются тесные связи с информантами, но те, кто лучше и точнее других способен понять и описать эти отношения. И такое интуитивное понимание не может заменить никакая техника.

Нам представляется, что это умение понимать исследуемую культуру сообразно с ее внутренним строем, с одной стороны, и навыки, дающие возможность ее максимально точно и рельефно представить, выразить на языке науки, и будут по-прежнему составлять главный арсенал средств в искусстве антропологии XXI в.

Список иллюстраций*

1. Южная Индия: деревенская святыня	8
2. Роспись литовских народных сундуков (XIX в.)	21
3. Варанаси — священный город индусов	26
4. Пути древнейшего расселения человечества	29
5. Двойная лодка Фиджи	34
6. Семейство бушменов	42
7. Рыбацкая деревня на Меконге	44
8. Классификационное пространство этнических общностей разных типов	55
9. Айны перед житницей	57
10. Ткацкий стан айнов	58
11. Узоры африканских татуировок	60
12. Основные типы африканских луков	63
13. Женщины с островов Тонга	66
14. Руины старинной крепости в Индии	67
15. Стоянка эскимосов в Гренландии	70
16. Полинезийские палицы и весла — знаки достоинства	71
17. Нагрудный щит (пектораль) с острова Пасхи, с надписью по краю	72
18. Статуэтки с острова Пасхи	75
19. Женщина из Лоанго (Африка), работающая в поле	77
20. «Цветок культуры»	78
21. Глиняные сосуды майя с иероглифами и орнаментом	85
22. Керамика индейцев зуни-пуэбло, могильные урны индейцев	86
23. Вращательные дощечки австралийцев	87
24. Индийское оружие из разных областей Декана	89
25. Культовые предметы даяков — охотников за головами	91
26. Продавщица фруктов (Индия)	94
27. Деревянная посуда овамбо (Центральная Африка)	96
28. Серьга и военный амулет из клыка с Маркизских островов	97
29. Важнейшие садовые культуры на Шри-Ланке	99

* Иллюстрации приведены по следующим источникам: Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара: Индустан. — М., 1846; *Tableau pittoresques de l'Inde*, Paris, 1834—1835; Dubois de Fancigny *Inde*, Paris, 1845.

30. Центры многообразия и одомашнивания культурных растений	100
31. Специфическая американская зерновая культура: зерновая лебеда каноя (Перу)	102
32. Озерный рис тускарора (область Великих Озер в США)	103
33. Деревня египетских феллахов недалеко от пирамид Гизы	105
34. Жертвенный нож с острова Пасхи	108
35. Священные изображения с рыбьими головами с острова Пасхи	109
36. Североамериканский индеец пауни в военном наряде	114
37. Китайская столовая утварь	115
38. Буддийский храм в Киото (Япония)	116
39. Домашний алтарь для отправления культа предков (Китай)	117
40. Кулящие хукку (Индия)	127
41. Селло, седельная сумка и колчан для наконечников копий (Северная Африка)	134
42. Батат (<i>Convolvulus Batatas</i>)	137
43. Салям — мусульманское приветствие (Индия)	150
44. Китайский компас	163
45. Борьба с водяной змеей (Шри-Ланка)	163
46. Народные типы Северной и Восточной Европы	169
47. Китайки с искусственно уменьшенными стопами ног	171
48. Индийский гарем	185
49. Обрядовые деревянные маски сингалов	188
50. Гроб в виде лодки из Тиморлаута (Индонезия)	189
51. Ручной культовый буддийский барабанчик — дхамару, сделанный из двух детских черепов	192
52. Погребальное место у южноафриканских бату	194
53. Священные дубинки айнов (Япония)	195
54. Левитация йога (Индия)	199

Рекомендуемая литература

Общие труды

- Алексеев В.П.* География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986.
- Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. 5-е изд. М., 1999.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Антология исследований культуры. Том I. Интерпретации культуры.* СПб, 1997.
- Артемова О.Ю.* Личность и социальные нормы в ранней первобытной общине. М., 1987.
- Артемова О.Ю.* Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов С.А., Григорьева Т.П., Комаровский Г.Е.* Закон Неба. М., 1996.
- Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.
- Барт Ролан.* Мифологии. М., 2000.
- Бахтеев Ф.Х.* Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960.
- Бгажников Б.Х.* Основания гуманистической этнологии. М., 2003.
- Бенедикт Р.* Хризантема и меч. М., 2004.
- Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Бойс М.* Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1988.
- Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.
- Вавилов Н.И.* Пять континентов. М., 1962.

- Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Вундт В.* Миф и религия. СПб, 1913.
- Геннеп А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
- Гири К.* Интерпретация культур. М., 2004.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Дао и даосизм в Китае. М., 1982.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Дюмулен Г.* История дзен-буддизма. Индия и Китай. СПб, 1994.
- Жиран Р.* Насилие и священное. М., 2000.
- Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917—1934. М., 1999.
- Исида Э.* Мать Момотаро: исследование некоторых аспектов культуры. СПб, 1998.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. М., 1985, 1989.
- Календарные обычаи и обряды народов Западной Азии. М., 1997.
- Календарные обычаи и обряды народов зарубежной Европы. М., 1973, 1977, 1978, 1983.
- Клейн Л.С.* Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. СПб, 2000.
- Клейн Л.С.* Принципы археологии. СПб, 2001.
- Книга мудрых радостей / Сост. Малявин В.В. М., 1997.
- Книга прозрений / Сост. Малявин В.В. М., 1997.
- Книга японских обыкновений / Сост. Мешеряков А.Н. М., 1999.
- Кон И.С.* Введение в сексологию. 2-е изд., доп. М., 1989.
- Кон И.С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988.
- Крывелев И.А.* История религий. Т. 1—2. М., 1975—76.
- Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. М., 1997.
- Ксенофонов Г.В.* Шаманизм. Избранные труды. Якутск, 1992.
- Кузнецов Б.И.* Древний Иран и Тибет. История религии бон. СПб, 1998.
- Культура жизнеобеспечения и этнос / Под ред. Арутюнова С.А. и Маркаряна Э.С. Ереван, 1983.

- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. (Первобытный менталитет. СПб, 2002).
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4.
- Леви-Строс К. Путь масок. М., 2000.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
- Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
- Логинов А.В. Этнологические подходы в американском религиоведении // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 241—257.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб, 1994.
- Львова Э.С. Этнография Африки. М., 1984.
- Максимов А.Н. Избранные труды / Сост. О.Ю. Артёмова. М., 1997.
- Малиновский Б. Магия. наука и религия. М., 1998.
- Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004.
- Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004.
- Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
- Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.
- Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. СПб, 2000.
- Молния в сердце / Сост. Малявин В.В. М., 1997.
- Морган Л.Н. Древнее общество. Л., 1934.
- Морган Л.Н. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Мосс М. Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб, 2000.
- Невербальное поле культуры. М., 1995.
- Пименов А.В. Непрошедшее прошлое: к характеристике нетеистической религиозности // Религия, магия, миф. Современные философские исследования. М., 1997.
- Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001.
- Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб, 2003.
- Пучков П. И. Население Океании. М., 1967.
- Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб, 1999.
- Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб, 1991.
- Религиозные традиции мира / Под ред. Байрона Г. Изрхарта. Т. 1—2. М., 1996.
- Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994, № 5.
- Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001.
- Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М., 1991.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
- Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
- Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 106—150.
- Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1—2. М., 1996—1998.
- Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб, 1997.
- Уайт Л. Избранное: эволюция культуры. М., 2004.
- Философия культуры. Становление и развитие. СПб, 1998.
- Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990.
- Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями. М., 1977.
- Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980.
- Фрезер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1990.
- Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998.
- Фридрих И. История письма. М., 1979.
- Фуко М. Слова и Вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971.
- Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
- Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988.

- Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб, 2000.
- Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.
- Эванс-Притчард Э.* Теории примитивной религии. М., 2004.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
- Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.
- Элиаде М.* Тайные общества: обряды инициации и посвящения. М.—СПб, 1999.
- Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев, 1998.
- Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Якобсен Т.* Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995.
- Anthropologists in the Field* / Ed. Jongmans D.G., Gutkind P. N.Y.: Humanities Press, 1967.
- Barnett Homer G.* Anthropology in Administration. Evanston: Row, Peterson and Co., 1956.
- Bell C.* Ritual theory, ritual practice. N.Y., 1992.
- Bennett John W., Gustav Thaiss.* Sociocultural Anthropology and Survey Research // Survey Research in the Social Sciences. Ed. Charles Y. Glock. New York: Russell Sage Foundation, 1967. P. 269—314.
- Brian M.* Anthropological studies of religion: an introductory text. Cambridge, 1990.
- Brim John A., Spain David H.* Research Design in Anthropology: Paradigms and Pragmatics in the Testing of Hypotheses. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1974.
- Campbell Joseph.* The masks of God. 1—4. London, 1965—69.
- Collier John Jr.* Visual Anthropology: Photography as a Research Method. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1967.
- Edgerton Robert B.* The Individual in Cultural Adaptation. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1971.
- Epsheim A.L.* The Craft of Social Anthropology. London: Tavistock Publications Ltd, 1967.
- Exploration in Cultural Anthropology / Ed. Goodenough W.H. N.Y., 1964.
- Foster George M.* Applied Anthropology. Boston: Little, Brown and Co, 1969.
- Harris Marvin.* The Nature of Cultural Things. N.Y.: Random House, 1964.
- The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1985.
- Kroeber A.L., Kluckhohn C.* Culture: a Critical Review of Concept and Definitions // Papers on the Peabody Museum. Harvard, 1952. V.LXVI. N 1. P. 43—72.

- Lerois-Gourhan A.* L'homme et la Matiere. P., 1949.
Lerois-Gourhan A. Milieu et Technique. P., 1980.
Malinowski Bronislaw. Argonauts of the Western Pacific. N.Y.: E.P. Dutton, 1922.
Pelto Periti J. Anthropological research: the structure of inquiry. Cambridge, 1993.
Saler B. Conceptualizing religion: immanent anthropologists. Leiden, 1993.
 Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality / Ed. by Mandelbaum Daviv G. Berkeley: University of California Press, 1949.
Sperber D. On anthropological knowledge: three essays. Cambridge, 1985.
Spindler George. Being an Anthropologists. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1970.

Учебники и учебные пособия

- Белик А.А.* Культурология. Антропологические теории культур. М. 1998.
Бочаров В.В. Антропология возраста: Учебное пособие. СПб., 2000.
Воронкова Л.П. Культурная антропология как наука: Учебное пособие. Серия: Науки о культуре и человеке. Вып. 4. М., 1997.
Емельянов Ю.Н. Основы культурной антропологии: Учебное пособие. СПб, 1994.
Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л., 1974.
Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР. Часть 1—2. М., 1990.
Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.
Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
 Основы этнографии / Под ред. Токарева С.А. М., 1968.
Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., 1929.
Резник Ю.М. Введение в изучение социальной антропологии. М., 1997.
Садохин А.П. Этнология: Учебник. М., 2000.
Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966.
Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1988.
Токарев С.А. История этнографической науки. М., 1978.
Харузин Н.Н. Этнография. СПб, 1903. Вып. 1—4.
Харузина В.Н. Этнография. М., 1914. Вып. 1—3.
Харузина В.Н. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара. М., 1941.
Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998.
 Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994.
 Этнография / Под ред. Бромлея Ю.В. и Г.Е. Маркова. М., 1982.

Справочная литература

- Атлас народов мира / Под ред. Брука С.И., Апенченко В.С. М., 1964.
- Буддизм: Словарь. М., 1992.
- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. Ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М., 1996.
- Ислам. Словарь атеиста. М., 1988.
- Католицизм. Словарь атеиста. М., 1991.
- Конфессии, культы и религиозные движения: Справочное пособие. М., 1998.
- Мифы народов мира. Том 1—2. М., 1992.
- Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991.
- Народы и религии: Энциклопедия. М., 1998.
- Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
- Народы мира. Этнографические очерки. Т. 1—18. М., 1954—1966.
- Основы религиоведения / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 1998.
- Православие: Словарь атеиста. М., 1988.
- Протестантизм: Словарь атеиста. М., 1990.
- Религиозные верования / Отв. ред. В.Н. Басилов. И. Винкельман. М., 1993.
- Религиозные традиции мира. Тт. 1—2. М., 1996.
- Социально-экономические понятия и соционормативная культура. М., 1986.
- Тихонравов Ю.В.* Религии мира: Учебно-справочное пособие. М., 1996.
- Шпажников Г.А.* Религии стран Африки: Справочник. М., 1981.
- Шпажников Г.А.* Религии стран Юго-Восточной Азии: Справочник. М., 1980.
- Этнические и этносоциальные категории. М., 1995.
- Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- The Encyclopedia of Religion / Ed. Mircea Eliade. N.Y., 1987.
- The Encyclopedia of social and cultural anthropology / Ed. by A. Barnard. J. Spencer. L.—N.Y., 1996.
- The Encyclopedia of world cultures. Berkeley, 1994. Vol. 1—4.
- The Encyclopedia of world faiths. N.Y., Oxford, 1989.

Об авторах

Арутюнов Сергей Александрович (1932). Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (по отделению всеобщая история). Заведующий Отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Специалист в области общей этнографии, этнокультурной истории, археологии народов мира. Автор трудов и многочисленных книг и статей по этнографии народов Восточной Азии и Закавказья, теоретическим проблемам этнографии и культурологии, в том числе: «Современный быт японцев» (1968), «У берегов Ледовитого океана» (1984) «Народы и культуры: развитие и взаимодействие» (1989), «Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство» (в соавт. Абдушелишвили М.Г.) (1994). Tradition and Prosperity in the Caucasus. Bercley Program in Soviet Studies (1999).

Рыбакова Светлана Игоревна (1972). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Европы Института этнологии и антропологии РАН, преподаватель Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета. Основные направления исследований — история культуры и современные исследования балтийских и южноазиатских народов, религиозная культура и искусство. Автор более 40 публикаций, в том числе: «Диевтуриба. Латышское неоязычество и истоки национализма» (1999), «Ромува. Этническая религиозность в Литве» (2000), «Ливы — опыт возрождения почти исчезнувшего народа» (2001), а также монографий «Язык орнамента в латышской культуре» (2002) и «Индийский танец — искусство преображения» (2004).